

Александр Аронов

ИЗБРАННОЕ

Москва
2014

Книга подготовлена к печати
ИД “Московский Комсомолец”

Составитель —
Татьяна Суханова (Аронова)

Оригинал-макет — Анатолий Губанов
Верстка и дизайн обложки —
Иван Скрипалев

Аронов Александр Яковлевич. Избранное
А84 /Предисл. Александра Минкина.
М.: ИД “Московский Комсомолец”, 2014. — 448 с.

Александр Аронов — поэт и журналист. Автор настоящих шедевров русской лирики. Для журналистики поэт Аронов был слишком мягок, слишком добр. Для поэзии журналисту Аронову ежедневная газетная мясорубка оставляла слишком мало времени. В стихах, посвящённых Юрию Щекочихину, Аронов иронично и точно описал типичную жизнь этого малочисленного исчезающего племени: “День пиши, вечер пей, ночь спи”. Первое и второе удавалось гораздо чаще, чем третье. Александр Аронов работал в “МК” 35 лет — с 1966 года до 2001-го. До последнего дня жизни. Работа и была его жизнью. Все, кто его знал, слышал, читал — благодарны судьбе.

ISBN 978-5-9900974-2-1

© ИД “Московский Комсомолец”, 2014

*Надо всеми громами-погромами
Чуть поскрипывает хитро
Неуроненное Ароновым
Журналистики русской перо.*

Евгений ЕВТУШЕНКО

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Есть тексты более важные, чем фронтовые сводки с полей Украины. Это стихи настоящего поэта — то есть дух и душа, записанные буквами

Многим кажется, будто танк и гаубица важнее, сильнее. Важно: кто убил, где и сколько (а почему и ради чего — потом когда-нибудь разберёмся)...

Вроде бы известно: когда говорят пушки, музы молчат. Но на самом деле они не молчат; их просто не слышно; им нет места в новостях.

А потом вдруг оказывается, что «синенький скромный платочек» не уступает грандиозному маршу «Вставай, страна огромная!».

...О нашей теперешней войне, где Украина просит Германию защитить её от России, — об этой войне не будет песен. Ни одной. Вот увидите.

Тихая «Тёмная ночь... и детской кроватки тайком ты слезу утираешь» и грохочущий «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь!» — появились одновременно. Одинокий голос человека, одинокая гитара и — могучий орденоносный Краснознамённый хор, гигантский оркестр... Песенка жива и волнует по-прежнему, а гимн исчез, и союз нерушимый исчез.

Если русского человека — инженера, или санитара, или министра — спросить про величайшее сражение Отечественной войны 1812 года, то спрошенный начнёт бормотать: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» — стихи! А сколько там было гаубиц, сколько было убитых...

Слова долговечнее могил. Где Эсхил? где Гомер? где Цветаева и Мандельштам? И даже если уцелела надгробная плита, то под ней давно прах, и если там кто и шевелится, то прапраправнуки червяков, которые... ну вы поняли.

Тела исчезли, а старые слова нетленны. Сказал бы «как новые», но нельзя: слишком много чести для новых.

30 августа 2014 года — 80 лет со дня рождения Александра Аронова. Сказать, что совсем забыт, ошибка. Правильнее сказать: неизвестен.

Таланта Бог дал ему много, а славы судьба дала ему мало.

Он чувствовал свою силу настолько, что решился — после Пушкина и Лермонтова — написать третьего «Пророка»; прямое продолжение двух первых.

Форму он нашёл гениальную. Первые шесть строк отражаются в центральной нейтральной строке, как в зеркале. И смысл слов — тех же самых! — меняется на противоположный! Это волшебство. А «зеркальная строка» — единственная бесчувственная во всём стихотворении — холодная, настоящее зеркало.

ПРОРОК

*Он жил без хлеба и пощады.
Но, в наше заходя село,
Встречал он, как само тепло,
Улыбки добрые и взгляды,
И много легче время шло;
А мы и вправду были рады...*

Но вот — зеркальное стекло:

*А мы и вправду были рады,
И много легче время шло;
Улыбки добрые и взгляды
Встречал он, как само тепло,
Но, в наше заходя село,
Он жил без хлеба и пощады.*

Пророки Пушкина и Лермонтова рассказывают о себе. О том, что с ними случилось. «Пророк» Аронова принципиально иной.

Мы слышим не гневную или горькую жалобу пророка, а глас народа: «А мы и вправду были рады...» Да уж. Очень были рады. Улыбались, ласково глядели, камнями не швырялись. «Но, в наше заходя село, он жил без хлеба и пощады».

Аронов в своём «Пророке» сказал о нас больше, чем Пушкин и Лермонтов в своих. Хотя они великие, а он — никто.

...Степной волк — абсолютно свободен. Степь (в нашем понимании) — синоним бесконечности... Но поэты мыслят иначе, чем люди. Поэтам что-то открывается...

ВОЛК

*И нет свободы. И Волк в степи
Просто на самой большой цепи.
И когда он глядит в свою степь,
И садится выть на луну,
На что он жалуется — на цепь?
Или на её длину?*

Вспомните свою жизнь и попробуйте перечитать вслух (тут всего-то шесть строк). Если повезёт, то вам покажется, что этот Волк — вы.

...Бог присутствует во многих стихах Аронова. В советское время, тем более в советской комсомольской безбожной газете, это было нелегко. Аронов кое-как пытался притворяться атеистом.

НАПУТСТВИЕ

*А когда овладеет прямая тобой досада
И потишишься ты ныне исправить земное зло,
Трёх святых, Михаила, Василия, Александра,
Помянув, принимайся за ремесло.*

*Сам насмешничал ты над ними, забудь про это.
Всё простили они, блаженные, — ты не враг.
Плоский век париков, камзолов и силуэтов
Не давал тебе заглянуть в их горестный зрак.*

*И что слово у них не всегда —
ты забудь — звучало,
Что кривой сползала строка, не сладили с ней,
А зато у них там виднее твоё начало,
А когда виднее начало, то суть ясней.*

*А работа твоя все та же, и вдох, и выдох,
Поднимай, не должен сей втуне валяться крест.
И уж коли Господь, которого нет, не выдаст,
То и чудище —
 обло, огромно, озорно, стозевно и лайй —
 не съест!*

Что такое «Господь, которого нет»? «Которого нет» — это для цензора. «Напутствие» полно веры в Бога. Посмотрите на вторую строчку:

И потищишься ты ныне исправить земное зло

Это стопроцентное христианство. И третья строчка — о святых — тоже религиозна.

Поднимай, не должен сей втуне валяться крест.

Без Евангелия это вообще ребус. Само понятие «нести свой крест» не существует вне христианства.

...Сейчас, слава Богу, не то что прежде. Государство у нас теперь божественное. Теперь цензуры нет, свобода... Но почему-то кажется, что оно по-прежнему стозевно. Сто! — это вам не патриархальный трёхголовый дракон (одна девушка в год). Сто! — и лайй круглосуточно из каждого телевизора. Запихать такое чудище в одну строку — это надо уметь.

«Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайй» — именно эту зверскую строку поэта Тредиаковского писатель Радищев поставил эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву», за которое был приговорён к смертной казни (милостиво заменили на 10 лет Сибири).

А «Напутствие» по-прежнему точно: не бойся, не проси, работай. Тщетно? Это не нам решать.

...Аронов, глядя на наш безумный-безумный-безумный мир, придумал страну Мальбек. Населил её людьми, очень похожими на нас, землян. Но в отличие от нас и от нашей Госдумы, жители страны Мальбек придумывали себе законы, чтобы жизнь стала лучше. Ну хотя бы разумнее и добрее.

ВТОРОЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

*Потом они себе второй закон
На площадях прибили тёмной медью.
Ошибка, гнев, неправильный поклон,
В чём ты был дерзок, что нарушил он —
Всё одинаково каралось. Смертью.*

*Но не ввели ни плахи, ни меча,
Ни скопом не казня, ни в одиночку,
И у невидимого палача
Любой преступник получал отсрочку.*

*«Жесток иль слаб сего закона нрав?» —
Смущались поначалу души граждан.
«Так будет с каждым, кто бывал не прав...»
«Так будет с каждым, кто...»
«Так будет с каждым...»*

*И дешевели старые долги,
И медленно яснеть как будто стало.
Всё вздор — вражда. Какие там враги?
Того, что все умрём, на всех хватало.*

Почитайте это вслух всем, кто сходит сейчас с ума от кипящей ненависти. Может быть, ярость начнёт утихать, а чужие долги и грехи — дешеветь. Зачем убивать, если и так все умрут?

...«Предсказание» написано от имени (или, лучше сказать, «от лица») котёнка. «Они» — это мы, люди. «Он» — это хозяин, кормилец, благодетель. Но зверёк интуитивно догадывается, с какой породой имеет дело. А поэт переселяется душой и в пророка, и в волка, и в котёнка.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

*Они владеют колдовством двери,
Колдовством пищи, искусством игры.
Но мы всё равно не очень-то верим,
Когда они с нами нежны и добры.*

*Он счастлив, когда он приходит вечером
И видит, что меня не украл никто,
И прижимает меня, и шепчет,
Когда я вспрыгну к нему на пальто.*

*Но, если я соскочу с подоконника,
И убегу, и меня убьют,
Он себе заведёт другого котёнка,
Чтобы опять создавал уют.*

Поэт переселяется в котёнка, в дождь, в опавший лист, в дьявола, в Бога, в убийцу... Переселяется сам и надеется, старается переселить вас.

...Если вы когда-нибудь расстались с любимым человеком навсегда; если вы не забыли своё отчаяние и душевную боль, то внешне простенький стишок «Причина» будет вам понятен «как никому» (особенно если сами себе прочтёте вслух последние четыре строчки). Но если сейчас вы нетерпеливо ждёте счастливого свидания, то скорее всего пожмёте плечами: это вообще о чём?

ПРИЧИНА

*Отчего твой автобус быстрее не бежит,
Если сердце твоё нетерпеньем дрожит?
Если за поворотом свиданье —
Разве грех сократить ожиданье?*

*Что, не в силах шофёр? Что, не тянет мотор?
Что, поймает ГАИ — обругает?
Всё на свете доступно... И ты до сих пор
Не поймёшь, что причина другая:*

*Здесь, в автобусе, едет и кто-то иной —
Понимаешь, такая досада,
У него расставанье стоит за спиной.
Надо медленней, медленней надо!*

...1 августа 1944-го началось знаменитое Варшавское восстание против фашистских оккупантов.

...В прошлом веке русский еврей Аронов в конце 1970-х написал стихи о середине 1940-х, а вы прочтёте их сейчас, в XXI веке, когда опять люди горят, а Россия опять стоит, выжидая.

*Когда горело гетто, когда горело гетто,
Варшава изумлялась четыре дня подряд.
И было столько треска, и было столько света,
И люди говорили: «Клопы горят»...*

*Зачем вы в 45-м стояли перед Вислой?
Варшава погибает! Кто даст ей жить?!*
А я ему: «Сначала силёнок было мало,
И выходило, с помощью нельзя спешить».

— *Варшавское восстание подавлено и смято!*
Варшавское восстание потоплено в крови!
Пусть лучшие я погибну,
чем дам погибнуть брату! —
С отличной дрожью в голосе сказал мой визави.

*А я ему на это: «Когда горело гетто...
Когда горело гетто четыре дня подряд,
И было столько пепла, и было столько света...
И все вы говорили: «Клопы горят»».*

— Не горюй, Саша! Бог простит.

...Каждый имеет право вести свою родословную откуда хочет. По большей части людям хочется найти в своём роду какого-нибудь аристократа. Найдёшь (или выдумаешь), например, барона и можешь писать перед своей фамилией «фон».

Ароновук своей фамилии добавки были не нужны; она сама, по его мнению, говорила о древности рода. Аарон — тот самый, который работал переводчиком у своего косноязычного брата Моисея за полторы тысячи лет до рождества Христова.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

*Встав на гору, мой родственник
как взговорит, давась
Пустыми, бесполезными слезами:
— Любите же друг друга.
Ибо мир не любит вас.
По крайней мере, он не этим занят.*

Большинству людей кажется, будто от них ничего не зависит. Не они начинают войну — это уж точно. Они не могут её остановить — это уж точно. И выборы от них не зависят, и честный подсчёт голосов. И если на улице видят, как упал человек, то не подходят. Зачем подходить, если ты не врач?

Поэт всегда чувствует иначе. А иначе он не поэт.

УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

*Я на службу, на службу, на службу
ходил аккуратно.
Вызывал, проверял, ставил двойки,
да мало ли дел.
К четырём, и к пяти, и к шести
возвращался обратно.
Шёл в кино, пил вино.
Или так — в телевизор глядел.
А когда я, когда я, когда я
вставал в воскресенье,
Перед зеркалом, зеркалом
всё вспоминал дотемна:*

*Где я дёрнул рукой,
что в Калабрии землетрясенье?
Где ошибся в расчётах,
раз в Африке снова война?*

...Следующие трагические строки в наше время нуждаются в пояснении.

Свет и сейчас включают, как десятки лет назад; выключатель, кнопка — они почти не изменились. Изменилась проводка. В середине прошлого века не было плоских пластиковых проводов, не было скрытой проводки. По стенам, на изолирующих фарфоровых роликах, тянулись витые шнуры: каждая из двух медных жил поверх резиновой изоляции была покрыта матерчатой оплёткой. И два этих провода были заплетены в тугую косичку. Она так и называлась: электрический шнур. Крепкая вещь, слона бы выдержала, не то что человека.

*Почти нигде меня и не осталось —
Там кончился, там выбыл, там забыт, —
Весь город одолел мою усталость,
И только эта комната болит.*

*Диван и стол еще устали очень,
Двум полкам с книжками не вмоготу.
Спокойной ночи всем, спокойной ночи.
Где этот шнур? Включаем темноту.*

...Большинство стихотворений Аронова внешне так просты, что читатель скользит, не успевая заметить глубины. Снова скажем: единственный (или почти единственный) способ что-то понять — это читать вслух. Сперва себе, потом другим. Тогда появится шанс, что фраза «каждое творенье есть хвала порядку на Земле» будет понята верно. Реквием, выходит, тоже хвала порядку.

*Строчки помогают нам не часто.
Так они ослабить не вольны
Грубые житейские несчастья:
Голод, смерть отца, уход жены.*

*Если нам такого слишком много,
Строчкам не поделать ничего.
Тут уже искусство не подмога.
Даже и совсем не до него.*

*Слово не удар, не страх, не похоть.
Слово — это буквы или шум.
В предложенье: «Я пишу, что плохо»,
Главный член не «плохо», а «пишу».*

*Если над обрывом я рисую
Пропасть, подступившую, как весть,
Это значит, там, где я рискую,
Место для мольберта всё же есть.*

*Время есть. Годится настроенье.
Холст и краски. Тишина в семье.
Потому-то каждое творенье
Есть хвала порядку на Земле.*

...Воевать Аронову не пришлось (в 1941-м ему было 7 лет), но Великая Война стала постоянной темой всех русских поэтов XX века, постоянной мучительной мыслью. Сами увидите, сколько у штатского, миролюбивого, добродушного Аронова стихов о войне. Война всплывает у него даже в абсолютно мирных стихах — о любви, о погоде... Но есть и прямые

*Родился —
Шла Столетняя война.*

*Женился —
Шла Столетняя война.*

*Жил, думал —
Вот скоро кончится она,*

*А умер —
Шла Столетняя война.*

Когда мы читали это в прошлой жизни (в СССР), Столетняя война — это было что-то школьное, средневековое. Сейчас, в 2014-м, когда прошло сто лет с начала Первой Мировой, вдруг понимаешь, что она не кончилась.

А чем она кончится?

*Кто кончался от ран,
Кто в поту задыхался от пыли:
Христиане язычников били,
Ну а те — христиан.*

*Сколько жутких картин,
Страны рушатся под сапогами.
Некрещёных ругали «поганый»,
А крещёных «кретин».*

*Отовсюду видны,
Мы стоим на большой перекличке.
Две останутся вялые клички
от Великой Войны.*

Теперь читаешь это с ужасом, как предсказание. Неужели от немыслимой братоубийственной войны останутся две вялые клички: «укропы» и «колорады».

Александр Минкин

ИЗБРАННОЕ

1956-й

Среди бела дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.

Пряжкой от ремня,
Аперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.

Спляшут на костях.
Бабу изнасилуют.
А потом простят.
А потом помилуют.

Скажут: — Срок ваш весь.
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем.

КЛАСС

Я молод был. О, как я молод был!
Я молод был невыразимо долго.
И вот она растаяла, как долька
Луны, ушедшей в голубую пыль.

Вы приходите в школу
И видите мрак и холод.
Учителя сидят в пальто,
Ученики сидят в пальто.
И вообще черт знает что.

СЕМИНАР

— Первую жизнь играть с огнем,
Следующую — вести дневник,
Третью жизнь разбираться в нем
И подойти к написанию книг...

— Вы не поверите, я бы мог,
О уважаемый педагог,
Вообразить, что всего одна
Сразу, допустим, на все дана...

— Дерзость и глупость, мой юный друг,
И ни на что не похожий вздор,
Верьте опыту, до сих пор
Не помогали в сфере наук.

ПРЕДВЫПУСКНАЯ ЛЕКЦИЯ

Порою они находятся среди переводчиков.
Реже — библиотекарей, бывает — учителей.
Мало поможет вам курс различия почерков
И спецсеминар о наличии в рукописях полей.

Тонкий привкус достоинства,
возможно, будет существен,
Но и ему бы я тоже не слишком-то доверял:
Случается их обнаружить в таком положении и месте,
Где железобетонный робот терпенье бы потерял.

Будто бы несколько реже женщины, чем мужчины,
Не знаю, не уверен. Подростки и старики.
Мы так подходили и эдак. Ничем они не отличимы.
Но вы пройдете вселенную ради одной строки.

Вас много лучше учили. Я не забываю этого.
Видю все ваши мысли, никого не виню:
“Практически он не может ничего посоветовать —
Черта ли тратить время на всю его болтовню?!”

В складе старого хлама, историей именуемом,
Отцветшая кровь, скука, перелистывание вотще.
Бесплоднейшие усилия следуют неминуемо,
И вы еще усомнитесь, стоило ли вообще.

Знать не желаю, кто мы — ученые, боги, практики, —
Но все живущие в помощь вам двинут свои труды,
Ибо ценней минерала
не встречается в данной Галактике:
Там есть эманация цели для атома и звезды.

А я настроен спокойно.
Мой индекс войдет в бессмертье.
Вам я читаю лекции, во-первых, а во-вторых,
Сколько цивилизаций удержал я на этом свете,
Однажды найдя Марию Сергеевну Петровых!

1980 г.

Взрослые умерли. Их не осталось.
Директор школы там, в кабинете
Вечером знает горечь и жалость,
Что он остался один на свете.

Что у него нет старшего друга
И бабки-ворчуньи: ворчит, а лечит.
Если б его кто поставил в угол,
Хоть ненадолго, стало бы легче.

А потом он встает и идет к двери
Потому, что уже собираются те, кто
Сейчас в десятом, а они верят,
Что он большой и что он директор.

И вот заплясали тени на стеклах
Соседней школы — я штору поднял,
Гляжу на дождь и не знаю, сколько
Сейчас, и когда ты придешь сегодня.

1980 г.

ДОМ ОТДЫХА

Мне надо побыть одному.
Желательно в целой вселенной.
Индустрия увеселений
Мне как-то сейчас ни к чему.

Еще я так низко не пал,
Чтоб стала доступна наука
Под крики культурника “Ну-ка!”
Выделывать странные па.

И так не взлетел высоко,
Чтоб в завуче, танго объятom,
Увидеть сестру или брата
И с ним веселиться легко.

1970 г.

Соединенье гроз, тепла,
Экзаменов, сирени, лета,
К лучам привыкшего стекла,
Врывающихся в окна веток,

Прогулок медленных вдвоем,
Балов, расплеснутых из залов,
И проводов со всех вокзалов —
Давай июнем назовем.

ЧЕТЫРЕ УРОКА НОЧЬЮ

Учитель Слон твердит, трубя
И топая ногой по фразе:
— Ритм представляет из себя
Догадку о всеобщей связи...

Учитель Крокодил, на мель
Вползя, диктует над рекою:
— Элементарную модель
Вселенной — назовем строкою...

Учитель Дождь вошел из тьмы,
Уже с порога повествуя:
— Боль есть свидетельство, что мы
На самом деле существуем...

И говорит учитель Свет,
Перстом тебя касаясь строго:
— Пиши: для нас возврата нет,
И нам осталось так немного.

1970 г.

ШКОЛА ПОЭТОВ

Памяти Д.Хармса

Учитель: Расскажи нам стихотворение.

Первый:

Я видел, как мылся
Над теплой водой
Усатый,
 к тому же он был
С бородой.

А мальчик с собакой
Стерег у реки
Усатого вещи:
Берет и очки.

Учитель: Теперь ты.

Второй:

Я видел:
Купалась в холодной воде
Собака с усами
И при бороде.

А мальчик стерег
На песке у реки
Собакины вещи:
Берет и очки.

Учитель: Хорошо, теперь ты.

Третий:

Я видел...

Ах, вспомнил!

В песке у реки

Собака

Стирала

Берет и очки.

И в трусиках

Мальчик купался в воде

В собачьих усах

И в бороде.

Учитель: Молодец! А ты?

Четвертый:

Я видел, я видел —

Усы с бородой

Купались вдвоем,

Обливались водой.

Лежали

Берет и очки

На песке,

А мальчик —

Собака! —

Купался в реке.

Учитель: Всем 5. Садитесь.

1975 г.

БАЛЛАДА О КЛАССНОЙ КОМНАТЕ

Белые стены.
Пол.
Потолок.
Здесь постепенно
Проходит урок.
Слева, на задней —
Генка Шмельков,
Самый несчастный
Из учеников.
— Ты вот вчера не доделал задания,
Позавчера не пришел на собрание,
Два дня назад у тебя опоздание,
Нету в тебе никакого сознания...
А за окном
Голубая зима
Мчится,
Скользит
И смеется.
И барабанит
Лучами в дома
Белое солнце,
Веселое солнце.
Мимо звонков,
Невдалеке,
Жизнь пролетает, звонка,
На паре коньков,
На одном коньке,
Без одного конька.
Время несется.
Кончается пятый.
Дремлют на солнце
Черные парты.
Вечером здесь
Загорается свет —
Собирается
Педсовет.
Белые стены.
Пол.

Потолок.
К вечеру —
Даже белей.
Слева, на задней,
Сидит педагог —
Самый несчастный
Из учителей.
— Дело ведете вы так бестолково,
Новый урок ваш вчера забракован,
Вы воспитать не сумели Шмелькова,
Нету в вас, видно, чего-то такого...
А за окном
Бесконечная ночь.
Тихо.
Холодно.
Поздно.
И улетают
От города прочь
Синие,
Дальние,
Грустные звезды.
Люди
Идут и идут —
Погляди —
По хрусту маленьких льдин
С друзьями один,
С любимой один,
И просто один —
Один.

1960 г.

ПЕСЕНКА ШМЕЛЬКОВА

Ну и что, что двойка!
Все равно не прав учитель,
Все равно не прав директор,
И роно, и гороно...
А вы не видели,
А раз не знаете — молчите,
А я хороший,
А я хороший все равно.
Не боюсь Рябого —
Охота связываться было,
И пускай он всех колотит
Целый день и целый век...
Вот если б дали мне
Сейчас живого крокодила,
То все б узнали,
Какой я храбрый человек.

Не надену шапку,
Никого не буду слушать.
Мне нужна совсем другая,
А не эта ерунда.
Пойду на улицу,
Отморожу себе уши —
Пускай отвалятся,
Вот вы узнаете тогда!

1960 г.

УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

Я на службу, на службу, на службу
 ходил аккуратно.
Вызывал, проверял, ставил двойки,
 да мало ли дел.
К четырем, и к пяти, и к шести
 возвращался обратно.
Шел в кино, пил вино
 или так, в телевизор глядел.
А когда я, когда я, когда я
 вставал в воскресенье,
Перед зеркалом, зеркалом
 все вспоминал дотемна:
Где я дернул рукой,
 что в Калабрии землетрясение?
Где ошибся в расчетах,
 раз в Африке снова война?

1961 г.

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

Преподавать литературу —
Анализировать поток.
Перешибать струю литу
И собирать ее потом.

Примеривая голос строгий,
На мух раскраивать слона
И притворяться, будто строки
Раскладываются на слова.

(А двоечник стоит сутуло,
Молчит про что-то про свое...)
Преподавать литературу —
Как будто предавать ее.

1960 г.

МОНОЛОГ ДВОЕЧНИКА

Что нас, лентяев, тянет в эти двери
На школьный, ненавидимый порог?
Мир двоечника держится на вере
В то, что учитель хочет на урок.

Я знаю там, в самом низу системы,
Что есть вершинный, правильный покой:
Извилистые строить теоремы
И презирать того, кто не такой.

Меж праведных мужчин и строгих женщин
И столько добродетельных детей
В семье не без уроды, но не меньше
Любимчиков — урод гордится ей.

Не надо знать мне, что на самом деле
С учителем мы сходимся в одном,
Когда он хмуро ждет конца недели,
Мечтая, как и я, о выходном.

Милиции меня не держат сети,
И в подворотнях страшной тайны нет...
Но мне бы было скучно жить на свете,
Где педагог не любит свой предмет.

1961 г.

ОТРОЧЕСТВО

Экскурсия

Все это здание наше несложно.
Можно в него? Разумеется, можно.
Пусть только сдать не забудет никто
Шляпу, профессию, возраст, пальто.

В первом же, самом парадном покое
Запрещено оставаться в покое.
Можете прыгать на стол и окно,
Чинно вести себя запрещено.

Новую дверь приоткроем слегка.
Что там такое? Обвал потолка?
В зал не вмещаются крики и медь.
А, запрещается здесь не шуметь.

Дальше другие идут помещения.
Только там новые ждут запрещения.

Если вас все это дикое стадо
Мучит, пугает, в кошмарах преследует,
Дальше вам, видимо, лучше не надо.
Право, не стоит. Считаю, не следует.

Если ж готовы, пойдемте со мной.
Что там за новой, за новой стеной?

1960 г.

ДОН ЖУАН

Есть красный плащ у командора,
Во всех подъездах фонари.
И чьи-то родственники дома.
И грудa дела до зари.

А Лепорелло? — Все живет он,
Везде таскается за мной:
— Сеньор, Вам рано на работу!
Прошу Вас, поспешим домой.

Он дергает меня, бездельник:
— Сеньор, у Вас не хватит денег,
Кафе, такси — куда Вам тут?
А дома Вас тетради ждут...

И шпага никнет. Тянет к дому.
И мой успех в чужих руках.
Она
 достанется другому,
А я
 останусь в дураках.

Я вышел что-то непохожим.
Я в этот раз совсем не тот.
Я эту жизнь бездарно прожил,
Как старый дурень
 дон Кихот.

1965 г.

Зимой, когда у самой школы
Лежала россыпью тяжелой
Сухая мерзлая вода
И ветер выл зимой, когда,
Ворча на долгий день рабочий,
Мы почему-то, между прочим,
Не очень-то спешим домой,
Ждут или нет нас там, зимой,
Когда учитель пятых классов
Решил, рассудку вопреки,
Что над самой строкой не властно
Все содержание строки,

Что, все равно о чем поведав,
Строка течением своим
Являет образец победы
Над тем, как мы едим и спим,

Что для программы сокращенной
Инопланетных агентур
Достаточно цепочки черной
Значков, пробелов и структур,

Зимой, когда так крепок сон,
Не выяснилось, прав ли он.

1980 г.

ПЕСЕНКА О ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ...

Наина Всеволодовна, как же это вы так?
 Наина Всеволодовна, как же это вы так?
 Ах, как же это вы так, Наина Всеволодовна,
 Ведь это так наивно, непоследовательно:
 Сначала возмущаться,
 потом протестовать,
 Чтоб вот теперь с букетиком
 на площади стоять...
 Наина Всеволодовна, как же это вы так?
 Еще снега противятся, уже журчит вода,
 Не дай бог, сослуживицы узнают, что тогда?
 Скривится взрослый сын,
 пожмет плечами умный муж...
 Ах, как же это так
 и получилось почему ж?
 Наина Всеволодовна, как же это вы так?
 Девчонки с сигаретами стоят недалеко.
 У них торчат уверенно коленки из пальто.
 Девчонки знают истину,
 и всю — наверняка,
 А робость к нам приходит
 только после сорока...
 Наина Всеволодовна, как же это вы так?

1973 г.

У ШКОЛЫ

Есть день: сошла трава,
Снега не зашумели,
Осыпались слова
И листья отгремели.

Всегдашний разговор
О чем-нибудь неглавном —
Он шел до этих пор
И кончился недавно.

И надо помолчать,
Дать помолчать соседке,
Пока нет сил начать
Уже не про отметки.

Самих секунд полет
Стал ясно слышен снова...
Сейчас оно взойдет,
Единственное слово.

1965 г.

САМОЕ ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Огромный грохот в триста тысяч глаз
Ворвался в мир и окружает нас.

Аэродром дрожит от напряженья,
Сто маршалов кричат распоряженья,

И сонмищем воинственных племен
Весь этот зал безбрежный населен.

Мне предстоит здесь выжить,
разобраться,
Спасти, понять
и, может быть, подраться.
Я возле стенки. Буен шар земной
И накренилась школа надо мной.

1965 z.

Тане

В давнем учебном году
я свое счастье найду,
Но, к сожаленью,
Страхом и ленью
Сам от себя отведу.

Ляжет крестовая масть
Ляжет бубновая масть —
Десятилетия
Мог не успеть я,
С жизнью своей не совпасть.

Треснул обуженный фрак,
Свистнул простуженный рак...
Что ж это значит:
Что не иначе
Жизнь получилась, а так?

Кто разложил по томам
Этот старинный роман —
Долгий, мгновенный
Обыкновенный обман?

Ну а теперь ты готов
К ходу дальнейших годов —
Зимних и летних,
В песнях и сплетнях,
Этих последних годов?

1981 г.

ДЕТСКОЕ

Скажите, а вы все
Не в заговоре, нет, —
И с дверью, и с шоссе,
И с грудой планет?

И, обернувшись вдруг,
Я не поймаю сам
Тот взгляд, каким ваш круг
Обменивается?

Иль за кулисы дня,
Присвистнув и без слов,
Взгляну — как до меня
Козьма Индикоплов?

Всерьез — порядок слез,
Жары, улыбок, гроз?
И ты ушла — всерьез?
И мы умрем — всерьез?

Иль, ваш экзамен сдав,
Я из соседней тьмы
Услышу:
— Ты был прав,
Теперь и ты, как мы?

1970 г.

Потому, что есть предел
И нельзя в него проникнуть
С этой грудой наших дел,
С этим грузом наших тел,
И нельзя к нему привыкнуть,
Можно взять себя и под-
Вергнуть перекодировке
В очень бедный старый код
(Ход, подобный рокировке
В непроверенной игре) —
Потому-то, между прочим,
В этом кратком виде строчек,
Неким утром на заре
Стронет листья свежий ветер,
Мы пойдем гулять на свете
В виде точек и тире.

1979 г.

ЗАНЯТИЕ

Облаков неуловимых...

Лермонтов

Безобидный идиот
Колет числа на простые.
Ночь пройдет, звезда простынет,
Все наличное пройдет.

Этот дом не сумасшедший,
На стекле решеток нет,
И еще число нашедший
Улыбнется, и привет.

Глупо было б на работе
Встать и грохнуть кулаком
Или гаркнуть: “Как живете?”,
Заскочив в приличный дом,

Или, скажем, так напиться —
Чин и званье позабыть,
Извернуться, извратиться,
Ночь убить, себя убить.

Впрочем, видимо, все это
Заключив в себе, утих
Бесполезно-строгий метод
Отыскания простых.

Цифр абстрактные вериги
Проницая на листе
Лучшей из антирелигий
В четкости и пустоте,

Шесть миллиардов он превысил,
Не ретив, неутомим,
И стада прозрачных чисел
Проплывают перед ним.

1978 г.

ЧИТАТЕЛЬ

Маленький, хмурый, лохматый,
В комнатке с тихим огнем,
В чем-то с утра виноватый,
Кем-то обиженный днем,

Чем же он занят ночами?
До четырех по часам
Гениев он назначает
И отменяет. Но сам!

Окна он запер и двери.
Список ведет на листке.
Он сейчас всё тут проверит,
Он не согласен ни с кем.

Сам он решит, кто получше,
Кто тут наплел пустяков.
Блок ему нравится. Тютчев.
Анненский. Пушкин. Глазков.

Апрель 1987

Тайна учителя та, что учить невозможно.
Тайна правителя в том, что нельзя управлять.
Тайна священника выдана неосторожно.
Тайну врача я и сам не хотел бы узнать.

Как вам разгадки заняты и необычайны!
И ни конца им, ни края, покрышки и дна.
А у меня — никакой охраняемой тайны.
Но и чужая ничья мне уже не нужна.

ПЕСНЯ ТРУСА

Как обожают люди сложности!
Всегда готовы на скандал.
А ведь от лишней осторожности
Ещё никто не пострадал.

Все говорят, что мало смелости,
А я ведь просто не спешу.
Пусть только я останусь в целости —
Я тоже подвиг совершу.

Я объясняю вам для ясности,
Что смелость разных есть сортов,
И я для полной безопасности
На всё готов!

На всё готов!

РАЗМЕР

Тряханёт этот знобкий анапест
Всю Москву до кольца площадей,
Будто конь, разбирающий надпись,
Предназначенную для людей.

Всё кивает. А сбруя и справа
Повторяют, скрепя и звеня,
Что и влево поедешь, и вправо —
Потеряешь себя и меня.

За престиж нам сражаться обидно,
Для турнира не сдвинем подков,
Коль сонорных с шипящими битва
Продолжается десять веков.

И нагнувшись, лобасто насупясь, —
В лес, утративший птицу и лист,
Где нацелен сучок, будто суффикс,
И с корягами корни сплелись.

Там, где зарево немо зевает,
Что-то ждет нас с тобой на обед,
И горбом свои кольца свивает,
Длинношее, как змееед.

15 февраля 1988

ЖИЗНЬ ВСЕРЬЕЗ

ПОЭТЫ

На свете есть одни поэты.
На свете есть одни поэты.
Кого-кого за сорок лет
Ни повидав,
 дарю советом:
Готовьте лучше сани летом!
Рожденный
 вырастет поэтом.
Других путей на свете нет.

...Ну вот прозаик, выйдя в свет,
Стоит без рифм, полураздетый,
Строки дыханьем не согретый, —
Какой он жалостный поэт!

По Бессарабии кочуют,
В шатрах изодранных ночуют
Творцов сплошные племена.
А персонажей нет в природе —
Не зря ж даются их породе
Придуманные имена.

И если вдруг нужны тупицы,
Бездельники и винопийцы,
Завистники и виршеписцы,
Ночных девиц лихая рать,
Своих предатели обетов,
Чужих издатели секретов —
Всех надо брать среди поэтов,
Их больше неоткуда брать.

Постылый маленький чиновник,
Всех ваших сложностей виновник,
Сидит, препоны создает
Затем, что лирика нагая,
Смирясь и изнемогая,
Отверстых уст не достигая,
В немой душе его гниет.

Лишь смутно ведают народы,
Что ужас мира, стыд природы,
Упрек богам, Земли злодей,
Тиран, гнетущий треть планеты,
Однажды не прошел в поэты,
С того и мучает людей.

Ты видишь, слушатели в зале.
Спроси любого, все б сказали:
“На сцене длинная скамья...
Тот, что там плачет и смеется,
Пускай уж, ладно, остается,
Но рядом с ним хочу и я!”

И если только в самом деле
Друг другу мы не надоели,
Давайте поровну поделим
Весь этот глупый наш успех.
Мы все уйдем, молва не лжива.
Ну а пока — мы с вами живы,
Ну а пока — мы с вами живы,
Стиха должно хватить на всех.

1979 г.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Когда огромные шары
Хрустального, живого света
В квартиры или во дворы
С пригорка вкатывает лето,

Не приспособить к ним никак
Все рукодельное отрепье,
Да и не удержать в руках
Бесцельное великолепье.

Зачем я получаю в дар
Блещающий бескрайний шар,
Когда ему, прости, столица,
На сонмы невозвратных брызг
Сегодня ж расколется вдрызг,
Когда ему не сохраниться?

Чего ищу по сторонам,
Завидя их на их дороге?
Не для блаженства, для тревоги
Их лето скатывает к нам.

1989 г.

Ну о чем ты, о чем ты, какие приметы,
Что случилось с тобой?

Это та же Москва.

И в кармане — блокнот и перо — амулеты
Для нехитрого нашего колдовства.

ПОТОП

...И выплыли, выплыли, знаешь,
Туда, где таился восток,
Та парочка, за руки взявшись,
Солдат, ухватясь за винтовку,
А я — за вот этот листок.

1978 г.

ПЕСЕНКА НА ПРОЩАНИЕ

Здесь жить, конечно, можно.
Здесь можно все исправить.
Все наши прегрешенья
Назвать до одного.
Но вот настанет время
Нас в прошлое отправить —
А там нельзя поправить,
К несчастью, ничего.

Она сбежит за нами,
Придурочная слава.
Уж так распорядились
Своею мы судьбой.
Один начальник слева,
Один начальник справа,
А строго посредине
Шагаем мы с тобой.

Для нас готова вечность
За мелкими морями,
И мы рядами входим
В свой бесконечный час.
Непойманные воры
Научат нас морали,
И крысы тыловые
В строю удержат нас.

1975 г.

Вот на что похоже счастье?!
Все пути сюда тесны.
И не выйти из-под власти
Обступившей тишины.

Только пыльная дорога
Отвернула вдалеке,
И еще цветов немного
Не в руке, так на руке.

Свет дробит весь мир на части.
Ищут целое вдвоем
Вот на что похоже счастье.

Только мы еще живем.

Тане

Уроки космоса —
Что нет в нем ширины,
Несется комната,
За ней увлечены
Те, кем мы брошены,
И те, кто брошен, и
Всего хорошего,
Любимые мои!

...А нам рассказывали,
Будто здесь —
привет! —
Узлы развязаны,
Нет верха,
низа нет,
Но те, кто брошены,
Опять сегодня здесь.
Не стало прошлого,
А все, что было, есть.
От тяготения
Уйдя вдоль пустоты,
Летел из тени я —
Летишь из света ты.
Здесь шум отсутствует,
Но в дальнем вираже
Ладони —
чувствуешь? —
Притянуты уже.

И только спутаются
Улицы во мгле,
Мы, моя спутница,
Вдвоем на корабле.
Какие признаки,
Что тут не сон, не бред?
А эти призраки,
Летающие вослед.

Ишь, авиаторы,
Взлетают по волнам,
В иллюминаторы
Заглядывают к нам,

Ныряют в замети
С зонтами и в пальто —
Речь не о памяти,
И не исчез никто.

Гляди, за ставнями,
В рассвет погружены,
Твой муж оставленный
И две ничьих жены.

Я не отдам тебя,
Наш путь необратим! —
Одна гарантия —
Пока живем, летим.

*Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.*
А.С.Пушкин

О чем теперь? Об этой черной шали?
Какая разница, в конце концов, о чем?
Слова задвигались и так легко дышали,
И гулкий Мир толпился за плечом.

О городе забыть с постылой властью.
Меж бедных потрясателей основ.
И научить еще Россию счастью
Сдвигать и гнать большие волны слов.

Как день восьмой в шестое время года
Здесь, под рукой, с рассвета дотемна,
Не может быть, чтоб вся эта свобода
Осталась вдруг пуста и не нужна.

Какие б мы проблемы ни решали —
От воли до погибельной войны,
Они сейчас сошлись на черной шали.
И будут, черт возьми, разрешены.

1985 г.

Тане

Любимая, молю влюбленный:
Переходите на зеленый,
На красный стойте в стороне;
Скафандр наденьте на Луне,
А в сорок первом, Бога ради,
Не оставайтесь в Ленинграде...
Вот все, что в мире нужно мне.

1982 г.

Тане

Возьми зеленый лучик
От фонаря у дома,
А также красный лучик
Из пятого окна
И привяжи получше
Один из них к другому,
И ты цветок получишь,
Горящий дотемна.

Когда совсем стемнеет,
Тогда залезь повыше,
Но только осторожней
Держи цветок в руке.
И будет долго видно,
Как над твоею крышей
Зеленый луч и красный луч
Сплетаются в цветке.

И тот, кто ночью скачет,
Махнет рукой другому:
“Цветок ветра качают
Уже который год”.
И цвет зеленый значит,
Что кто-то ждет у дома,
А красный означает,
Что кто-то в доме ждет.

Тане

В трех правых мирах и в трех левых мирах
Сегодня сидят на высоких пирах.
Но смеха не слышат они за стеной,
В том мире, где ты поселилась со мной.

В трех верхних мирах и в трех нижних мирах
Сегодня крушение, горе и страх,
Но вечер торжественный и голубой
В том мире, где мы оказались с тобой.

На всех по дорогам несутся парах
В трех прошлых мирах, в трех грядущих мирах.
В лесу, через поле, в горах, над рекой —
И только у нас тут с тобою покой.

Здесь только натянуты, будто струна,
Внимание, спокойствие и тишина.

Одни мы с тобою, и мы не одни...
Какие у нас невозможные дни.

Назначить свиданье от дома вдали
И ждать, волноваться.
Зачем же, когда мы, казалось, могли
И не расставаться?

Но людям положена встреча одна,
Всей жизни основа.
А мы, как забыли, что муж и жена.
Мы встретились снова.

В мелодии “Вишневый сад”
После четвертой ноты — пауза.
А в ней Москва-река и Яуза
И солнца медные висят.

И хочется вздохнуть: “Постой!”
Но так она взята, мелодия,
Что, несомненно, знает: “В моде я”,
И это пятьдесят шестой.

Трубач ведет по небу взмах
И замирает в точке пламенной,
И силуэт от тени каменной
Лежит на лицах и домах...

Я выпускник. Мне надо вдаль,
И наглядеться вдоволь где уж там,
Когда пора приходит девушкам
С трамваев прыгнуть в фестиваль.

Картинка дальняя, держись,
Пусть воздух твой не покоробится!
Она споткнулась, так торопится,
Сейчас она вбегает, жизнь.

Когда нас снова воскресят,
Я век не надышусь длиннотою
В пространстве за четвертой нотой
В мелодии “Вишневый сад”.

1956 г.

В Марьине тоже расцветают вишни.
Бабочка села на мою собачку.
Как это случилось, что я тут лишний?
Как это вышло, что вот я сейчас заплачу?

Не в Палестине. Не в Риме. И не в Египте —
В Марьине мне помирать придется,
Тоже неплохо. В Небесном лифте
Место и для меня найдется.

Я стою на балконе. Одет не слишком.
Не снедаемый горечью и тоскою.
А вокруг пруда бегут и бегут мальчишки.
А я им машу и машу рукою.

1999 г.

Когда сомкнутся хляби надо мной,
Что станет с Таней, Катькой, Тошкой, Богом?
Не следует заботиться о многом,
Но список открывается женой.

Мы с нею вышли в здешние места,
Где царствует бездомная тревога.
Она мне помогла придумать Бога
И завела собачку и кота.

Когда я прихожу навеселе,
Меня встречают всей семьей: видали?!
Они со мной грызутся и скандалят —
И держат, держат, держат на Земле.

1998 г.

Освободив от лишней боли
Слова,
 пошлю гулять их в поле,
Выучивать язык весны.
Пушай талдычат: небо ясно,
Верна любовь, судьба прекрасна
И никакой тебе войны.

Тем более уж если тучи,
И этот дома глупый случай,
И я не прав,
 а ты права,
И вот уж молодости мало —
Слова должны начать сначала,
Иначе что ж они, слова?

Мы что, мы опускаем руки.
Они —
 не голый смысл, а звуки.
Шатаясь где-то среди тьмы,
Чирикают, щебечут, свищут,
Такой неясный выход ищут,
Которого не видим мы.

И знаю я
 в своей квартире,
Что смена дней,
 как смена дней,
Но музыки все больше в мире,
А ноты выше и длинней.

Я был внутри.
Я видел нить
Последнего стального цвета.
Которой держится все это...
Я не умею объяснить,

Но силы неба и земли,
Как преодолевая пытку,
Всю вечность рвали эту нитку,
Но так порвать и не смогли.

Есть клятва древняя. Сюжет ее не прост.
Она не каждому не всякому под рост.
Вначале смысл ее не слишком-то понятен:
— Судьба Израиля зависит не от звезд.

Что старше? Жизнь иль погибель? Вот вопрос.
В чем суть? Где смысл и где дела всерьез?
Среди вещей запутанных и тайных:
— Судьба живущего зависит не от звезд.

Есть книга книг, цветов, морей и гроз.
Начало мира, радости и слез.
Не пожелай другим, чего себе не хочешь:
— Судьба грядущего зависит не от звезд.

1997 г.

Кропоткинский маршрут
Сменился на кругу,
И в полдень голубой
Запуталась решетка.
Я переулков тут
Запомнить не могу,
Но вижу нас с тобой
Обрывисто и четко.

Ты погляди, асфальт
По щиколотку нам,
Неточно вставший дом
Колеблем и качаем...
Такая ясность вдаль
Под силу только снам,
А мы еще идем,
Но это замечаем.

Едва осела взвесь
Забот, обид и бед,
К метро поток годов
Уходит, успокоясь.
И Дом ученых весь
Афишами одет,
И выйти в свет готов
“Московский комсомолец”.

Не правда ли, потом,
Лет через двадцать пять,
Когда догонят нас
Внимание и разум,
Прозрачный этот час
Должны мы вспоминать?
А мы еще идем
И вспоминаем сразу.

Прошедшее, дурак,
Я сам искал потом,
Когда его на слом
Сносило в одночасье.
А мы с тобой идем
И помним, что идем...
А знаешь, видно, так
И замечают счастье.

В этой комнате свет и тепло.
Телевизор, включенный на годы.
Тут и время мое протекло.
Что мне, вроде бы, до непогоды?

Я ведь комнатного бытия,
Мои выдумки тут, мои были.
И об умерших думаю я,
Что мы их под дождем позабыли.

1998 г.

ИЕРУСАЛИМСКИЕ КАЧЕЛИ

Тарарим. Парарам. Тарарим. Парарам.
Вот опять. Как тогда. Перед сном. По утрам.
В раскаленном краю. В полусонном мозгу.
За углом. На ближайшем морском берегу.
Кипарис под горой. Монастырь. Виноград.
Дверца в рай где-то рядом с воротами в ад.

1998 г.

БЕЗ ВЫБОРА

Ходил, ходил по замкнутой Москве.
Она недалеко тогда кончалась,
Но как-то все никак не приучалась.
И не знаком я тоже был ни с кем.
Но вот на кратком расстоянии от
Метро до клуба возле трех вокзалов
Она как будто что-то показала
И отвернулась. Там всегда народ.

По пояс высунувшись из дня,
Уже я узнавал наполовину:
Пространство разминавшее, как глину,
Кого напоминавшее? Меня?
Одна из служб казалась выше всех.
Одна из игр несла такое имя...
И если это вызывает смех,
То, значит, мы согласны быть смешными.

1963 г.

Исчисленным грядущий путь
Хотите вы узреть вначале.
Но вы живого изучали
По тем, кто с ним не схож ничуть.

Как от скульптур и от муляжей,
Он отличается, балбес,
От должностей, от персонажей
Старинных и новейших пьес.

Не стоит за него ручаться.
За ним бы только глаз да глаз.
Ни Бог не знает, ни начальство,
Чего он выкинет сейчас.

Вот он без всяких колебаний
На службу устремляет шаг,
Но может оказаться в бане
Или на выставке собак.

Он строит планы, что-то пишет,
Сто клятв он сам себе давал,
Но ты ищи его на крыше,
Коль он направился в подвал.

“Так-так, — он говорит, — прекрасно”, —
Застыв меж скрипкой и трубой.
когда с ним что-то станет ясно,
Он перестанет быть собой.

Меж подвигов и преступлений,
Не окончательный злодей
И не закоренелый гений,
Он самый странный из людей.

ДУША

Есть птица, летящая в камне,
Я слышал ее как струну,
Хотя, как и прочим, пока мне
Поймать не пришлось ни одну.

Подрагивал камень и трясся.
Вот трепет, который хранит
Ее непрерывная трасса,
Укрытая в тесный гранит.

Я чувствовал просто руками:
Как может густеть тишина,
Как он уплотняется, камень,
Едва пролетела она...
Когда я в беседах касался
Проблемы пространства вверх дном.
Одним я безумцем казался,
А прочим казался лгуном.

Зато находили простыми
О птице средь камня слова
Поэт, говорящий в пустыне,
Шофер, разорвавший права.

Тому, кто живет, а не нужен,
Известен тот хруст за спиной...
— А чем объяснить, что снаружи
Не видели мы ни одной?

— Но есть же у камня граница.
И вот перед ней на лету
Опять разбивается птица
Ударившись о пустоту.

1980 г.

ЗАПОВЕДИ КАРАТЕ

Успей до драки разглядеть врага.
Уверенно ль поставлена нога.
Готовы ли уже для боя руки.
Успел ли оклематься от разлуки
С той, что ему как воздух дорога.
Как он хотел с растерянным лицом
Достойным стать мальчишеского круга.
Как с матерью не ладил.
Как с отцом
Они вот только поняли друг друга.
Как скупо было счастье у него,
Едва ли две короткие недели.
Как он шептал: да ладно, ничего,
И враг ли он тебе на самом деле.

1985 г.

То хохочет, то подскакивает глупо.
Разлетелся, объяснил, предусмотрел!
Деловит он, будто он директор клуба,
Знать не знающий, что клуб уже сгорел.

Все умрут, и, как положено, — под камень.
Ну а этот так и будет все равно
Успевать, не успевать, махать руками,
Пересказывать в автобусе кино!

1978 г.

Вот и опять предрассветные тени.
Утро застанет нас в граде великом.
На восемьсот тридцать шесть отречений
Ни одного петушиного крика.

ПРОГУЛКА

В расколдованной роще подъездов
На окраине бедного дня
Обнаружилось время и место,
Предназначенное для меня.

Все запасы мои обнищали,
Зверь со мною гулял Вавилон.
Я уж дал ему сто обещаний.
И сто первого требовал он.

Знал он: злобы моей не исторгнет.
Мы гляделись уже как семья.
Он не будет убит. Он издохнет.
Но, как видим, позднее, чем я.

Да ведь всё это просто по ходу
Отвлекают от цели дела:
Я-то вышел сказать про погоду...
Ах, какая погода была!

ПАМЯТИ МИКЛОША РАДНОТИ¹

Да будут до утра
Друзья в моем доме.
Я всех пойму спокойно и устало.
Любимая меня
Обманет потому,
Что я ее обманывать не стану.

А в пыльных городах
Невероятных стран,
Когда дворцовый путч у них случился,
Возьмут меня за то,
Что сам я не тиран
И никого хватать не научился.

Чужие поезда
Уходят на Восток,
И дым за ними рвется и клубится —
И буду я убит
За то, что не жесток
И потому что сам я — не убийца.

1978 г.

¹Миклош Радноти — венгерский поэт,
расстрелянный немцами в 1944 году.
Последние три строчки — перевод его строк.

Так я хочу сказать о том,
Что мало ль как пойдет потом,
И обнищать могу, и спиться,
Суму проверю и тюрьму,
Но батраком в своем дому
Мне никогда не пробудиться.

И пожелать тому добра,
С кем грызся, может быть, вчера
По всякой прихоти дурацкой,
Но кто вложил в меня труды
И спас от самой злой беды,
Навеки выбив все следы
Проклятой тупости батрацкой.

1973 г.

ЗАВЕЩАНИЕ

Приготовляясь складывать слова,
Зачем все это нужно, знал я твердо.
Вот научусь — заговорит трава.
Вернется женщина.
Воскреснет мертвый.

Похоже, что не выйдет
в этот раз.
Но цель сама не слишком
беспокоит.
Возможно, у кого-нибудь
из вас —
На меньшее рассчитывать
не стоит.

1973 г.

Литсотрудник на полставки,
На подхвате в трех местах,
Год в уме, два дня в остатке,
Потерявший стыд и страх,

Боком выросший из детства,
Отыскавший благодать,
Отучившийся страдать,
Научившийся вертеться,

Ты увидь себя, увидь,
Это очень интересно —
Там, где шумно, дымно, тесно,
Бедной сволочью прожить.

1970 г.

НОЧНАЯ ПЕСЕНКА

Ваш труп зарыт в одном прелестном доме.
А следствие разматывает нить.
Вот вы смеетесь — дело молодое, —
А каково-то им его хранить?

И вот вы говорите, свесив ноги
С оконного луча, с угла луны:
— Я отпускаю все твои тревоги,
Не в силах вспомнить ни одной вины.

Но подрастает мальчик, зная не зная,
Что получилось, с кем и почему.
Беда неназывная и сквозная
Составом жизни кажется ему...

Я боюсь приближаться к большим и
 решительным женщинам,
 Хотя оно привлекательно,
 мощное мужество жен.
 Вдруг окажется слабой их сила,
 и нежной, и жертвенной,
 И откроется то, чем заранее ты поражен.

Это было б похоже
 на зряшные крики отставшего
 И на бедное стадо людей вдалеке от всего,
 Это значило бы,
 что одни мы остались, без старшего,
 И рассчитывать следует лишь на себя самого.

1970 з.

ПРИЧИНА

Отчего твой автобус быстрее не бежит,
Если сердце твое нетерпением дрожит?
Если за поворотом свиданье —
Разве грех сократить ожиданье?

Что, не в силах шофер?
Что, не тянет мотор?
Что, поймает ГАИ — обругает?
Все на свете доступно...
И ты до сих пор
Не поймешь, что причина другая:

Здесь, в автобусе, едет и кто-то иной —
Понимаешь, такая досада,
У него расставанье стоит за спиной.
Надо медленней,
медленней надо!

1968 г.

ТИШИНА

Во мне был резкий звон,
Застывшее звучанье.
Не прерывался он
Ни утром, ни ночами.

Я нажил тьму врагов,
Испортил много крови.
Уже за семь шагов
Все вскидывали брови.

В кино, бывало, вдруг
Шептали: — Извините!
Откуда этот звук?
Не вы ли тут звените?

По восемь раз на дню,
Пускай работы масса,
Я вспоминал: звеню,
И внутренне сжимался.

Вокруг то плач, то смех.
Но как заложит уши —
Я плохо слышал всех
И, в сущности, не слушал...

Дорожные посты
Нередко днем осенним
Меня через мосты
Пускали с опасеньем.

Девятый час. Луна
Лежит на стрелке крана...
Такая тишина,
Что как-то даже странно.

1963 г.

Как к нам жестока наша красота!
Ее-то видят — нас не замечают,
Терзают, рвут, победы намечают...
О господи, была б она пуста —

Да подавитесь!
С горечью гляжу
На симпатичных городских красоток,
От шарфиков и брючек образцовых,
Чтоб не обидеть, взгляды отвожу.

И как мне быть, меня поймете вы,
Коль знаю я, как ежится доньше
Затравленная девочка-рабыня
В обличье первой женщины Москвы!

Блок писать почти не мог.
Все стихи не получались.
Но друзья поэта в срок
Собрались, посоветались —
Слава громкая — итог.
Хлебников связать двух строк
Не умел, как ни старался.
Снова круг друзей собрался —
Тот же случай,
Что и Блок.
Я и сам на том стою,
Вижу гордость и забаву —
Раздувая эту славу,
Душу вкладывать свою.
Дело трудное — письмо,
Не идет не то, так это.
Заговор друзей поэта —
Человечество само.

А.Межирову

Строчки помогают нам не часто.
Так они ослабить не вольны
Грубые житейские несчастья:
Голод, смерть отца, уход жены.

Если нам такого слишком много,
Строчкам не поделать ничего.
Тут уже искусство не подмога.
Даже и совсем не до него.

Слово не удар, не страх, не похоть.
Слово — это буквы или шум.
В предложенье: “Я пишу, что плохо”,
Главный член не “плохо”, а “пишу”.

Если над обрывом я рисую
Пропасть, подступившую, как весть,
Это значит, там, где я рискую,
Место для мольберта все же есть.

Время есть. Годится настроенье.
Холст и краски. Тишина в семье.
Потому-то каждое творенье
Есть хвала порядку на Земле.

1978 г.

ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС

Развернется трамвай или, можно считать,
Все вокруг развернет.
И отпрянет от стекол примет нищета —
Этот снег, этот лед,
Промелькнут апельсины в усталой руке,
А на том вираже
Тонкий девочкин шарф на наклонном катке,
Улетевший уже.

Вся картинка, что названа этой зимой,
Так ясна, так резка —
И присевший щенок, и мгновенной семьей
Пять мужчин у ларька.
Снег висит между темных дневных фонарей
И гляжу, не пойму —
Надо что-то о жизни запомнить скорей —
Почему, почему?..

1969 г.

ПРОРОК

Он жил без хлеба и пощады.
Но, в наше заходя село,
Встречал он, как само тепло,
Улыбки добрые и взгляды,
И много легче время шло,
А мы и вправду были рады.

Но вот — зеркальное стекло:

А мы и вправду были рады,
И много легче время шло;
Улыбки добрые и взгляды
Встречал он, как само тепло,
Но, в наше заходя село,
Он жил без хлеба и пощады.

1965 г.

Как муж один не знает ни о чем,
Поэт не может знать, что он бездарен.
За вашу дружбу он вам благодарен —
Не ухмыляйтесь за его плечом.

Пусть в самом деле он и слаб, и мал —
Все это вас не делает весомей:
Он дурачок, и нищий, и веселый,
Он — это я,
 а вами б я не стал.

1975 г.

Не знаю оружия слабее,
Имущества — ниже ценой,
Чем это, которым владею,
Которое сделано мной.

Монет и кинжалов скольженьем
Колеблется здание дня,
И я не знаком с положеньем
Устойчивей, чем у меня.

Закончатся битвы и рынки.
Хоть позже, чем ждали, а все ж.
И в следующем поединке
Поможет не рубль и не нож.

1985 г.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Перетянул.
Перетерпел.
Вот и послушай
Новый мотив:
Был ты не промах.
Сладко ты пел.
Что же ты жив?
Что же ты жив?

Все понимаешь
Ты по ночам —
Молча лежишь,
Знаешь тайком,
Так уж обиды
Ты не встречал?
Так уж с неправдой
Ты не знаком?

Чем же ты горд?
И чему же ты рад?
Перед собою
Сам распрямись.
Если живешь —
Хаживал, брат,
Как на медведя,
На компромисс.

Сколько их было,
Комнат стальных,
Мелких годов,
Крупных минут...
И не кивай
На остальных —
Пусть на тебя уж
Лучше кивнут.

Что-то ты понял,
Что-то видал.
Мог бы утратить
Милый наив.
Не прекращается
Старый скандал.
Что же — ты жив?
Что же — ты жив?

1977 г.

АФГАНИСТАН

Спросите вы друзей и женщин,
Меня похлопав по плечам:
Я очень вежлив и застенчив
Весь божий день. Но по ночам

С лицом, торжественным, как вымя, —
Еще ли я скотом не стал?
В твое я вслушиваюсь имя,
Афганистан, Афганистан.

И вот я в зеркале — раскосый,
Застрявший здесь геронтократ,
Косноязычный и гундосый,
Четвероногий от наград.

И я под скрип рассветных клавиш
Встаю в порту пяти морей —
Ты как пощечина пылаешь
На морде заспанной моей.

1982 г.

Ах, можно обойтись и без любви.
Совсем не то влечет, что любо-дорого.
Вот я земные странствия свои
Вогнал в нутро единственного города.

В его толпе почти что сбитый с ног,
Исчезнувший почти в его сиянии,
Любил ли я его? Терпеть не мог.
Я просто подышал на расстоянии.

И ничего не стоили слова,
Они следа на ветре не оставили
Но жизнь моя, пока была жива,
Так и кружила с этими вот стаями.

...И видя все нелепости твои,
При злобе всей, при всей несовместимости,
Я понимаю: мне не до любви.
Судьбы не выбирают. Эту б вынести.

С. Ниточкину

Как старая сторожевая,
Душа летит, полуживая,
Однажды обогнав свой крик,
Который, помнишь, лишь раздался
И сразу на полтона сдался
И сам к себе почти привык.

Он что-то знает, что-то может,
Его несправедность тревожит,
Он скорби различает здесь.
Ну а она слепа, безгласна.
И если с чем-то не согласна,
То это мир, каков он есть.

И если я не помню цены,
Не понимаю, что со сцены
Несет нам шут очередной,
То, может быть, припав повыше,
Я, наконец, ее расслышу
Немою, темною, родной.

БАЛЛАДА О СВОЛОЧИ

Я говорю об Ольге Мишаковой.
Чрезмерно хитрой. Слишком бестолковой.
Явившейся сюда издалека.
Она в тридцатых землю рыла носом.
А если проще, — по ее доносам
Сажали комсомольское ЦК.

И вот в эпоху пятьдесят шестого
Ее уволили. Но Мишакова,
Дверь в кабинет толкнув худым плечом,
Садилась в кресло старое. Сидела.
Не требовала. Не искала дела,
Не говоря ни с кем и ни о чем.

Тогда у Ольги отобрали пропуск.
И в тот же гордый и родимый корпус
Уже вахтер ее не пропускал.
Она ж, как прежде, приходила в девять.
И продолжала эту службу делать
Как богом позабытый истукан.

Столп соляной был никому не нужен.
Поговорили. Вспомнили о муже.
В три дня перевели ее в Рязань.
Она оставит чёртову привычку!..
Она ж в четыре шла на электричку —
Дорога не дорога, рань не рань.

ПОВЕСТКА ДНЯ

ЮНОШЕСКОЕ

Вот рвешься ты, единственная нить.
Мне без тебя не вынести, конечно.
Как эти две звезды соединить —
Пятиконечную с шестиконечной?

Две боли. Два призванья. Жизнь идет,
И это все становится неважным.
— Жида и коммунисты, шаг вперед!
Я выхожу. В меня стреляйте дважды.

1963 г.

КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛЬС

Мимо рассветов прошел и закатов
И не разведал секретов твоих:
Где дирижеры берут музыкантов,
А лейтенанты берут рядовых?

Что все же понял — список ролей:
Этот инкогнито. Тот без признанья.
Есть отречения. Известны изгнанья,
Но не встречается не-королей.

Только шагни, за тобою встают —
Даже оглядываться не стоит —
Верное войско твоё молодое,
Сомкнутый строй, строгий салют.

Так как, однако, и экстренных мер
Хоть раз в неделю
мало, к несчастью,
Кто кое-как управляется с властью,
Кто не справляется. Я, например.

Но выжимая эту войну,
Эту страну, засуху эту,
Я все равно готовлюсь к ответу,
Даже когда и не тяну.

Так что начнем. Донесения. Сбор.
Карту. Резерв. Глубину обороны.
Ниже знамен разлетались вороны,
Давит виски головной убор.

1975 z.

ПРОЩАНИЕ С ГАЗЕТОЙ

1

Прости меня, моя газета,
За то, что так сжились с тобой,
За то, что так была задета,
И поднята, и смята где-то
Моя судьба твоей судьбой.

(Я говорил уже об этом,
Тогда, рассорясь сам с собой,
Я был готов уйти с рассветом,
Да Блок шептал:

“Все тот же бой!”

А Межиров корил тщетою,
Пустой газетной суетою, —
Но ржали кони под трубой.)

Не видим ли себя ночами
Мы в месте шумном, но пустом?
Не вздрагиваем — “что потом?” —
Припоминая, что вначале?

Чуть первый опыт свет увидит,
Уже на завтра учат нас:
— Газете что, газета выйдет, —
И это прозвучит подчас
Невнятно как-то в первый раз...

2

С утра мы глухи, как тетери.
В себя придя чуть не рывком,
Все не подарки, а потери,
А тут еще бежать в горком.
Иль вдруг стоять, опешив, перед
Тупым — кроссвордовским — звонком,
Но день встает, уходит утро,
Но ритм растет ежеминутно,
И время мчит нас так уютно,
Как альпинистов — снежный ком!

Но жизнь, как та же поговорка,
Глядишь, и втянет в добрый час:
С утра топтушка, там планерка,
Летучка — нынче в месяц раз?

А зазеваешься, все просто.
Довольно тихо за кормой.
Волна была такого роста!..
Уж номер заслан, номер сверстан,
И ты, дружок, ступай домой.

И кто-то скажет, как обидит,
Пока ты грезил в забыти:
— Газете что, газета выйдет —
Хотя б и без твоей статьи.

3

Однако, набираясь рвенья,
Овладевая букварем,
Сдать эпохальные творенья
Мы успеваем к четырем.

Ты мчался, полон был отвагой,
Все версты задевая шпагой, —
Они гремели, как забор¹, —
Успел. Ты вроде и свободен.
Твой текст инстанции проходит:
Отдел, редактора, набор...

Но вдруг, рванувшись к стенду шибко,
Ты схватишься: какой-то рок!
Как девственно свежа ошибка
На утреннем изломе строк!
И весь твой город это видит —
Здесь ты прибит, стыдясь, скорбь...
Газете что, газета выйдет
И вытащит на свет тебя.

¹ *“И версты, теша праздный взор,
В глазах мелькают как забор”.*
К этим строчкам “Евгения Онегина” Пушкин
сделал примечание: “Сравнение, заимствованное у
К*, столь известного игривостью воображения. К...
рассказывал, что, будучи однажды послан курьером
от князя Потемкина к императрице, он ехал
так скоро, что шпага его, высунувшись концом из
тележки, стучала по верстам, как по частоколу”.
Верстами тогда назывались и верстовые столбы.

4

Она прелестна ежедневно,
Но день отгрохотал — и стоп.
Кого-то восхвалив напевно,
Разоблачив кого-то гневно,
Она — как спящая царевна.
Архив — ее хрустальный гроб.
И нет туда коротких троп.

Немного грусти — это можно.
Все, что сбылось, уже несложно.
Идем с работы. Поздний час.
Мы встретимся еще не раз.
И проезжая мимо дома,
Где столько всякого прошло,
Услышим, как тоской знакомой
Нам сердце бедное светло...

Уж новый выпуск, новый лидер,
И равнодушно-молода —
ГАЗЕТЕ ЧТО? —

ГАЗЕТА ВЫЙДЕТ.

Вот мы не выйдем
кто когда.

1982 г.

В ОТЕЧЕСТВЕ

Я иду в небольшой тишине,
Член достаточно узкого клуба,
И когда ты пробьешься ко мне,
Я растерян и выгляжу глупо.

Ничего! Никаких укоризн!
Ща решим, как до Марьиной Рощи.
Но пространственный мой кретинизм
И усердный, да слабый помощник.

— Так чего ж ты...

— Напрасно хожу?

Потерпи, современность, попробуй!
Может, что-то и я подскажу,
Только выпадет случай особый.

По пустым магазинам гоня,
Вся в кошелках, стихийная сила,
Ты в беспамятстве

это меня

“Пущадь Плошкина где тут?” —
спросила.

И обычно не помнящий, чей,
Тут, в толкучке, я, пень безответный,
Вдруг ответил! И цели своей
Ты, надеюсь, достигла заветной.

1985 г.

ЗАПИСКИ ХЕФТЛИНГА

Поскольку мы тут не видим немцев —
Они совсем не заходят в зону, —
Мы привыкаем, коль приглядеться,
Еще к спасенью, уже к позору.

И постоим мы, и снова ходим.
Движеньем замкнутость вымещаем.
Не то, что ищем, а все ж находим,
Харчи и тряпки перемещаем.

Мы начинаем яриться даром,
Повздорим, из равновесья выйдем.
Как ненавистен сосед по нарам! —
Поскольку немцев мы тут не видим.

Объединили мужской и женский.
В бараки ходим друг к другу в гости.
И напряженнее наши жесты,
Мощней и сдержанней поле злости.

Пошли измены. Пойдут и драки.
Уже сегодня, пожалуй, выйдут
Бараки с палками бить бараки —
Поскольку немцев не видим мы тут.

...Ночами ездим по странам дальним,
Бредем лугами, детей качаем —
И с тем же неодобреньем тайным
Отводим взгляды, когда встречаем.

С тебя проклятья никто не снимет.
Все, кто попали в ловушку эту.
Были мы братья? Станем мы ими?
И есть ли

другая

дорога к свету?

1985 г.

ДЕЛЯНКА

*В нашей стране на каждого человека
приходится гектар пахотной земли.*

Из газет

Горожанин, выкормыш, калека,
Журналист, звучащее ничто...
Вот у нас гектар на человека.
Десять тысяч метров, сто на сто.

Я вчера родился или старый,
Ни при чем ни званья, ни года,
Я живу со своего гектара,
Хоть его не видел никогда.

Я не знаю, юг там или север,
Далеко ль до речки и села,
Все равно там кто-то жнет и сеет.
Может, только пахота прошла.

Там не так, как мы, глядят на небо —
Хоть моли дождя, хоть не моли, —
Никогда я хлеборобом не был,
Да и предки не были мои.

Так что, если тут смолчу и струшу
Или приведет Господь соврать —
Всю там агротехнику нарушу,
Хоть куски отправьте собирать.

1988 г.

ЛИМИТА

Где нынче ни проснемся, мы в пути.
Как обручи, набиты окоемы.
Почти поэтами, актрисами почти
Построены в Москве микрорайоны.

Им выдали какие-то рубли —
Поесть, поспать и заложить за ворот.
А если бы услышать их смогли,
Глядишь, иной построили бы город.

Когда ты, Время, от меня берешь
Не только то, чем я тут схож со всеми,
Но прежде то, чем я ни с кем не схож,
Тогда ты и выигрываешь, Время.

1989 г.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА ГОРОЖАНИНА

Я ненавижу продавца.
Швейцара. Нянечку. Монтера.
Жизнь может кончиться, и скоро —
Что ж, так и будет до конца?

Таксист, с рубля не давший сдачи,
Не стал от этого богаче.
Да ладно, пусть оно горит.
И для меня не в деньгах дело,
А в том, что он, наглец умелый,
Спасибо, гад, не говорит.

Как в классе, тянутся уроки.
Куда он сбился, этот стих?
К себе записывать упреки
Чуть сел — и снова за других?

Нет, Боже. Пусть воруют смело.
Меня не видят пусть в упор.
У нас с тобой не в этом дело.
И не об этом разговор.

Пока я здесь таскаю кости,
Пока плетусь в кино и в гости,
Пока мои продлятся дни,
Пока не замер на погосте,
От ненависти, злобы, злости
Меня спаси и сохрани.

1992 г.

Уж чего-чего от них не видел,
Многое успел и позабыть.
И боялся их, и ненавидел,
Если силы не было любить.

Сколько раз куда-то брел, качался,
Сомневаясь в том, что уцелел.
Восхищался ими, возмущался.
Был бы старше, больше бы жалел.

Насморки, интриги ли, утраты —
Что ни думай, что ни говори —
В сущности, они почти солдаты:
Надо быть красивой, хоть умри.

Им еще, я думаю, зачтется,
Что всегда мы требовали с них:
Маленькое мужество причесок.
Маникюра. Зеркалец. Ресниц.

1997 г.

ПРЕДПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ

Немало неотложных дел
У нас текущею весною.
Мы отменили Юрьев день
И сразу право крепостное.

Трудись не покладая рук.
Учи народ его работе.
Мы завели порядок вдруг,
Да вот пейзаже снова против.

Для дела время есть у них,
И час есть для увеселений.
Но говорят, что никаких
Таких не надо поселений.

Ввели опричнину, браток,
Она, глядишь, не для момента.
И отрицательный итог
Нам важен у эксперимента.

Теперь о вере. Не тая —
Язычество царит меж нами,
Пока мы грады и края
Все награждаем орденами.

Ордынцы налетели тут,
Бормочут что-то бестолково,
И снова руки не дойдут
Никак до поля Куликова.

1995 г.

НЕЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ¹

Черт подери их там, в Испании!
Проснешься ночью, весь в испарине,
И думаешь: что за народ!
Клокочут Франция, Италия,
Алжир, Марокко и так далее,
А эти — все наоборот.

Какие рыцари в Испании!
Они от мавров нас избавили,
Собой Европу заслоня.
Но, чтобы было с чем возиться им,
Ввели такую инквизицию,
Что мавры, знаете, фигня.

А простолюдины Испании?
Наполеона лихо сплавили.
Но только он пропал вдали,
Под благодарные моления
Спустились с гор и в умилении
Себя Бурбонам поднесли.

И вот сидят они в Испании.
Им без холуйства, как без памяти,
И неудобно без оков,
И раздражает независимость,
И дохлый их генералиссимус²
На стеклах всех грузовиков.

1991 г.

¹ “Желание быть испанцем” — стих Козьмы
Пруtkова

² Франко

ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС

В моей стране жилищный кризис.
Мы в комнатенке не вдвоем:
Живем мы, с Родиною сблизясь,
Мы с ней ложимся и встаем.

Бескрайние ее просторы,
Здесь, между стулом и стеной,
Ее поля, леса и горы
Всегда общаются со мной.

Не знаю, надо иль не надо,
Но в нашу хлипкую кровать
Приходит на дом мирный атом
И остается ночевать.

И если выпадет минута
Коснуться милого плеча,
То это можно почему-то
Через Федота Кузьмича.

Привили мы своей надежде
Диалектический талант:
— Федот Кузьмич не то что прежде,
Гораздо лучший вариант.

1991 г.

Я б снял в кино моих друзей.
Черняк прекрасен в детективе.
И чем он там неторопливей,
Тем, значит, действие острей.

Побег. Грохочут три ствола.
Авто летит напропалую.
В окно, на улицу ночную
Глядит он, встав из-за стола.

И будет ясно все равно:
Ничто злодеям не поможет,
Никто из них уйти не сможет,
И все уже предрешено.

А после десяти часов,
Коль задержался он на службе,
К нему зайдет по старой дружбе
Гвардейский офицер Смирнов.

Отглажен, выбрит, раздражен,
Он будет зол на вахтпарады,
На грязь, на вечный беспорядок,
На вздорность генеральских жен.

Ведь будет пуст огромный дом.
Они, присев на подоконник,
Решат, что дело не в погонях,
А в чем-нибудь совсем другом.

1978 г.

ПАМИРСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

*Мы ленивы и нелюбопытны.
Пушкин*

Помню, я пошел в кино.
Представляете — неделя
В Душанбе, но в самом деле,
И не то чтоб надоели
Горы, чуть войдя в окно,

И не то чтоб люди те
Были так уж безразличны —
Встретили меня прилично
На свету и в темноте,

И стихов густой раствор
Тёк, конечно же, и снова
Без начала, с полуслова
Вечный русский разговор.

Тем не менее вдали
Ждать не в силах от Земли
Тайн ее, почти чуждаясь,
И в себе-то не нуждаясь,
Будто так уж все равно,
Будто мир — дыра сквозная,
Будто все уже я знаю, —
Помню, я пошел в кино.

1975 г.

*Лирический субъект сам должен
стать произведением искусства.*
Гегель

Произведение искусства
Слегка испорчено с утра:
И боли в области бедра,
И в животе темно и пусто,
И по суставам клочья хруста,
И грустно память не остра.

Придется собирать совет,
Часок поныть в отделе кадров,
Искать ошибку в перфокартах,
Проглядывая их на свет...

Что делать. Такова судьба
Неясного эксперимента,
В котором в виде инструмента
Используют самих себя.

1972 г.

СТАЛИН

В его мозгу Сибирь, Кавказ,
Снег сыплет, как известка.
И он вычеркивает нас
Из жизни и из мозга.

А сам он весь в моем мозгу,
Тоски и злобы груды,
И я пока что не могу
Убрать его оттуда.

1998 г.

ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

О чем ты там, польская, плачешь, еврейка,
В приюте, под пальмой, где стол и скамейка,
Дареный букварь, и очки, и оправа,
И буквы, в тетрадку входящие справа?

Студентик, учитель, пан будущий ребе
Так громко толкует о хляби и хлебе,
О том, как скиталась ты в странах нежарких
Две тысячи трудных и семьдесят жалких.

Прошло две войны. Унесло два семейства.
Каникулы. Кончились оба семестра.
Ты выучишь иврит и столько увидишь,
Забудешь и польский, и нищий свой идиш.

И ешь ты, и пьешь, и ни гроша не платишь,
Читаешь и пишешь — и что же ты плачешь?
По мебели, на шести метрах в избытке,
По старой соседке, антисемитке.

1980 г.

Воскресник в детском саду.
Идут смущенные папы,
Несут большие лопаты,
Подмигивая на ходу.

Здесь каждый лист — колдовство,
Резной, пылающий, цельный.
Про что сказать “драгоценный”,
Уж если не про него?

Но столько много листвы
Уже мешает прогулкам.
И скоро в чистом и гулком
Саду очутитесь вы.

И схлынет день, как вода,
Пронзенный слабым сияньем,
И чьим-то воспоминаньем
Останется навсегда.

1979 г.

В.Черняку

О дальнейшем течении лет,
О почти различимом грядущем
По любви гадают поэт,
Как старуха по картам и гуще —

Всем доступен обыденный факт,
Пред которым стоим, как разини:
Если что-то у Блока не так,
Значит, что-то не так у России.

И не ради пустой суеты,
А на всякий решительный случай
Я спрошу тебя утром: как ты?
Все в порядке? Не хуже? Не лучше?

1984 г.

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Эта женщина очень длинна,
Вот ее каблучки в Ленинграде,
Вот с надменностью легкой во взгляде
Улыбается в Сочи она.

И стеречь ее много сложнее,
И невинней она, чем иная:
Где-то что-то случается с ней,
А она, может быть, и не знает.

И другое не то что гнетет,
Но пугает, — вы знаете женщин:
Говорят, ее дочка растет,
А планета все меньше и меньше.

1995 г.

СВЯТОЙ ПАТРУЛЬ

Если нужно газете,
 то вы отправляетесь в рай.
 Замполит приглашает:
 а пока ознакомьтесь со сказкой.
 Да, так вот он какой,
 этот старый бескрайний сарай
 С облупившейся,
 некогда синею краской.

Обитатели только вернулись
 из нашей промозглой беды
 Со своей застарелой,
 почти что привычной обидой.
 От предбанника к спальне
 оставив босые следы,
 Белоснежные крылья
 сложив в уголке пирамидой.

КОРИДОРЫ

Лампы, кафель, под березу обшивка,
Пара кресел по укромным местам —
Это, в общем, небольшая ошибка.
Это может быть как здесь, так и там.

Ах, в конце концов ведь все это форма!
Словно тихое вокруг колесо.
Только там не может быть телефона.
Он один и гарантирует всё.

И ходите, углы огибайте,
Среди окон, полов, потолков.
И монетки в кармане сгребайте:
Вон их сколько, штук на десять звонков.

В БОЛЬНИЦЕ

— Прохаживался. Шутил.
Свершал отступленья от правил.
И что-то с собой захватил,
А что-то, как видно, оставил, —

(Так я размышляю о том,
Кто раньше здесь спал и обедал.
Сюда поступивший лишь в среду,
Ведь я не на месте пустом.) —

Оставил в щелях и пазах,
Которых, наверно, немало
В палате, в столовой, в глазах
Клиентов и медперсонала.

Пока тут привыкнешь, как те
Тебя уточняют глазами,
Ты в чьей-то чужой теплоте.
Как в краденой, что ли, пижаме.

ОКНО В БОЛЬНИЦЕ

А мы тут ближе ко вторым воротам.
И хоть дорожка в общем-то одна,
Вам не видна она за поворотом,
А нам до поворота не видна.

Мы не скучаем, мы не голодаем.
Мы в десять спим, встаем примерно в семь.
И тишину все лучше соблюдаем —
Когда-нибудь научимся.
Совсем.

1995 г.

Как странно выглядит зима
С твоей случайной точки зренья:
Кто это выдумал деленье
На снег, деревья и дома?

Чем кончат эту кутерьму?
Что дальше станет делать ветер?
Как получилось, что на свете
Нас, каждого, по одному?

Порядок этот всех сильней?
Другой какой-нибудь возможен?
И, собственно, какой заложен
Сюжет в чередованье дней?

Но притворись-ка — потому,
Что ты уже спешишь на службу —
Что все, что видно, можно, нужно,
Понятно взгляду твоему.

1978 г.

НАБРОСКИ ПОЭМЫ

1. Сбор

Настанет время выпить —
Стань вежлив, а не груб.
Еще ты должен выбить
В конторе целый рубль.

Не трогая красавиц
(“Вот пьянь”, — решит, и крест)
И умных не касаясь
(Не даст, а надоест),

Не подходя к мужчинам
 (“Старик, его бы мне...”),
К начальству (по причинам,
Достаточным вполне).

Возьмешь всего скорее
Его невдалеке
У стареньких евреек
В укромном уголке.

Да от жены получен —
Обедать — рубль второй,
Да близится попутчик,
И взгляд — его пароль.

2. Путь к магазину
 Проводишь ли, читатель,
 В дорогу нас двоих?
 — Скажите, для печати
 Не предназначен стих?

Тогда к чему столь строго
 Подобраны слова,
 И юмора немного,
 Не слышно озорства?

Рванье подходит к ямам.
 Парады — наверху.
 Вольно ж трехстопным ямбом
 Таковую чепуху!

Высоким стилем этим
 К чему считать рубли.
 — Ты вот что:
 будешь третьим?
 Не будешь —
 так вали.

1975 г.

В исключительном количестве различных
Помещений, учреждений, городов
Не присутствую общественно и лично
И в дальнейшем не присутствовать готов.

Далеко такие есть места и ближе,
Их фактически несчетное число.
То, что я их не видал и не увижу,
Почему-то мне не очень тяжело.

Но зато меня нередко беспокоит
И бояться все никак не надоест,
Что наступит положение такое,
И не буду я еще в одном из мест.

1978 г.

ПРОЩАНИЕ С НАХОДКОЙ

Не полтинник какой-нибудь там иль пятак,
А подобной, казалось, и нету,
И теперь уж, конечно, все будет не так —
Подбираю такую монету.

В знак того же, что снова, как я погляжу,
Это вздор — я ее вынимаю,
Не подкидываю, а к воде подхожу
И кулак не спеша разжимаю.

Полагаю, что золота ниже цена,
Чем цена его влажного блеска.
Как вильнула, как вниз проскользнула она,
Вспоминать не придется и не с кем.

А казалось, тепло, даже нежность и та
Возникали, на звон отзываясь,
Между тем, как известно, металл есть металл,
И вся суть его есть неживая.

Значит, верно сравнение. Четок чекан,
Но обманчиво чувство: “Близка мне...”
И не нам, а камням и геммам чета,
Минералу, кристаллу и камню.

И в последний плеснув свой естественный путь,
Меж домов с опрокинутой кровлей,
Предается пускай, занимается пусть
Неизбежною рыботорговлей.

1989 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТКАЗЕ ОТ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Было шумно, было тесно.
Сразу после “по одной”
Стало ясно, что невеста
Может и уйти со мной.

Сам себя дразня и теща,
Словно с улицы в окно,
Я глядел, как горд я тем, что
Только глупо и смешно.

Вот девчонка. Вместе с нею
Над судьбой склоняюсь моей,
Я влюблялся тем сильнее
В то, что выдуманно ей.

Ну и этот третий, муж-то,
Тоже стал, конечно, мной,
Зло завидуя тому, что
Стоит жалости одной.

И еще я помню твердо:
Отразась, как в роднике,
В тот же миг я стал Четвертым —
Мудрым, знающим Никем.

Крупно, будто через лупу,
Залетая над собой,
Созерцал я нашу глупость,
Нашу слабость, нашу боль...

Но недолго были сладки,
Отзвенели только раз
Эти жалкие остатки
Человечности — без нас.

Помолчав, сказал устало
Я четвертому тому:
— Нам на всех придется мало,
А один я не возьму.

Лучше мучиться, бояться,
Драться, падать в грязь лицом,
Чем уйти с тобой, остаться
Хитрым маленьким творцом.

1973 г.

Я королем был довольно славным,
Мне подходила моя земля.
Но население, как ни странно,
Предпочитало — без короля.

Мне фонари, будто многоточье,
Кричали что-то наперерыв.
Вот и ушел я однажды, ночью,
Дверь за собою не притворив.

Служа в газете для пропитанья,
Я потихоньку вживаюсь в роль,
И забывается эта тайна —
То, что когда-то я был король.

Быть журналистом ничуть не скучно,
Свободы много в такой судьбе.
Но по ночам ты лежишь беззвучно
И улыбаешься сам себе.

1975 г.

Куда же потерялся он,
Хрусталик дня в начале марта?
Голубенький, как будто звон
Росы, пока она не смята,
Голубенький, как будто марка, —
Конвертик бел, герой влюблен, —
Куда же потерялся он,
Хрусталик дня в начале марта?

Вот груды в тысячу камней,
Неровных, серых, пыльных, старых.
Я разгребаю их, но мне
Не попадается хрусталик.
Она растет. Вот целый склон.
Вот я стою перед горою
Камней, ищу, копаю, рою —
Куда же потерялся он?

Ну, хорошо. Иду домой.
Стараюсь думать о работе.
Гуляю с сыном. Утром вроде
Начальник был доволен мной.

А за стеной магнитофон,
Смешная песенка Лемарка...

1965 г.

СТИХИ С ЦИТАТОЙ

Утверждал один бакинец
С рыжей пеной на усах,
Что Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Посредине ресторана
Вставший пять минут назад,
Он, с тарелкою, старался
Что-то этим доказать.

Убежденно и неверно
Он лучился с высоты.
Это значило, наверно,
Что еще вернешься ты.

Щедрой пылкости восточной
Мимо падала струя.
Кто Эдмонд, не знал я точно,
Знал я только, что не я.

Потому я встал и вышел,
У швейцара взял пальто
И потом уже не слышал,
Что там пели, пили что.

Было десять, было немо,
Свет струился у подошв.
И на всю столицу с неба
Вместо снега падал дождь.

1967 г.

ВЕСНА

Цвета снега, цвета сна,
Цвета слабого здоровья
Накрывается дорога,
Начинается весна...

Хоть на старенькой “Победе”
Спит еще лохматый снег
Цвета белого медведя,
Дело все-таки к весне...

От потока из-под дома
Ног не в силах оторвать,
Хочет предгорисполкома
Все переименовать...

И, неясная, не в счет,
Где-то вертится надежда
Цвета “может быть, конечно,
Вроде, как-нибудь, еще...”

1980 г.

В ГОСТЯХ

Рассказывала Майка. Я не мог
Следить за всем, свой заботой занят:
Не может царь обидеть так, как Бог,
Точнее взгляда плетъ пока не ранит.

И продолжала Майка:
— Пустота
Страшней, чем боль. К нам в камеру однажды
Прислали дочку маршала — и та
Дружить со мной не испытала жажды...

Не может Бог обидеть так, как друг!
Я вспоминал: для усиления чуда
Был некогда введен в заветный круг —
Друг, ученик, доверенный — Иуда.

А Майка говорила, что и там,
Где ты остался за закрытой дверью,
Тебя таскает по глухим местам
Тоскливое и злое недоверье.

Не может друг обидеть так, как брат!
У Авеля был брат, и не напрасно
Открылся ими долгий этот ряд
Не столь виновных даже, сколь несчастных.

...Росли на подоконнике цветы.
В будильнике стучало равномерно.
Не может брат обидеть так, как ты,
Сейчас в кино сидящая, наверно.

Я огляделся. Славная семья.
Мы ждали Толю, Майкиного мужа.
Спешить мне было некуда, и я
Уже остался, видимо, на ужин.

— Конвойные не могут ничего, —
Произнесла, подвинув чай, хозяйка.
И я спросил:
— А что страшней всего?
— Несчастливая любовь, — сказала Майка.

1978 г.

ГЕТТО. 1943 ГОД

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
“Клопы горят”.

А через четверть века
Два мудрых человека
Сидели за бутылкой
Хорошего вина.
И говорил мне Януш,
Мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей
Есть своя вина.

Зачем вы в 45-м
Стояли перед Вислой?
Варшава погибает!
Кто даст ей жить?
А я ему:

— Сначала
Силенок было мало,
И выходило, с помощью
Нельзя спешить.

— Варшавское восстание
Подавлено и смято,
Варшавское восстание
Потоплено в крови!
Пусть лучше я погибну,
Чем дам погибнуть брату! —
С отличной дрожью в голосе
Сказал мой визави.

А я ему на это:
— Когда горело гетто,
Когда горело гетто
Четыре дня подряд,
И было столько пепла,
И было столько света,
И все вы говорили:
“Клопы горят”.

1970 г.

Досматривать кино не очень хочется.
И я не знаю: стану или нет.
Давно понятно, чем все это кончится,
И денег мне не жалко за билет.

А в зале нашем тесном стулья заняты.
Я сам себе шепчу из темноты:
— Сидят же люди, знают все, что знаешь ты,
А раз они глядят, гляди и ты.

Отсюда ведь не выберешься, кроме как
Других толкая, близких — побольней.
Там про любовь прошло, теперь там хроника —
Немало любопытного и в ней.

Кто победит в Америке на выборах?
В хоккей кому взять кубок суждено?
Смотри кино, какое есть, сиди, дурак,
Второго не покажут все равно.

1972 г.

НА ДАЧУ

Дождь. Авоська. Холод. Свертки. Ветер.
Транспортный, потом перронный бег.
Оглянись! Ты на котором свете,
Дачный муж, серьезный человек?

Электричку взять ты хочешь с бою,
Весь в заботах, словно в мелком сне.
Тридцать лет слежу я за тобою —
Не сказать, что ты понятен мне.

Что ты мчишься, глупый и отважный?
Втянут нас и перетрут миры,
Если мы в занятиях самых важных
Потерям отблески игры.

Встань. Вернись. Иди в буфет щербатый,
К пьяницам, толпящимся в тепле.
Проникай, неловкий соглядатай,
В заговор живущих на земле.

Твой бегущий моментальный снимок
Щелкнет память и отправит вниз...
Сколько там гримас, прыжков, ужимок!
Влез в вагон? Теперь хоть оглянись:

С саженцами всяческой породы
От присевших в панике небес
Мчат на электричку садоводы,
Как внезапно тронувшийся лес.

РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ

— Был день мой пуст. Серо тянулась нить.
Тщета гнала и время отнимала.
И все же я успел не позвонить...
— Совсем немало. О, совсем немало.

1967 г.

Эта песня ненадолго,
Вам придется потерпеть.
Одного хочу я только —
Эту песню вам пропеть.

Ненадолго эта долька
Народившейся луны.
Ненадолго, ненадолго
Свежевыпавшие сны.

Огоньки машин скользили.
Мы увиделись тайком.
Ты сидела в скромном ЗИЛе —
Я пижонски шел пешком.

Ненадолго чувство долга,
Ненадолго куча слов,
Ненадолго, ненадолго
Наша вечная любовь.

Каждый день — другая дата.
Где не стынет, там горит.
Мой отец ушел куда-то,
А куда — не говорит.

Ненадолго Дон и Волга,
Ненадолго даже дно.
Нам не надо ненадолго,
А надолго не дано.

1956 г.

Всё вернулось на место,
Я остался один,
И как стало известно,
Я и не выходил.

Это всех поразило,
В эти дни моя мать
Меня очень просила
Только не умирать.

Это все повторяли,
Всех задела тоска.
И об этом собрали
Заседанье ЦК.

Как узнали, что не с кем
Жить мне до похорон, —
Зарыдало ЮНЕСКО,
Зарыдала ООН.

И охранники плачут,
И зэка заодно,
И пожарные плачут,
И актрисы кино.

Плачут взрослые, дети,
Пьют враги и друзья...

Сколько женщин на свете —
Ни одна не моя!

1955 г.

Если вдруг пойти в аптеку,
Лечь на полку среди склянок,
Несомненно, скажут те, кто
Вас увидит: “Это странно”.

Равно как себя по почте
Отправление на север
Будет понято неточно
И одобрено не всеми.

В силу этих обстоятельств
Как несмелым и неловким
Нам приходится стоять здесь,
На трамвайной остановке.

В телефонной греясь будке,
Напевая серенады,
Ждать трамвая так, как будто
Никуда спешить не надо.

1968 г.

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Я иду по красивой земле,
Улыбаются кошки и дети.
В мае месяце и на рассвете
Я иду по красивой земле.

Даже странно, что где-то опять
По расчетам ползут интегралы,
И чужие не спят генералы,
Собираясь меня убивать.

В этой утренней голубизне
Слышен птиц нарастающий говор,
И в усталых объятьях другого
Вспоминает жена обо мне.

Это очень приятно — идти
Здесь, по улицам, там, на тропинках,
В мае месяце, в новых ботинках,
Кто бы там ни стоял на пути.

1975 г.

СТОЛ

А.Кушнеру

У этого стола две ножки на земле.
Он сделан ласково, с привычкою к порядку.
Присаживайся, ну, клади свою тетрадку,
Не думай ни о чем. Тетрадка на столе.

Понятно, кое-что покоя не дает,
Подмигивает так и дразнится немножко:
Удобен, прочен, прост — а все же чуть не тот:
А третья где его, четвертая где ножка?

Ну что ж, насвистывай, коль уж не можешь так,
Расслабься, сделай вид, что все почти понятно.
Он, в общем, кухонный. А есть еще верстак.
А где-то письменный. На Мойке, вероятно.

Ты, главное, присядь, скреби свое с утра.
Опора есть, и все. Не думай слишком много.
Уж с полчаса визжит рубанок у Петра.
Ах, строчка, стружка-кружевце, дорога.

Куда б она теперь тебя ни увела,
Чего б она потом еще ни захотела —
Две ножки на земле у этого стола.
Он не шатается? А там какое дело.

1985 г.

Значит, шляпу, перчатки,
Постоять у дверей —
И, пожалуй, прощаться
Поскорей, поскорей.

Все истории мимо,
Как старинный роман.
Было все очень мило,
И пора по домам.

Чтоб сказали: покойный
Ходил по гостям,
Элегантный, спокойный,
Как святой Себастьян.

1967 г.

Совсем в другой системе
Живут другие, но
Простое наше время
Для тех других — вино.

И каждый, кто захочет,
К хозяйке подойдет:
— Плесните мне часочек!
— А мне, пожалуй, год.

Бокалы поднимают,
Постукают — звенит.
И пьют, не понимают,
Чем так оно пьянит.

1960 г.

ПЕСЕНКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА

Ю. Щекочихину

Чтоб был ровен твой бег в степи,
Первобытнейшей из степей,
День пиши, вечер пей, ночь спи,
Утром встань, день пиши, вечер пей.

Иногда подними глаза,
Погляди, где земля, где снег.
Но надолго прервать нельзя
Этот бешеный бедный бег.

От того, что было, отстань.
То, что будет, не торопи.
День пиши, вечер пей, утром встань.
День пиши, вечер пей, ночь спи.

А какие вокруг года,
И какое при них житьё,
И откуда ты сам и куда —
Не твое это, не твое.

Надрывайся, тани, терпи.
Скажут “Туп ты!” — еще тупей
День пиши, вечер пей, ночь спи.
Утром встань, день пиши, вечер пей.

Брату Лёвке

Неотступны и легки
Расходились по округе
Молоточки и колки
Заводной немецкой вьюги.

Цифры, звезды и нули
Вот и час без опозданий
Неожиданных, но и
Обязательных свиданий.

Вот и профиль — в том возке,
Ставшем давнею привычкой
Господина в парике
С тонкой пудреной косичкой.

Вот и слышится труба
В кинозале, в общепите,
Вот и движется судьба
По расчисленной орбите.

Видя, как издалека,
После следующей елки
Умещаются на полке
Уменьшенные века.

Если ты вместо «нет», скажешь «да»,
А твой друг вместо «да», скажет «нет»,
Значит, вы разошлись,
может быть, навсегда
Или только на тысячу лет.

Осторожнее будьте сейчас,
Потому, что сейчас поворот.
От случайной секунды ломается час,
А от часа ломается год.

158

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

НАЗИДАНИЕ

Годов, столетий остерегайся,
Столь они скудны.
Внутри мгновенья располагайся,
Внутри секунды.

Доколь откладывается свиданье
В мартовский вечер,
Не сетуй милой на опозданье,
Живи до встречи.

Не жди от жалованья обновки
Яркой да тленной.
Нейдет автобус? На остановке —
Займись Вселенной.

Сует смятеньем не напрягайся,
Сдерживай рвенья,
Внутри секунды располагайся,
Внутри мгновенья.

Душа надеяться не перестанет,
Шита на вырост.
Зря месяц денется, день обманет,
А миг не выдаст.

1973 г.

ЧТЕНИЕ

В вагоне мы к плечу плечом,
И каждый книгой увлечен,
Раскрытой и отдельной,
 А на страницах слабый яд,
 Домашний, усмиренный ад,
 Ручной и бессмертный.

Там сказано, что болен тот,
А этот через час умрет,
А третий предан кем-то.
 Но так как это не всерьез,
 Никто не проливает слез
 Над ужасом момента.

Макбет, Отелло, Гамлет, Лир
Уже зачитаны до дыр,
И остальные тоже,
 Но так как это не всерьез,
 Никто не вскрикнет, и мороз
 Не продерет по коже.

И автор, даже сам Шекспир,
Словами ослабляет мир
И заявляет: — Командир,
Забудь свой быт домашний,
Забудь свой стыд вчерашний...

...Перелистай полсотни книг,
Глядишь, и ты уже привык.
И все не так уж страшно.

1980 г.

Если бы книжка сама открывалась,
Если бы книжка сама закрывалась,
Вы удивились бы, но не весьма.
Вы бы подумали: что за причуда?
В книжке возможно одно только чудо —
Если бы книжка писалась сама.

Вы бы тогда, открывая страницу,
Знали, что там ничего не хранится.
Только появятся, прямо сейчас.
Если вам холодно, бабочки зноя,
Если вам горестно, что-то смешное...
Долгий и неповторимый рассказ.

1982 г.

Как странно, что из тишины,
Из палочек на нотном стане,
Из каменной глухой стены
Однажды музыка восстанет.

А ветер мёл, цветы цвели,
Но надо же, скажи на милость,
Пока сюда мы не пришли —
Мелодия не появилась.

И всё другое: день, и лес,
И ночь, и здания, и реки...
Останься, музыка, навеки
Отметиной.
“Мы были здесь”.

1983 г.

Тебе лично

Если б ты на этом свете
Был один подвластен смерти,
А другие, то есть мы,
Жить все время оставались,
Тут ни с чем не расставались,
Избежав предвечной тьмы, —

Как бы мы тебя любили!
Что попросишь, раздобыли.
Сострадая и скорбя,
Начиная сразу с детства,
Не могли б мы наглядеться,
Наглядеться на тебя!

...Но

ведь так и происходит:
Человек один проходит,
Мы, другие, — это род,
Род ведет свою дорогу
И пока что, слава богу,
Он живет, живет, живет.

Так что в полночи и в полдни
Понимай, и знай, и помни:
Ты у нас любимый гость.
Все тебе — привет и ласка.
Остальное — только маска:
Равнодушие, скука, злость.

1986 г.

Река своя у нас есть тоже,
Бульвары в кружеве оград,
Глядишь, и площади похожи,
А все же здесь не Ленинград.

Иначе вьется улиц лента,
Иначе свет неутомим,
И распространена легенда,
Что в чем-то мы ревнуем к ним.

Мы просто любим. И с Арбата
Сворачивая наугад,
Себя мы ловим невпопад
На ощущение, что куда-то
Свернем —
и выйдем в Летний сад.

В. Ходасевичу

Глядя в ночь, не глядя на ночь,
Приподымет в тишине
Владислав Фелицианыч
Занавеску на окне.

Что ты можешь? Что ты стоишь?
Почему ты смотришь так?
Чем на контуры чудовищ
Размечаешь слитный мрак?

Пред тобой хрипит и реет
Гущей сомкнутых ветвей
Древний лес не из деревьев,
Из страданий и смертей.

Как же в адское окружье
Человек дерзал входить?
Было первое оружие —
Это глаз не отводить.

Кто готов к такому бою,
Он нужней любых усад.
Тварь, воздвигшись над тобою,
Упирается во взгляд.

Нависает зверь орущий,
Силясь путы разорвать.
И последнее оружие
Точным именем назвать.
И прибит к пустой Вселенной,
Как велит твоя рука,
Изогнется враг твой пленный
И застынет на века.

И у самого рассвета,
Проступившего, как мел,
Я клянусь тебе:

ты это
Сделал, выдержал, сумел!

Повернись спиною к миру,
Занавеску опусти
И шагни назад, в квартиру,
Подремать до десяти.

1982 г.

Нам вспарывают животы,
В них грея ноги,
Торжественнейшие скоты,
Земные боги.

Твердя все те же десять слов
Про их геройства
По части планов, части снов
Благоустройства.

Благоустроенней тюрьмы
Не снилось людям:
Мы учим наизусть, как мы
Их крепко любим.

Нет, так людьми не станешь тут,
Ни в год, ни в десять, —
Пусть даже русские придут
И их повесят.

ЗАСТАВА

Дубы качаться пошли в аллее,
 Песок — поскрипывать половицей.
 Пора становиться повеселее,
 Пора легкомысленней становиться.

Уши закладывает, как ватой.
 Зеленое марево так и реет.
 — Забыть, что кто-то нам виноватый.
 — Знаете, парни, по-моему, время.

Сапоги начищены, пусть поблещут.
 Рубаха постирана, пускай белеет.
 Но, кроме шуток, такие вещи:
 Пора становиться повеселее.

— Окапывайся, окапывайся, —
кричал, — успеешь

Передохнуть.

А в земле — целее...

— А теперь что,

дяденька?

— А теперь уж

Одно осталось:

гляди веселее.

Приехал, и гулять растерянно идешь,
И независимость показываешь явно,
Пока дрожит проспект, отточенный, как нож,
Что Петр вбил в Неву сравнительно недавно.

Там женщина, чью стать никто не удивит,
Глядит со многих стен, соединяя даже
С надменным обликом всемилостивый вид,
И ясно, кто она — “директор” Эрмитажа...

И вот что чувствует чужак и новичок:
Он ощущает власть имперского злорадства
И хочет сделать шаг, одернуть пиджачок
И Меншикова всласть клеймить
за казнокрадство.

— Обычный текст, — сказали ангелы, —
Ни свет вставляли ни заря,
Из Полинезии, из Англии,
Похоже, что тащились зря.

Ты покидаешь тучку милую,
С утра несешься в дальний путь,
Чтобы ему через бескрылое
Плечо в блокнотик заглянуть.

А что прочтешь? Что вечер кончится,
Что трудно утру наступить,
Что больше пить ему не хочется
И что не хочется не пить.

Что дали скучное задание,
А так нормальное житье,
И про одну обиду давнюю —
Конечно, как же без нее.

Что часто злится он на девушек,
Тогда как сам бывает плох...
А мы-то ждали, мы надеялись,
Что он нам скажет, есть ли Бог.

1980 г.

Возвращаясь в Синеград,
Думал я, в кабине сидя:
Это все не так красиво,
Как об этом говорят.

Скажем, где-то вдалеке,
Вдалеке, допустим, где-то,
Если не хватает цвета
В небе, в море и в реке,

Вы ж уедете! А что?
Скинетесь у магазина —
И привет. Ну будет сыро
Или там жара. Зато...

Я ведь это все к чему?
А потом, когда порядок,
Это дело будет рядом —
Будем рады мы ему?

Стены, мебель, потолок...
Тут и крик выходит синим.
Это слабо выносимо.
Я вот, видимо, не смог...

Но о том, что сам не рад,
Что не смог, что не осилю,
Думал я, в кабине сидя,
Возвращаясь в Синеград.

1958 г.

МАРКИ

Тиме

А может быть, марки вот так разложить —
Сначала — потом — и на третье, —
Чтоб расположеньем уже предложить
Концепцию хода столетья?

Но марки-то лягут, согласия полны,
Чернея, краснея, белея.
И между боями кровавой войны
Поместятся их юбилеи...

...Нет, дай-ка положим людей на подбор —
Портретная ровная стенка:
Дзержинский, Руссо, Робеспьер, Косиор,
Мичурин, Вавилов, Лысенко.

Мой парень плечом ко мне тесно приник
И в щеку внимательно дышит.
Моих рассуждений (пока я про них
Молчу) он, конечно, не слышит.

Он верит, что я-то уж знаю, как жить,
И к мудрости взрослой ревнует...
А что если марки нам так положить,
Чтоб синюю с синей — и ну их.

1975 г.

НАПУТСТВИЕ

А когда овладеет прямая тобой досада
И потщишься ты ныне
 исправить земное зло,
Трех святых, Михаила, Василия, Александра,
Помянув, принимайся за ремесло.

Сам насмешничал ты над ними, забудь про это,
Всё простили они, блаженные, — ты не враг:
Плоский век париков, камзолов и силуэтов
Не давал тебе заглянуть в их горестный зрак.

И что слово у них не всегда — ты забудь —
звучало,
Что кривой сползала строка, не сладили с ней,
А зато у них там виднее твое начало.
А когда виднее начало, то суть ясней.

А работа твоя все та же, и вдох, и выдох,
Поднимай, не должен сей втуне валяться крест.
И уж коли Господь, которого нет, не выдаст,
То и чудище —
 обло, огромно, озорно, стозевно и лай —
 не съест.

1979 z.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Встав на гору, мой родственник
Как взговорит, давясь
Пустыми, бесполезными слезами:
— Любите же друг друга.
 Ибо мир не любит вас.
По крайней мере, он не этим занят.

ПАМЯТИ ЮРИЯ СМЕРНОВА

Отлучится личный врач —
Остается излечиться.

Жить без тренера случится —
Сам себе режим назначь.

Моряков на пляже нету.
Видно, бабу мне спасать.

Хорошо бы дать поэту
Эти строчки написать.

Как женщина чиста,
Когда идет она,
Покинув те места,
Где так была грязна.

Мужчины пьют и злятся
У бесконечных стен
И горько точат ляды
О тысяче измен,

Усевшись пара к паре,
Обнявшись, как друзья,
Потрепанные парни,
Рогатые мужья...

Она идет, как пляшет,
По краешку луча,
И ветерок у платья,
И солнце у плеча.

Сошла б чума на рынок,
Чесуха съела б скот,
В реке бы сдохли рыбы,
А женщина — идет,

Легко, смеясь, без тени...
И не летят ей вслед
Измятые постели,
Окурки сигарет.

Тане

Утром вернулся издалека.
Что же, садись, открывай
“Учебник русалочьего языка”
И “Ведьминско-русский словарь”.

А волна прибегает легко-легко,
И сквозь голубые леса
Твое выплывающее лицо,
Струящиеся глаза.

И все поднимается эта вода...
Да сгинь же ты! Отпусти!
Все-таки: ”милый”, “твоя”, “навсегда” —
Как это перевести?

В.Берестову

Так это море, значит?
Гляжу из-под руки.
Там маяки маячат,
Рыбачат рыбаки.

И отблеск дали нежной,
И краешек зари —
Не главное, конечно,
Кто что ни говори.

Ищи оттенки смело,
Найди их сотен семь —
Совсем не в этом дело.
Вы знаете — совсем.

Пусть волны скалы рушат —
И это все не в счет.

...Но, значит, кроме суши, —
Спасите наши души! —
Есть кое-что еще.

1977 г.

Есть в нашей комнате стена.
За нею шум живет.
Там кто-то спрыгивает НА.
И убегает ОТ.

Все кирпичи в стене — впритык.
Но кто-то там ведь жив!
Наверно, он подходит К.
Заглядывает В.

Я замечаю с давних пор:
все лягут спать, темно,
а там топочет кто-то ПО
и ударяет О.

И вот я каждый вечер жду,
гляжу то вверх, то вниз:
вдруг этот кто-то встанет У
и даже выйдет ИЗ.

1962 г.

Л.Черновой

Когда раздвинешь город наш,
Другой откроется пейзаж —
Я в месяц раз произвожу такую сверку —
Ни стен, ни кровель листовых,
Ни мостовых, ни постовых,
Жара вокруг, песок внизу, и небо сверху.

А тут приходит дурачок,
Еще с утра он ни при чем,
Но вот уж час, как обречен
стеze печальной.

Его не пробуйте вернуть,
Я должен город распахнуть
И путь к пустыне отчеркнуть,
скупой и чахлой.

И я сижу, пишу письмо.
Мол, получилось так само
И я тут мало виноват,
не обессудьте.

Ваш сын ушел, и перед ним
Равнина с климатом сухим
И шестикрылый серафим
на перепутье.

1972 z.

Телеграмма, телеграмма, телеграмма!
Это гром резвится, крышами звеня,
Но скупа его хозяйка и упряма —
Нету молнии сегодня для меня.

Не пора ли, не пора ли, не пора ли,
Чтоб пропало это горе вдалеке,
Чтоб деревья подбегали и орали
На пронзительно-зеленом языке?

Чтобы море пониманием лучилось,
Чтобы ветер был на розыски готов,
Чтобы люди узнавали, что случилось,
По натянутой улыбке проводов.

Выставляю я в окне тугую раму.
Отдаленность освежающе близка.
Телеграмму, телеграмму, телеграмму
Посылают грозовые облака.

1970 г.

Б.Ахмадулиной

Ушел потрепанный скрипач,
Ушли скамейки на дорожках,
Ушел журавль на тонких ножках,
А ты останься, ты немножко
Побудь со мною и не плачь.

Я для тебя, как добрый слон,
Несущий в цирке всю программу,
Ты девочка, а я влюблен
В твою ненайденную маму.

Я думаю не о себе —
О тапках, платъице горошком,
Пока летит велосипед
По перепутанным дорожкам.

Ну что он может привезти,
Что не было бы нам известно?
О, пусть мы ждем его извечно!
О, растяни его пути!

Чтоб было нам не до того,
Чтоб комната не пустовала,
Чтоб телеграмм от докторов
В природе не существовало!

Ну посиди со мной, побудь,
Бояться, видишь, не годится,
Извилист велосипедиста
Еще не кончившийся путь.

1969 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

У края земли,
За последним селом,
Крыло подстели
И укройся крылом.

По нижней природе
Из речек и трав
Пушай он приходит —
Он будет не прав.

К молчанью ль, к ответу
Он вскинет ладонь,
Присядет и ветку
Подбросит в огонь.

На срезе дождя
Обозначен предел.
И ветер, дойдя,
В двух шагах отвердел.

В кругу темноты,
Друг о друге скорбя,
Вернувшийся ты
И Пославший тебя.

1978 г.

Когда распространилось воровство,
Не уважали тех, кто был обманут.
Бывало, за глаза, смеясь, помянут,
Ленивое справляя торжество.

Не смея носа высунуть во двор,
Бедняк сидел, к позорищу готовый,
Покуда под окном его с обновой
Удачливый прохаживался вор.

На первого, кто б заикнулся тут:
мол, стыдно вам, и бросить не пора ли? —
Кричат: “Да не тебя ли обокрали?!”
Глядишь, и тыкать пальцами начнут.

И жили. От зари и до зари
Таская лихо, что лежало плохо.
Смешная и забытая эпоха,
Хоть тресни, не кончалась. Хоть умри.

Но мы-то разговор ведем о том,
Кто с топором — веселое орудье! —
И с воплем “Да гори огнем, воруйте!”
И мебель развалил, и сжег свой дом.

1965 г.

ЗАПОВЕДНИК

Утки дикие вернулись,
Зайцы будут, лоси есть,
Ото сна леса очнулись,
Певчих птиц не перечеть.

Зверь не пуган и не считан,
Рыбой полнится река.
Так незримую защиту
Держит тайная рука.

Надорвав конверт, постой,
Стань хоть чуть печальнее
И прости меня за столь
Долгое молчание.

Ветер воет, как пустой,
Думает, что пение.
Извини меня за столь
Трудное терпение.

А уже у первых стай
Хрипнет крик от усталости...
Ты прости меня за столь
Дальнее отсутствие.

...Так открыться и так состояться,
Быть с миллионами наедине
И в истории не затеряться,
Как на этой огромной стене.

Под одними живем небесами,
Из одной вырастаем Земли...
Что мы видим такого, что сами
Вроде знали — сказать не могли?

Удалился твой мастер смущенный,
Ничего не добавят слова.
Что стыдливей и незащищенной
Твоего среди нас торжества?

Никуда нам от взгляда не деться,
Хоть уйдешь, хоть поднимешь ладонь.
Эти взрослые лики младенцев,
Эти детские лики мадонн.

В.Б.

Ценнее кольца золотого
Бывает кусок черепка.
Нет в мире удачного слова,
Все это решает строка.

Находка — еще не находка.
Ей требуется обработка.

Корабль заблудился в последнем просторе.
Вселенная стала мечтой.
А это — не воздух,
А это — не море,
А это простое ничто.

Сюда донесли мы Земли отголоски,
А время нас гонит и мчит.
Пространство меня понимает по-польски,
С тобою — на хинди молчит.

Когда-нибудь
Где-нибудь
Кто-нибудь встретит
Наш темный кораблик во мгле,
И в этой кабине
Появится третий,
Который вернет нас Земле...

Какая нам разница?
Так мы устали,
Любой из нас выплыть готов
В зеленые дали
И в синие дали
И в дали без всяких цветов...

АЭРОФЛОТ

Аэрофлот, аэробред.
Авиалинии, будто стропы.
Аэро — да, аэро — нет,
Вот вам и аэро — катастрофы.

Как мне разлука
Стала близка,
Как стюардессе
“Налейте чаю”.
Горе прозрачней,
Чем облака.
Я его даже
Не замечаю.

Можно отказываться
и петь.
Можно Земли
в темноте обыскаться.
Можно, оказывается,
взлететь —
И никогда уж
не опускаться.

1962 z.

Еще сама весна в наброске,
Но людям неохота ждать.
На ледяные перекрестки
Идут суда — пути вскрывать.

Конечно, все мы понимаем:
Лед в океане нескончаем,
Его массивность велика.
Поля за ледовитым краем —
Не наша милая, родная,
Домашняя Москва-река.

Но маленькие ледоколы,
Их скромный труд, их вид веселый,
Конечно, тоже нам нужны.
Они стараются, как могут,
Ломают лед, торят дорогу
На белом краешке весны.

1983 г.

НАПУТСТВИЕ

Скажи ему, что он силён,
Сомненьями его не мучай.
Свой слабый труд исполнит он,
А там, глядишь, придут получше.

Наговори, что он любим
Женой, и полем, и рекою —
И будет он в борьбе с тоскою
Бесплодною непобедим.

Скажи, что нужен этот путь,
Что он один к нему пригоден.
Еще сказать, что он свободен,
Ему, смотри, не позабудь.

1980 г.

ГОСТЬ

Мне нравится ваша планета
И воздух ее голубой.
И многое — в частности, это,
Как вы говорите, “любовь”.

Вы все объяснили искусно,
И я разобрался вполне.
Мне очень понравилось “грустно”,
И “весело” нравится мне.

Я понял “скучать”, и упорно
Я стану стремиться сюда.
А ваше “целую” и “помню”
Нам надо ввести у себя.

Ваш ”труд” — это правильный метод,
И мудрая выдумка — “смех”.
Одно мне не нравится, это —
Что вы называете “смерть”.

1972 г.

В ГОСТЯХ

Значки на пиджаках, портреты на обоях.
И снежный человек уже промчался мимо.
И йога телепат приводит за собою.
“Пришельцы”, наконец. Почти невыносимо.

Давайте создадим гипотезу Ушельцев.
Оглянемся — ведь нам кого-то не хватает:
Касанья чьих-то рук, собачьей теплой шерсти
И взгляда дальнего, что тянется и тает...

А что? Ведь только так понятна наша тайна,
Всё очень сходится, и станет объяснимо,
И почему мы здесь, так вздорно и случайно,
И семьи не у всех, и негде брать любимых.

1970 г.

ДЬЯВОЛ ГОВОРИТ

Употребил доверие во зло.
Она сама надеется на это,
Чтоб с наступленьем бледного рассвета
Ей не казалось, что не повезло.

Брось вглядываться в тёмное стекло.
Она и так молчанием задета.
Ты срифмовал уже шесть строк сонета,
А время, между прочим, шло!

Помилуй бог! Когда вы шли сюда,
Вам рота храбрых встретила курсантов.
Цвет армии, созвездие талантов,
Сто серафимов ратного труда.

Скажи, ну кто б из них в такой постели
Лежал и думал о военном деле?

За что серьезных дам
Еще пускают в стих —
Учительниц, врачей,
Властительниц оваций?
За то, что вот таких
Мальчишки любят их,
На том краю Москвы
Они кому-то снятся.

За то, что до утра
Они не в силах знать,
Как, вздернув удила
И подтянув подпруги,
И через чью постель
Им предстоит скакать
Верхом на пожилом
И заспанном супруге.

Решеток и оград
Чугунны кружева,
По край заполнен ров
И неприступна кровля,
Но в герцогине ведьма
Всё еще жива.
И снег еще летит.
И век не остановлен.

ИЗ ПИСЬМА

Я б не взял тебя, конечно,
В тот запутаннейший век,
Где гуляет этот нежный,
Этот Снежный Человек:

Посидит. На горку выйдет.
Распугнет орлиц-дурех.
А когда никто не видит,
Постоит на четырех.

ПРОШЛЫЕ ДОЖДИ

Мы, не правда ли, не стареем?
Поздно встретились, только год...
Нищим надо копить скорее
Все, что видим,
а то пройдет.

Тонет в небе, а не в реке.

А все же странно пишутся стихи.

— Женились вы?

— Вернулся из Ростова.

— Что делалось на службе?

— Ни полслова.

Был листопад, а дальше пустяки.

— Что ели? Что носили?

— Дождь пошел...

— Что думали?

— Он шел и днем и ночью...

— С чем спорили?

— И лужи... Многоточье...

— Смирялись с чем?..

— А все же хорошо...

— Но как же вы...

— Туманно-кочевой

Строй облаков — и добавлять не надо:

Ведь видно же по цвету листопада,

Как на душе, давно ль и отчего...

Какие тут еще найдешь слова,

Когда пора слетать и падать листьям,

Когда инфляцией вчерашних истин

К земле и снегу ринулась листва!

И внуки слышат и благодарят,

И пишут: “Так и было,

стих свидетель,

Пятнадцать лет шел дождь на белом свете,

И третий век тянулся листопад”.

БОЛЬШАЯ ГРУЗИНСКАЯ, 21/2

Быстрее прославиться б сумели,
Да умереть в конце концов —
И не снесли бы, не посмели
Дом братьев наших и отцов.

На донце детства, донце дня
Казалось, вечны стены эти,
Когда они, как все на свете,
Спасенья ждали от меня.

НОЧНАЯ ГРОЗА В ПАЛАНГЕ

Глупо и в общем-то даже неловко,
Как постояльцу, когда за стеной
Муж до рассвета дерется с женой,
С шурином, с деверем, с тестем, с золовкой...

Много ль корысти к дивану прижаться
Где-то в четыре, под легким пальто,
И на другом языке утешаться —
Вот и у них, видно, что-то не то?..

РОБИНЗОН

Как я, свободны были лишь немногие.
Сегодня мне ничто не тяжело.
Семья, работа, Бог, идеология —
Все кожей обваренной сошло.

Как Робинзон под вечер дня крушения,
Как дождь необитаемых планет,
Свободен я — до головокружения...
И ничего, кроме свободы, нет.

1979 г.

Там же, во сне,
Я победил в беспредельной войне
Всех, кто попались.

Рухнул, сопя,
И пол-Европы подмял под себя,
Не просыпаясь.

Сын мой пропал.
Дом зашатался, покуда я спал.
Смылась супруга.

Смутно, вдоль сна,
Слышал, как пела свое у окна
Пьяная вьюга.

Холодно тут.
Ветры сквозь комнату эту метут.
Может, остаться?

Спать до весны?
Только вот сны эти, сны эти, сны
Снятся и снятся.

1976 г.

АНТИТОЛКУЧКА

Что продаешь? Отсутствие ноги?
Так поживее! Циник и пролаза,
Соперник твой, — уже стоит без глаза,
И без голов сбегаются враги.

Да, выдался у нас базарный день!
Тут, видно, все: раб притащил свободу,
Кукушка — материнскую заботу,
Столица — тишину, пустыня — тень.

А вот и я в сторонке достаю
И предлагаю вашему вниманию
Нехитрые товары: пониманье,
Ее любовь, веселую семью...

Ну что ж, добавим молодость мою.

1969 г.

Я перестал являться на дуэли.
Лежал. Следил разводы потолка.
Никак не умиралось.
Легкой прозы
Нет под рукой.
Истаяли друзья.
Любовь прошла, как кончилась бомбежка.

РАЗРЫВ

Был город бел,
И шел — подряд,
По плитам, по газонам —
Веселый дождик — лампопад,
С таким нарядным звоном.

И лепеча: “Ну что же, на —
Бери, лови, ударь”, —
То лопнет лампа, то фонарь,
То лампа, то фонарь.

А сверх камней и пыли сверх
Мелодия текла.
У тротуаров бился свет,
Разлитый из стекла.

Он шел лениво и легко,
И не искал угла,
И белой, словно молоко,
Мелодия была.

Он шел легко, не семеня,
Такой нелепый дождь,
И набухали семена
Невероятных рощ.

1965 г.

Этот слабый твой крик: “Подожди!”,
Начинающийся с неудачи,
Продолжается дальше и дальше,
Раздвигая леса и дожди.

Изменяя себя, как предмет,
Сбитый начерно и недостойно,
Он уляжется скупно и стройно,
Избавляясь от лишних примет.

Чем надежней он вооружен,
Тем ты больше пред ним безоружен,
И что ты ему вовсе не нужен,
С нетерпением почувствует он.

Если та, кого звал он, в жилье
Твое старое даже вернется,
Он не вздрогнет и не оборвется,
Знать не зная тебя, ни ее.

Прямо в осень идут кусты,
Все заметней листвою горя.
Заколочены и пусты
Пионерские лагеря.

Иногда был не тот обед,
Иногда был концерт не тот,
А теперь недостатков нет,
Все чего-то стоит и ждет.

Так сказать, голоса детей
Начинали звенеть с утра.
И была тут пора статей,
А теперь тут стихов пора.

Тишиной оглушенный лист
Удивляется: как же так?
То влюблялись, а то дрались,
А теперь ни любви, ни драк.

Первый раз он живет, и дум
Налетело — не сообразишь.
Было ясно, что мир есть шум,
Может, все-таки мир есть тишь?

Он предчувствует: впереди
Осень теплая недолга.
Значит, скоро пройдут дожди,
А за ними придут снега.

1959 г.

ВОРОНКА

Ну так вернись. Как известно, внутри
Есть расстоянье без места и вида.
Воду раздвинь и назад не смотри —
Мелочь ошибка, плесень обида.

Только начало — быть наедине,
Только исток центрального движенья,
И продолжай, продолжай погруженье,
И никогда не очнешься на дне.

Если уж не вызывает любви
Летний — какой там? — зимний ли, вешний
Круговорот этой ярмарки внешней,
Вспомни, что есть владенья твои,

Где отодвинувшись, где уходя,
Неотменимо встречаешь такое,
Что легче тени, проще покоя
И тише невыпавшего дождя.

Все это пишется ни для кого:
Тот, кто заботу похожую встретит,
Читать не станет, а сам отметит
Свое, закрытое торжество.

Свой третий век переживают ели.
Летучие слова везде окаменели.
Толпою, как песком, отполирован путь.
А там под дождиком уже поля продрогли,
И дуб к ветвям становится подробней,
Чтоб перед снегом в небо заглянуть.

ГДЕ ИСКАТЬ

Нине

Сойдя на переходе с этой ленты,
У стенки встань и подожди меня.
Девчонки пробегут, пройдут студенты,
И станет чуть меняться время дня.

На службе никого не оказалось,
И дом стоит, по-прежнему пустой.
Но что б тебе в тот день ни показалось, —
Еще немного все-таки постой.

Ты знала ведь, что там искать не стоит.
Прошу, прими спокойно все как есть.
Не огорчайся, друг мой, все пустое,
Я где-то здесь, наверно, где-то здесь...

И, уходя средь говора и смеха,
В растекшемся пространстве золотом,
Скажи себе: он, может быть, проехал,
А может быть, проедет здесь потом.

1966 г.

А мне бы почта полевая
Опять письма не принесла,
Меня б измена тыловая
Помимо прочего ждала.

Одних чего-то ранят часто,
К другим цепляется сержант...
И к пуле, и к грызне начальства —
И к этому есть свой талант.

Ну что, измена? Плакать, что ли?
Ведь тоже следствие войны.
Мне б никакой отдельной боли
Не полагалось от страны.

До голубой звезды
 сгустится синева,
Как я сейчас пишу в своей тетрадке,
И женщина произнесет слова
Вот эти самые
 и вот в таком порядке.

Она войдет и встанет среди вас
Ни перед кем ни в чем не виновата.
Я буду далеко в тот поздний час,
В таких краях, откуда нет возврата.

И будет дальше пир.
А чуть поздней
Утихнут песни и устанут споры,
Один из вас остаться должен с ней,
Кто тайно и недавно стал ей дорог.

Пока и день, и все его труды
Отхлынули и помнятся так смутно,
Сгустилась ночь до голубой звезды,
И за Уралом затерялось утро.

Еще любить не миновать
И увлечение найдется,
Вот разве только ревновать
Мне, вроде, больше не придется.

И, значит, я не заспешу,
Не упаду, не охromeю,
Весенним воздухом дышу,
Особой цели не имею.

Апрельский день везде хорош.
Спешить, мне кажется, не верно.
Со мною спутница — ну, что ж,
Ей в ту же сторону, наверно.

Я все внимательней гляжу
И понимаю понемногу,
Что понемногу выхожу
Один
на позднюю дорогу.

1970 г.

Для того с такою яростью
Терзала и рвала,
Вот только-только перед старостью
Едва опомниться дала.

Чтоб никому не позавидовал,
Кого ни назови —
Чумы не знал,
Войны не видывал,
Зато попробовал любви.

1972 г.

СТИХИ СО СНОСКАМИ

*...Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу.
А.Ахматова*

Видно, прожил я день неверно.
Обругал кого-то, наверно,
Пил, и каялся, и потел...
Словом, стыдно. И вот за это
Очень скоро, за полночь где-то,
Я попал, куда не хотел.

Город серый, прозрачный, синий.
Конской бронзой надышанный иней.
Легендарные все места.
Марсианская сухость зданий.
От предательства до преданий
Расстояние в полмоста.

Ладно, я гляжу исподлобья
На надтреснутое надгробье,
К небу взлезшее по трубе, —
Воротясь в палату с парада,
Здесь поеживался император —
Тоже было не по себе.

И, панорамируя вправо¹,
 Нарочито, но величаво
 Через это река течет.
 Расправляет плечи расправа²,
 Неотрывна от срама слава³,
 Высоки позор и почет⁴.

Здесь стреляли⁵. А там вон били⁶.
 Здесь упрятали и забыли⁷,
 Втихомолку потом гордясь.
 Не обида тут, не мученье —
 Для меня это смысл, значенье,
 Отстояний простая связь.

Так вот этим городом, годом,
 Открывающимся проходом
 (Грибоедов, Спас на Крови),
 Бледной ночью на лицах башен
 И семейным преданием нашим⁸
 Заклинаю тебя — живи...

1965 г.

¹Вид на Неву из окна Эрмитажа.

²Арка Генерального штаба.

³Ну хоть Суворов и Орлов в памятнике Екатерине.

⁴Александровский столп.

⁵Сенатская площадь.

⁶Сенная (Н.А. Некрасов, "Вчерашний день часу в шестом").

⁷Петропавловская крепость.

⁸Не стану объяснять.

ПАРКОВЫЙ ТРИПТИХ

Памяти отца

1

Вечер на меридиане,
Вечер в переулке.
Время переодеваний,
Сборов на прогулки.

От торжественности хмурый,
Глаженный и бритый,
Вытекает в парк культуры
Отдых деловитый.

Что мерещится тем часом
На невидном месте
Человеку с “эсным”¹ басом
В духовом оркестре?

2

Не поверил раньше сам бы —
Осознал впервые:
Мне, пожалуй, всех ансамблей
Ближе духовые.

Марш военный! Как он четко
Выбит и откован!
Как чугунная решетка
Сада городского.

В нем не только гром орудий,
Грохот наступлений —
Часть лирическая будет
Во втором колене.

Это ведь увидеть надо,
Оценить и взвесить.
Над боями, над парадом
Одинокий месяц.

¹Эсный бас — второй бас в полном составе оркестра.

Труб нежнейшее касанье,
Хроматизм кларнета...
А в музвзводовой казарме
Душно было летом.

Вздох валторны в этом месте
Скажет остальное —
И напрасно капельмейстер
Разлучен с женою.

Далеко ушла разведка
Сквозь разрывы дыма...
“Эсный” бас вступает редко —
Где необходимо.

3

Полька, вальс напропалую.
Танцы, пиво, танцы.
Я не пью и не танцую,
Не влюбляюсь, не ревную —
Что же я остался?

Как понятны зверь и птица
Для специалиста,
Я хотел бы научиться
Понимать басиста.

Поменяться с ним местами —
Что-то вроде жажды.
Встать за нотными листами,
Оглядеть однажды

Шар огромный, двухполярный,
Космос, все творенья
С этой, малопопулярной,
Редкой точки зренья.

1960 г.

СНЕГ

Я снег, я с неба, я иду!
Я третий час не прекращаюсь.
Я в сером воздухе качаюсь
И опускаюсь на лету.

Вы знали, что зима придет,
Она пошлет меня за вами,
На каждой улице найдет
И снегом с нежностью завалит?

Вы правы. Это я про вас
Провис на ветках, на карнизах.
Снежинки — это тоже вызов,
Воспоминание и вальс.

Когда под потемневшим югом
Вам ваши будни тяжелы,
Я падаю, я подаю вам
Большую руку тишины.

Как хорошо, что ветра нет!
Я опускаюсь, я волнуюсь.
Я ваша новость, ваша юность —
Смущенный, падающий свет.

1973 г.

ПЯТЬ СТРОФ О ПОСЛЕДНЕМ ИМЕНИ

1

Осталось одно только имя — Измена.
Та, что начиналась легко и несмело,
Что продолжалась и знала: заплатят
Зеленой изнанкой бордового платя.
В яйце облученном созрела и вот,
Оглядываясь, за домами встает.

2

Когда-то, возможно, звалась она Дружкой.
Но мы ее сделали слабой, ненужной.
Едим на ходу и в метро досыпаем.
Кому до друзей, когда не до себя им?
А ей оставляем в неделю часок,
Бутылку, две рюмки наискосок.

3

И тянут эспандер друзья спозаранку,
У синих зеркал примеряют осанку,
Чтоб днем разыскать донну Анну, испанку,
И вывернуть тело ее наизнанку.
Чтоб сто командоров, сто статуй из мела,
Беззвучно шептали: “Измена, измена”.

4

Когда-то она называлась Любовью.
Но мы запрягли ее в упряжь воловью.
Поклажу семей, приработок и бед
Легко ль этой нежной тащить на себе?
Вы просите ваших богинь: “Не покинь!” —
Чтоб в ту же упряжку засунуть богинь.

5

Суббота. Нас одолевает зевота.
Семья нам пресна и постыла работа.
Чтоб кровь напряглась в нашей гнущейся жиле,
Чтоб все-таки не позабыть, что мы жили,
Мы в лавочку входим, и просьба тиха:
— Грамм триста измены, грамм двести греха.

1965 г.

Перетекает в слова
Трогая крыши и листья
Не отказавшийся литься
С неба туда где трава

Перебирает секунд
Лопающиеся бусы
Бос или только обулся
Тихо сходя по листку

Не оставляя зато
Здания без выраженья
Перекрывая движенье
Наших машин и зонтов

Из отдаленных морей
Вдоль прилегающих улиц
Посередине июля
Строчек и жизни моей

1978 г.

Бьют в небо яблоки. Сижу
Растерянный, совсем не нужный,
До каждой клеточки не южный,
Бьют в небо яблоки. Слежу
Антоновскую канонаду,
Скрипя ветвями, как канатом,
Бьют в небо яблоки. Дрожу:
Апорт как “пли”, ранет мортирой
Рванет, а после ремонтируй.
Бьют в небо яблоки. Грожу
Ста облакам: Попались? То-то!
Испуганы. Осели. Тонут.
Бьют в небо яблоки. Схожу
С ума, вот север, стынут кости,
Да что с тобою, спросят гости,
Бьют в небо яблоки, скажу.

ЗВОН

— Я в прошлой жизни был министром,
в карете с голубым гербом...

— Я был царем. Но я был выслан
и завершил тот век рабом.

— Я был наложницей в гареме,
бездельничал — хоть отбавляй!

— Я старый лодочник на Рейне.
Я лично видел Лору Ляй!

Вот тоже психи! Соберутся
и до утра, до хрипоты
орут, толкаются, плюются
и пристают к тебе:
— А ты?

Сижу я тихий, как за стенкой.
Что мне ответить им, когда
я в прошлой жизни был жестянкой,
привязанной к хвосту кота.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не стань бедой,
Не стань бедой,
Не стань отравленной водой,
Трамвайным поручнем гнилым,
И поездом, который — дым,
Машиною из-за угла,
Занудою из-за стола,
Ночною комнатой пустой,
Чужою, гаснущей, звездой,
Не стань бедой,
Не стань бедой!

Я заклинал тебя сто лет.
Но ты была права:
Ведь ничего на свете нет
Слабее, чем слова.

...Сильнее, чем слова.

1965 г.

Кто кончался от ран,
Кто в поту задыхался от пыли:
Христиане язычников били,
Ну а те — христиан.

Сколько жутких картин,
Страны рушатся под сапогами.
Некрещеных ругали “поганый”,
А крещеных “кретин”.

Отовсюду видны,
Мы стоим на большой перекличке.
Две останутся вялые клички
от Великой Войны.

1987 г.

ВЕТЕР

И вот уж десять лет
Еще прошло с тех пор.
И наш случайный след
Там легкий ветер стер.

И мы порой грустны,
когда о том молчим,
Что дни бегут, как сны,
И след неразличим.

И мы порой горды,
Вдруг вспоминая: что ж,
Все замечай следы,
А тот не заметишь.

В.Черняку

Имеет место дождь,
И не исключена
На почве у подошв
Цыплячья желтизна.

Сошло сто тысяч слов,
Подобие волны.
Единственный улов —
Немного тишины.

Идешь домой. “Недель
Уже наперечет.
Воде потребна цель, —
А время так течет...”

И все-таки не множь
Усталости и зла.
Октябрь. Темнеет. Дождь.
Вот так идут дела.

Доверяю дождю,
 он явился потрогать поверхность,
Убедиться,
 что есть она, есть она, есть.
Этот крохотный взрыв
 почему-то напомнил про верность,
А прищуриться если,
 то многое вспомнится здесь.

Постоишь на углу
 и, глядишь, потихоньку отчалишь,
И в каких размышленьях
 найдешь себя чуть погодя?
Там, где ты —
 неужели ты этого не замечаешь?
Впрочем, может,
 там вовсе и нет никакого дождя.

1975 г.

...Кто тебя вынудил, глупый художник,
Через пришельца тащить этот дождик?
Через боксера пришельца тащить?
Боль свою, радость, несчастье, Россию,
В строчку запрягивать, обессилив,
Так, чтоб их было не различить?
Летнего дождика бережный шелест —
Кто тут упавший? Кто тут пришелец?
Как возникает под ласковый говор
Тема избитого, тема чужого?
...Надо сюжет до конца довести.
Сколько еще там
до “девяти”?

1975 г.

Зачем мне дожди,
в этот город вошедшие с тыла,
А в парках, на старых эстрадах, пусты голоса,
Пробитые ста вертикалями, ветки пустые
И в рамках оконных, как в рамах иконных,
глаза?

Качаются, черпают грусть сады Атлантиды,
А струи, как руки, висят, а деревья стоят,
И дождь — это долг, это долгая наша обида,
О Господи, горькая готика эта твоя...

Но вот отшумело. С веток последних сочатся
Последние капли, пляшет закат впереди,
И, может быть, все-таки,
может быть, все это счастье —
Зачем мне дожди, повторять,
для чего мне дожди.

1970 г.

Чем далее, тем холоднее.
Немало отпущено дней
На зиму, а надпись над нею —
“Чем далее, тем холодней”.

Южане, пожалуй, бы выли,
От стужи мешались в уме.
А нам это все не впервые,
И мы понимаем в зиме.

Им снег бы — зимою самую
Казался, а это смешно:
Он стужу смягчает собою,
И мы это знаем давно.

От снега укроют нас крыши,
К тому же средь зимнего дня
Мы можем кататься на лыжах,
А в этом есть прелесть своя.
Но все мы, и те, кто не понял,
И лучшие даже умы,
Выходим на белое поле,
На ровное поле зимы.

Тане

На перекрестке трех времен,
Пустом и светлом перекрестке
Шептались девочки-подростки,
Что я в последний раз влюблен.

Пришли все прошлые дожди,
И ни один не потерялся,
И больше день не притворялся,
Что повторится впереди.

И тишины взошел сигнал
Печально так и бестревожно.
Я раньше дни куда-то гнал.
Куда?! И вспомнить невозможно.

Белле Ахмадуллиной

Девчонке хочется несчастья.
Ей беды детские не в счет.
Оно встречается нечасто,
И ей не встретилось еще.

Она не слушает приёмник
И не гуляет дотемна.
«Наверно, я у нас приемыш», —
Сидит и думает она.

А что отец лежит в инфаркте,
И мать на кухне устает,
Так ей пока что в этом факте
Чего-то всё недостает.

Непринужденно полуобернусь,
И сам в гостях, другим гостям навстречу
В том возрасте, в котором этот вечер
Застал меня внезапно, ну и пусть.
Кто юн, тем тоже крыть как-будто нечем.

Друг друга пропуская в этот стих,
Стол, мебель, стены молча озирают
Меня... Они почти не презирают,
И я втройне не ненавижу их.

30 августа

Мне 54 года

ОБРАТНЫЙ СЧЕТ

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда бы мне
 с рожденья жизнь вернули
Для самых важных,
 самых нужных дел,
Я б в этой жизни
 не увидел улиц,
Я б всю ее
 над делом просидел.

Не разрешая зря пропасть и мигу,
Секунды не отдав для пустяков,
Я б век писал серьезнейшую книгу —
“Методику лирических стихов”.

Я б взвесил весны. Рассчитал их части.
Я б у острот измерил остроту.
Я выяснил бы, что такое счастье,
И сколько нужно счастья на строку.

Я об одном мечтал бы, покрывая
Расчетами тетради без конца, —
Чтоб вывезла поэзию “Кривая
Воздействия метафор на сердца”.

И если б я ответил в заключенье,
Заканчивая надоевший бой,
Как написать хоть строчку без мученья —
Я умер бы, довольный сам собой...

...Но все не так.
Здесь нет начальных действий.
Два человека.
Стертый карандаш.
А мир непринужден
И так естествен,
Что это все равно не передашь.

Баллистика
 в пространстве повисает.
Генетика
 гадает на бобах.
И бродит математика босая,
С рассеянной улыбкой на губах...

А человек
толкает двери.
Входит.
Включает свет.
Стоит, не сняв пальто.
...Ночь,
полыхая звездами,
выходит
на ровное небесное плато.

1960 г.

ВЫХОД

Где-то здесь. На полслова правей,
На полстрочки левее и выше
Должен быть этот выход. Я слышу
Холодок меж камней и ветвей.

Понимаю, никто никогда
В этот лаз не пролез ниоткуда,
Сквозь него не проник никуда
И назад не вернулся оттуда —

Что с того? Там, где нынче нас нет,
Завтра будет свободно и людно.
Есть такое явление — свет,
На словах объяснить это трудно.

Среди этих камней и ветвей
Дуновение свежести слышу.
Это здесь. На полслова правей,
На полстрочки левее и выше.

1999 г.

СКАЖИ, ЗЕМЛЯ

Куда ты, девочка? Попридержи,
Просить твой бег не стану, миг — и нету,
Но знак подай, но что-нибудь скажи,
Знак, пол-улыбки, дальнюю примету,
Чтоб вспомнить мне, чтобы узнать, со дна
той самой темноты, изнемогая —

“Две шляпы у меня: с лучом одна
и черная в горошину другая”.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Нам следует издать его подряд,
Вдоль времени, а не произведений,
Письмо за строчкой, счет, смешной доклад,
Пять строф, фрагмент ученых рассуждений.

Там, где пока не ясно, что сперва,
А что потом, положим все в тетрадке
Столбцами, рядом, помолчим, слова
Шепнут и сами о своем порядке.

А между слов и строчек то, что нам
Еще известно, вставим шрифтом мелким.
Где был, на что глядел по сторонам,
Приравнивая важное к безделкам.

Пусть будет, как он был, необъясним,
Не нам судить, и что мы за всеведы,
Уже не отличая вместе с ним
Любое поражение от победы.

На черновик похожа та тетрадь,
Набросок, план, и чуть поток убыстрен,
И можно дальше пробовать стирать
Случайный, в сущности, Дантесов выстрел.

1987 г.

ВРАЧУ

Я раньше очень верил в мозг
И думал: пусть нас убивают,
Когда уже приводит мост
Туда, где дальше — не бывают.

Измучаются ведь врачи
Бить нас, больных, за безнадежность.
И взвоют: “Мы не палачи!”
И укрепят свою прилежность.

Зато уж если я живу,
То, как бы ни было мне худо,
Я знаю: врач мой наяву
Готов тащить меня оттуда,

А то б убил.
Но раз я жив,
Раз созерцаю пни и грядки,
То, значит, доктор мой красив,
Умен, силен, и все в порядке.

Так думал я,
но я видал,
Как мозг свою являет милость,
Что брался дать он, что он дал,
И что при этом получилось.

Побудь, мой врач, до первых звезд,
А там ступай, себя не мучай.
Я раньше очень верил в мозг.
Теперь вот — в глупость или в случай.

Последний день я прожил хорошо.
Стройны его часы, как колоннада.
Куда давно мечтал пойти — пошел
И не пошел туда, куда не надо.

Когда уже он прошумел на треть,
Я спохватился, я расхохотался.
Успел разок на небо посмотреть
И кое-что доделать попытался.

Не думал я, как стану умирать:
Ведь все равно мы к этому готовы.
Меня просили что-то там соврать —
Я извинился: в этот день? Ну что вы.

Тебя любить мне не мешала тень
Ни суеты, ни ревности, ни сплетни.
Я прожил хорошо последний день.
Теперь бы мне еще один, последний.

1997 г.

Я знал, что я не выживу в жару.
Жара пришла, я выполз на поверхность,
Вот не могу — а все-таки живу.
Ну хоть теперь в мою поверьте верность!

Признай одно,
 мой строгий командир:
Смерть — дезертирство,
Я — не дезертир.

Странно: пусть не на войне,
Никакая не атака —
Но от гриппа или рака
Умереть дано и мне.

Были дни мои не резки,
Я чрезмерного не знал,
И трагический финал
Не подходит к этой пьеске.

Огляжу свое житье
Посреди забот субботних...
Отчего Политработник
Знает мужество мое?

Отчего он так уверен,
Что среди житейских дел
Нам к лицу и соразмерен?
До чего мы тут дойдем,
Что сломает, что построим,
Раз уходят негерои
Героическим путем.

1980 г.

Тане

Отстали псы. Я жил без смерти
В ростовском медленном рассвете.

Отчаянье, тревога, злоба —
Так показаться не могло бы.

Я слушал километры улиц.
Ждал: не вернуться? Не вернулись.

Они меня еще догонят.
Но эта ночь уже была.

Передо мной, как на ладони,
В Москве далекой ты спала.

А вам, говорил он, братъ бы уж сразу Летний
И, в частности, лучше порознь, чем гурьбой.
И вы бы еще увидели ваш последний
И в чем-то, пожалуй,
и впрямь решительный бой.

Но не печальтесь так уж. Зайду к вам в среду.
И вы, должно быть, оттаете, хоть на треть,
Любую окончательную победу
У времени есть время пересмотреть.

Когда отхлынет гул детей
От непорочнейших зачатий
И многочисленных статей
В периодической печати,

Когда доделываешь путь,
А близким кажется, что замер, —
Что следовало бы вернуть
И удержать перед глазами?

Я молод, я сижу и вру —
Пишу в стихах, что я умру.
Так интересно, гордо, грустно!
А сам бы мог, что ерунда,
Что не умру я никогда,
Поклясться письменно и устно.

Да и теперь, да и сейчас,
Спокойно говоря о смерти,
Я тайно умоляю вас:
А вы не верьте,
Вы не верьте.

1987 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стоит бесконечное лето,
Поля неоглядно длинны,
С рассвета светло до рассвета,
Когда мы приходим с войны.

И между подруг синеоких
В том круге, где времени нет,
Сидим на скамейках высоких
И пьем нескончаемый свет.

Под нами салюты взовьются,
Сводя свои руки в замок,
Чтоб как-нибудь дотянуться
До стоптанных наших сапог.

И кто ж это вспомнить захочет
В бескрайней сверкающей мгле
Тот черный промерзлый окопчик,
Где кончился путь по земле.

А.Жуховицкому

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!

Согласен в даль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться —
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

ТЕЛЕФОН В 42-Й

*К.П.Бузанову —
актеру, погибшему
в Великой Отечественной войне*

Я говорю:

— Вернитесь ненадолго!

Смотрите — лес, луна и тишина.

Они в ответ:

— Гляди, пылает Волга.

Ты понимаешь, что это — война?

Я им про то, что их седые дети

Давно хотят им показать внучат...

Они в ответ:

— Война, браток, на свете.

Ты слышишь, залпы ближние звучат?

Как пахнет клевер! Тихая минута

Наполнила весь воздух над травой.

...Вот потому-то, друг, вот потому-то

Мы не уйдем сейчас с передовой.

1998 г.

Почти нигде меня и не осталось —
Там кончился, там выбыл, там забыт, —
Весь город одолел мою усталость,
И только эта комната болит.

Диван и стол еще устали очень,
Двум полкам с книжками невмоготу.
Спокойной ночи всем, спокойной ночи.
Где этот шнур? Включаем темноту.

ПЕСЕНКА С ДОРОГИ

Налево руль, направо старая дорога,
А ветер тих и воздух ровен, как в степи.
Не упрекай, ты будешь ждать не так уж много,
Не торопи, побудь одна и потерпи.

Сто лет назад я был погонщиком верблюда,
А через век забарахлит мой звездолет.
И я скажу: “Эх, задери его простуда”, —
И крепче слов культурный мозг мой не найдет.

Моя любовь сносила тапочки и унты,
Изодрала седьмой по счету акваланг,
Но я вернусь, когда останутся секунды,
Но я приду, куда б судьба ни привела.

Ну а пока суди меня не слишком строго.
Не стань бедой в моей единственной судьбе.
Налево руль, направо старая дорога,
И эта песнь, не долетевшая к тебе.

1969 г.

Тане

Я отпустил тебя давно,
Сто тысяч раз все решено,
Но эта встреча там, за днями,
За будущим пространством лет,
Та, на которой места нет
Всему, что было между нами.

Все дальше отходим, все дальше отходим назад.
Ты видел миллионы девиц на ножках точеных —
И вдруг ты увидел парней, что стоят и глядят,
Парней, что стоят и глядят на этих девчонок.

И сразу решил ты, что старше стал и умней,
“Все дальше отходим назад”, —
 произнес, не помешкав...
Когда ж ты заметишь мужчин,
 что глядят на парней
С такой же всезнающей, как и твоя,
 усмешкой,

Когда — у машины, у дерева ли, у стены —
С собою самим ты останешься
 за полночь рядом,
Чтоб знать, что и ты,
 Наблюдающий Со Стороны,
Под тем же, под тем же,
Под легким и пристальным взглядом.

ТИШИИНКА

Конечно, им казалось тоже,
Что пишут где-нибудь не тут,
А тут все улицы похожи
На то, что просто так живут.

Грустили все, что в прошлом где-то
Титаны светлые стоят,
Не замечая, что из света
Они и сами состоят.

И с этим видом виноватым
Свои оглядывая дни,
По узким улицам щербатым
Ушли в бессмертие они.

Они кричали как умели,
Как только сгнули во мгле,
Что бедные твои недели
Невероятней, ближе к цели
Всего, что было на земле.

На вершине горы не хватает коня.
На коне не хватает джигита.
У джигита — аркана. Простите меня,
Если все это слишком избито.

Нет надежды на горы. Стояли, и нет.
Море схлынет, куда — неизвестно.
Вот вернешься сюда через тысячу лет —
Как узнать это старое место?

Не застанешь нигде ни воды, ни звезды,
Ни прохожих, ни с пивом палатки.
Как же вспомнить заботы свои и труды?
Разве только по этой нехватке.

Чтоб кольнуло — ужель доводилось бывать?
Что-то было не так, не ошибся...
И не стоит гранитом ее забивать
Иль другой разновидностью гипса.

1981 г.

Тогда скажи им так:
Вот был один дурак,
Смеялся, пел, вертелся,
Потом куда-то делся...
Москва, скажи им так.

А то не говори.
Ты, круглая дорога,
Ты погрустишь немного?
Денька хотя бы три?
А им не говори.

Бывали дни похуже.
Безбрежность вод морских
Напоминали лужи.
Потом не стало их.

1980 г.

“В полиграфическом профтехучилище” —
Право же, чем не строка?
День мой запутанный не отучил еще
Вздрагивать издалека.

Может, кому там несладко приходится —
Пусть он меня извинит.
Мне в эту строчку отчаянно хочется,
Даже немного пьянит.

Шум ли в цеху или радуга, Ладога,
Солнечное колесо —
Я здесь турист, верхогляд, и ненадолго.
Всё мне здесь нравится, всё.

Слава, бессмертие, рай и чистилище —
Как это не для меня!..
В полиграфическом профтехучилище
Много теплей толкотня.

С тросточкой, в шляпе, походкой ритмической
Скоро пройду я маршрут...
В профтехучилище полиграфическом
Так это и наберут.

1967 г.

Потом оказалось, что звезд как бы и нет,
Что мы напрасно глядим на бедный их свет,

Что там нас не ждет никто, как часто и здесь,
Что только мы есть на свете, если мы есть.

Что совсем впустую вселенная велика,
Если так коротка любовь, если так хрупка.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Когда узнали Буратино,
И все воскликнули: “Он тут”,
Нас пониманье охватило —
Нас тоже часто узнают.

С утра, едва глаза раскроешь,
Еще от бедствий огражден,
А новый день, как старый кореш,
Уже орет: “А вот и он!”

Тропинка темная, лесная
Вдали от главного пути
И та себе петляет, зная,
Что должен ты по ней пройти.

А попадешь в случайный город —
Сухой арык, слепой дувал.
Начнут шептать, и очень скоро:
“Ты здесь бывал, ты здесь бывал”.

На мотоциклах наших старых
Куда-то мчимся много лет,
И незнакомки с тротуаров
Руками машут нам вослед.

Нам узнавание в этом мире
Дано, как ключик золотой.
Двух крайних дат оно пошире,
Да и не делится чертой.

1980 г.

БАТАЛЬОН ИСТРЕБИТЕЛЕЙ ТАНКОВ

Ну хорошо, пусть мы уйдем.
Но раз-то в год. Ну пусть в два года...
Какая на Земле погода?
Что стало с другом? Что с врагом?

Ну хорошо. Наш пробил час.
Другим все радости на свете.
Но дети наши, наши дети —
Как все же там они без нас?

О сколько жизней не впадал!
Меня по городу носило
Цветоскольженье, цветосила,
Цветоворот и цветопад...

ДВОРЕЦ И КРЕЙСЕР

Они родня. От крейсера к дворцу
Лучи идут, замкнувшиеся кругом.
Им с самого рождения к лицу
Высокое сравнение друг с другом.

Соперничество стройности колонн
С длиною мачт — почти не знает злости.
Над усмиренной бездною балкон
Летит легко, как капитанский мостик.

Когда они, сойдясь издалека,
Насмешливо, надменно, удивленно
Друг друга оглядят — сама река
И площадь расстилаются влюбленно.

Так и построен город был! Как зал
Для этой встречи. Как апартаменты.
Приветствие, поклон, условный залп —
И вот оно, рождение легенды.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Л.Жуховицкому

Хоть в бурной молодости нам,
Носящимся по всем волнам
Не без угрозы захлебнуться,
Закрыв глаза, летящим вниз,
И стоит выслушать девиз
“Остановиться, оглянуться”, —

А все-таки, мой друг, теперь,
Когда, казалось бы, потерь
Подходят тягостные сроки,
И даже на крыле волны
Мы тайно обременены,
Таща с собой судьбы уроки,

Так все-таки теперь, когда
Смирна коварная вода
И столь ее покровы гладки, —
Мы станем жить

наоборот,
Как в сущности и жизнь идет:
Без остановки,
без оглядки!

1987 г.

Тане

А в парке Павловском поднялся в небо дождь
Сквозь листья темные и светлые попарно.
По глади озера там круговая дрожь
Прошла от берега и в центре вдруг пропала.

А в парке Павловском отсутствует зима
И снова зелены и золото, и охра,
И над дорожками, где только было мокро,
Туч предгрозовые клубятся терема.

А в парке Павловском по глинистой тропе
Идешь и в стороны отводишь чьи-то ветки,
И, встретив Дельвига в гуляющей толпе,
Вдруг догадаешься, в каком ты нынче веке.

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Ах, неужели в самом деле
Пришла такая благодать,
Что все секунды побелели,
В осадок стали выпадать?

И вправду ли обозначала
Вся эта белая пыльца,
Что начинается сначала
То, что скончалось до конца?

Ужели есть такое мнение,
Что сколько б год ни потерял,
Его надежды и сомненья —
Еще пригодный матерьял?

С какой же вдруг поры недавней
И этот мир, и место в нем
Все непонятней, все нежданней —
Моложе, что ли, с каждым днем?..

1985 г.

Тане

Но уж если нельзя
за край заглянуть
И оттуда услышать весть,
То ведь голос назад
я могу вернуть,
И для этого способ есть.

Есть слова для славы и для хвалы,
Но убог и беден улов.
Мы с тобой,
ты рядом,
но мне малы
Расстоянья для этих слов.

И откатится гул
по пустым местам,
И осядет пустая взвесь,
И скажу я здесь,
как сказал бы там,
Чтобы ты услышала здесь.

Чтобы дальний крик
остывал во мне,
Только слышалось:
позови!
Чтоб ты знала:
пока ты была во сне,
Я вокруг ходил от любви.

И глядел,
глядел,
глядел по ночам —
Ради бога, будить не смей.
И как птица,
летела к твоим плечам
Благодарность ночи моей.

Этот отзвук слаб,
но уж коль возник,
Он приходит сквозь города,
Я потом оставляю тебя — на миг.
Чтобы встретиться
навсегда.

Не в стаде ль своем искали отцы
Слова для добра и зла?
И бога сделали из овцы,
А дьявола из козла.

А стадо входило в маленький лес.
Бежали к морям поля.
И через пространства пустых небес
Летела, кружась, земля.

ЛЕТО 1972 ГОДА

Господни ангелы, лазутчики со звезд,
И бывшая жена смотреть могли спокойно:
Неделю пятую я вел себя достойно —
Не раскисал и чепухи не нёс.

Но слезкой их назойливой томим
(Гуляешь, а с тебя снимают мерку!),
Я мог пройти любую их проверку,
Но сам не собирался верить им.

Хотя и шли бесплотные стада
Сгоревших роц сквозь город от Каширы,
Троллейбусы не то, чтобы спешили —
Всё было даже слишком, как всегда.

Тянулась операция “Жара”,
И кто б там ни сопел и ни старался,
Проигрывать и я не собирался:
Возможно, шла последняя игра.

Когда бы мне с рожденья жизнь вернули
Для самых важных, самых нужных дел,
Я б в этой жизни не увидел улиц,
Я б всю ее над делом просидел.

Не разрешая зря пропасть и мигу,
Секунды не отдав для пустяков,
Я б век писал серьезнейшую книгу —
“Методику лирических стихов”.

Я б взвесил весны. Рассчитал их части.
Я б у острот измерил остроту.
Я выяснил бы, что такое счастье,
И сколько нужно счастья на строку.

Я об одном мечтал бы, покрывая
Расчетами тетради без конца, —
Чтоб вывезла поэзию “Кривая
Воздействия метафор на сердца”.

И если б я ответил в заключение,
Заканчивая надоевший бой,
Как написать хоть строчку без мученья —
Я умер бы, довольный сам собой...

...Но всё не так. Здесь нет начальных действий.
Два человека. Стертый карандаш.
А мир непринужден и так естествен,
Что это всё равно не передашь.

С головою укроюсь пальто,
Может, что-то другое приснится.
Одинокая птица — не то.
Вот летит однокрылая птица!

СЮЖЕТЫ

КЬЕРКЕГОР¹ И БОГ

Кьеркегор говорит:

— Бога нет!

Это очень обидело Бога.

— Ну пошло, надоело, привет!

Это как это так — меня нет?

Докажи! Но, пожалуйста, строго.

Кьеркегор говорит:

— Посмотрю,

Для начала задачку подкину.

Ты верни-ка мне Ольсен Регину,

Молодую невесту мою.

А вокруг все народы стоят,
Возле Господа и Кьеркегора,
И следят за течением спора,
Затаивши дыханье следят.

Напрягает все силы Господь,
Тьму проблем на ходу разрешает
И без времени падшую плоть
Поднимает со дна, воскрешает.

Рукоплещут насельники кущ,
Нет у свиты небесной вопросов:
— Видишь, наш господин всемогущ!
Значит, Бог он, ты видишь, философ?

Смотрят люди с деревьев и с гор,
С перекрестка и с крыши вокзала...
— Но еще, — говорит Кьеркегор, —
Нам Регина свое не сказала.

Тут Регина, восстав среди дня,
Потянулась, в томленье ли, в неге ль:
— Если вы воскресили меня,
Где же муж мой, где добрый мой Шлегель?

¹Кьеркегор — датский философ XIX века.

— Так-так-так, ты меня обманул, —
 Кьеркегор констатирует сухо. —
 Ты не Бог. Это все показуха.
 Воскресив, ты ее не вернул!

Бог опять поднапрягся в тиши.
 Он на лбу собирает морщины
 И у женщины той из души
 Изымает он облик мужчины.

— Где была я, мой друг, до сих пор?
 Как жила без тебя — неизвестно.
 Кьеркегор, это ты, Кьеркегор? —
 Говорит Кьеркегору невеста.

И притихли народы вокруг.
 Человечество пот оттирает.
 Овладел им ужасный испуг:
 Неужели мудрец проиграет?

Кьеркегор говорит: — Болтовня.
 Это снова не хлеб, а мякина.
 Если любит Регина меня —
 То какая же это Регина?

И вздохнули народы. В свой срок
 Их война или труд призывает.
 И печально задумался Бог:
 “Да, пожалуй, меня не бывает”.

1975 г.

СЕКСУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

П.Гусеву

Ищу по сторонам
В библиотечных зонах
Затерянный роман
“В плену у амазонок”.

В прологе там, трубя,
Промчится топот бычий,
И чувствуешь себя
Военною добычей.

Как гибок губ каприз.
Их восемь, шесть, четыре.
Ты — кубок или приз
На дерзостном турнире?

Герой проходит круг
Двустворчатой разлуки,
Переходя из рук
В прелестнейшие руки.

И в трудностях его,
Значительных, не скрою,
Мы все — до одного —
Сочувствуем герою.

Но — просвещенный век
Пусть в этом разберется —
Мы рады, что побег
Ему не удастся.

Роман как раскален
Под пышным южным небом.
Не может быть, чтоб он
Еще написан не был.

1985 г.

ТРОСТИНКА

К утру песок остынет.
День прожит, значит, наш.
Представим, что пустыня —
Такой широкий пляж.

Довольно мало горя,
А вот удач не счесть.
Мы здесь не видим моря,
Но где-то море есть.

Стоит любая дата.
Песок сожжен огнем.
Бушмен спешит куда-то,
И тросточка при нем.

Судьбе он благодарен,
Что трость его стройна.
Как франту на бульваре,
Идет ему она.

Пустыня тайну скроет —
Бушмен застыл. Потом
Чуть-чуть песок разроет,
Прижмется животом.

Знакомую пластинку
Узнав издалека,
Сует свою тростинку
В немую глубь песка.

С собой не носит флягу,
Доверчивый, как гость.
Он втягивает влагу,
Продув пустую трость.

Вскочил. Тростинку вынул.
Слегка погнул — цела.
И взглядом даль окинул:
Дела, дела, дела.

1989 г.

ЗАВИСТНИК БЕННАИ

Эпизод из “Бабур-наме”, прозаической книги Захиреддина Мухаммеда Бабура, видного узбекского лирика, по совместительству ставшего основателем индийской империи Великих Моголов. Рубаи Бабур, конечно, тоже писал, но другие. Эти — вольное подражание, предлагаемое здесь в качестве пролога.

1. Посмертные рубаи

Нам кажется, что мы вещами обладаем,
Когда мы носим их, когда мы их съедаем.
Но если слово — только вещи тень,
Зачем так остро мы без слова голодаем?

Придите, спорщики, я помирю вас снова.
Для спора нет основ, для мира есть основа.
Вы, может быть, еще получите свое —
Для жизни вещь нужна, а для бессмертия слово.

Вы были правы, вы, бездомные поэты,
Когда, оборваны, когда, полураздеты,
Вы презирали царские венцы —
Но я один за вас доказываю это.

Любовь и отчий край —
 две двери в мир нетленный.
 Без них и государь —
 всего лишь первый пленный.
 За родинку, Хафиз, не жалко городов,
 Но только Андижан был родинкой Вселенной.

...И я очнулся там, где все темно и глухо,
Но это я тащусь по всем пространствам слуха.
Увижу ли и свет я, мертвый шах Бабур,
Царь тел людских и раб их трепетного духа?

2

Алишер в самом деле великий поэт.
Он не только вельможа султана, о нет.
Как тупы и чванливы вельможи!
Алишер в самом деле великий поэт —
Но вельможа при этом он тоже.

С кем играешь ты в шахматы, о Беннаи?
Помнишь, он не одобрил напевы твои?
Новый наигрыш создал ты быстро.
Быстротою такой поразив Навои,
Удостоился дружбы министра.

Алишер, уронивши фигуру из рук,
Ногу вытянул, в зад тебе впер ее вдруг.
— Вот беда, — улыбнулся при этом, —
Здесь, в Герате, коль вытянешь ногу, мой друг,
Сразу в зад попадаешь поэту...

Хоть приятель, а бек! Что с такого возьмешь?

Промолчи, Беннаи! Сам же скоро поймешь:
Не удержишься тут — прогадаешь.
Беннаи говорит:
— Ну а коль подожмешь?
В чей же зад ты тогда попадаешь?

... Из дворца ты выходишь. Но сам посмотри:
Мясники, брадобреи ли, золотари,
Кто придумает что-то, к примеру,
Назовет свою выдумку “алишери” —
Мол, подобен и я Алишеру.

То ль зубами, то ль ухом поэт занемог.
Повязал себе синюю тряпку, как мог,
Мол, теплее, хотя некрасиво, —
И в Герате все модницы синий платок
Надевают, повязанный криво.

Нет, покинем Герат, только вот на осла
Перед этим положим-ка вместо седла
То, на чем никогда не сидели,

Чтобы площадь базарная вдруг поняла:
Чем не “алишери” в самом деле?

Что ж, недаром прославлен в веках Навои,
Но у нас, мой читатель, пристрастья свои:
Беннаи в этот день мы прославим.
Мы о нем переложим сейчас рубаи —
Только пятую строчку добавим.

3

Ты чем-то нравился мне, мрачный Беннаи.
Ценил я шутики невеселые твои.
Но только мы сейчас идем в поход особый —
Сквозь эту дверь пройти трудней,
чем сквозь бои.

Ты помнишь дни, когда вернулся ты в Герат?
Хан Шейбани, когда вернулся ты в Герат,
Отдал под власть тебе всех умников Герата,
Тряслись они, когда вернулся ты в Герат.

Кто был хозяин твой? Безграмотный болван.
Своею властью нестреноженною пьян,
Он призывал к себе поэтов и ученых
И сам показывал, как толковать Коран.

...Ты шел по улице. Она пуста. В ней дым.
Не здесь ли ты спешил куда-то молодым?
Смешной и ветреный слегка день Алишера
Все больше веком становился золотым.
Итак, ты властен там, в Герате. Что с того?
На груди мусора ты царь. Страшней всего,
Когда безвластна власть, когда бессильна сила.
Сломать все можешь ты. Построить ничего.

Сгинь в пустоте, кричу, пустыни господин!
Но слышу голос вдруг: — Постой, Захиреддин!
— Как чист и сладостен он, голос Алишера! —
Хороший наигрыш был у него один.

АСКЕТ В ГОРОДЕ

Аскет, понятно, небогат.
Его совсем не знает слава.
Зато он получает право
Ступать — не влево и не вправо,
Не в прошлогодний листопад,
Не на стерню, жнивье и травы —
На десять сантиметров над.

На десять сантиметров над
Трухой, окурками, бумагой,
Пустой продавленной флягой
И тюбиками от помад —
Он входит в город. В этот день
Из отдаленных деревень
Бегут за колбасой крестьяне,
В своих беретах набекрень
Гуляют медленные няни,
Идут десантники из бани
В своих беретах набекрень.

Аскет проходит среди них,
Уставя скромно очи долу.
Дитя прогуливает школу.
Невесту долго ждет жених.
И разжигает общий голод
Продажа джинсов или книг.

Аскет застенчив. До сих пор
Приучен к жизни сокровенной.
Но силой необыкновенной
Удерживает долу взор...
Что если бросить взгляд мгновенный —
А сильный все-таки фурор?

Нет, в самом деле. Даже те,
Кто создан в камне и металле,
Кому жара и снег — детали,
И те подвластны суете.

Взгляните, как самолюбиво
На самых главных площадях
Сидят и выглядят красиво
Князья на толстых лошадях!
Как сабли вскинуты руками!
Как им к лицу дворец и штаб!

Аскет душой почти что камень.
Но пред тщеславьем камень слаб.
Итак, пройдя квартала три,
Кварталов пять, кварталов девять,
Аскет сдается — что поделать?
И разрешает: посмотри!

Но что ж он видит?! Впрочем, сами
Уже вы знаете. Вокруг
Трясет матрона телесами,
К пивнушке друга тянет друг,
Прогуливают школу дети,
Жених напрасно деву ждет,
И участковый в драндулете
Сквозь вечер пьяного везет.
Магнитофон рыдает в роще,
Аргон скользит, как акробат.

...Встает купец, идет разносчик.
...Ревет фагот, гудит набат.

Весь этот город — как посуда
В руках у синих стюардесс.
Здесь все одно сплошное чудо,
И персональных нет чудес.

ПРЫЖОК ХАНУМАНА

Эпизод из эпической индийской поэмы “Рамаяна”

Хануман, соратник Рамы, сын бога ветров Вайю и обезьяны, прыгает с южной оконечности Индостана на Цейлон (остров Ланка), где, как подозревают, томится в плену похищенная жена Рамы Сита.

...И на вершину встав горы Махендра,
Так в грудь ее уперся Хануман,
Что дрогнула вершина, сжались недра,
Цветы с ветвей взметнулись, как туман.

Он воздух в грудь набрал, простерши руки,
Взревел, взмахнул — раскрылась синева,
В пещерах звери повторили звуки,
А склоны, вмявшись, как тугие луки,
Как стрелы, отпустили дерева.

И, как друзья, прощанья на пределе
За другом шаг не в силах не пройти,
За Хануманом деревья взлетели
И пали в волны с горного пути.

А он уже вдвигался в отдаленье
Подобьем мерно мчащейся скалы,
И вихрь, рожденный от его стремленья,
Гнал в стороны бурлящие валы.

Как месяц в небе, тучи задевая,
Задумчиво насквозь проходит их,
Он проносился. Тень, не отставая,
Как судно, шла на парусах тугих.

Смешав с укором чувство уваженья,
Дивится Океан прыжку тому:
— Не вынесет смельчак изнеможенья.
Ему в поддержку гору подниму.

И Майнака, чудесная вершина,
Сказала, поднимаясь в вышине:
— Чтоб я тебе опорой послужила,
Прими дары! Передохни на мне!

— Я благодарен за твою услугу, —
Сын Ветра ей ответил. — Но прости!
Я тороплюсь, я помогаю другу.
И я не должен отдыхать в пути.

Теперь я верю: с помощью такую
От нас нигде победа не уйдет!
...И лишь коснувшись Майнаки рукою,
Он продолжает дерзостный полет.

Глядите: солнце, встав над морем юга,
Лучи раскрыло, как прозрачный мост.
И — Хануман, летящий во весь рост,
Чтоб отыскать жену и счастье друга.

Что сказать мне о поле вам Куликовом?
В стане я пробудился опять татарском.
И мой слабый дух подстегнули там
 грязным словом
И воинственным кличем,
 который слегка потаскан.

Благодать знатокам победных великолепий,
Для себя мы в истории правого дела ищем.
Но ведь кто-то был должен прийти
 к той речке из степи
И своими телами заполнить
 Мамаевы тыщи.

А когда железо ударилось
 о железо,
Хорошо, оно оказалось
 острее бритвы,
И с таким облегченьем дал я себя зарезать...
Вот и весь мой вклад в исход
 Куликовской битвы.

Пор, царь Пенджаба, руку протянул
Над онемевшим пиршественным залом.
— Предательница Музыка, — сказал он
И цитру недопевшую рванул.

И пояснил, кончая струны рвать:
— Тот жалкий трус, кто эти звуки любит.
Их музыка всю нашу доблесть губит
И мужеству мешает воевать.

А этот Пор в историю попал,
Разгромленный одним бродячим греком.
Тот тоже был несладким человеком,
Но так с поэтами не поступал.

ИСААКИЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Земля уходит из-под ног.
Возьмем, к примеру, Монферрана.
Он начинал совсем не рано
И уж ничем не пренебрег.

Шептались. Что с такого взять?
Пришлец, с образованием некто,
Он понимал, что архитектор.
Осталось только доказать.

И он, как тот же Петипа,
Имел излюбленные па:
Земною тяжестью облиты,
Пред ним лежали монолиты,
А он их ставил на попа.

(Так называла это стройка,
Что пересмешничала бойко,
Неграмотна, но не глупа.)
Он неба достигал касаньем
И кончил дело
 восклицаньем
Александрийского столпа!

Как праздничная канонада
За залпом залп вгоняет в спор,
Над колоннадой колоннада
Образовали тот собор.

Гектар болота здесь смиряли
И сваи в глубь его вперяли,
Сжав в немоту их вечный стон,
И сверху — 300 тысяч тонн
Надежность олицетворяли.

2

В соборе есть одна модель.
В ней монферрановские тали
Нам уменьшенными предстали,
Веревочкой стройная кудель
Показывает, как колонна
Навеки оставляла лоно...

А над моделью — образ. Бог
Как раз возносится без крылий,
Без полиспастов, без усилий —
Земля уходит из-под ног.

Но нетактичный тот намек
Туманным кажется лукавством.
Экскурсовод ведет рассказ свой
Про дикий Монферранов рок.

Строитель не спешил домой.
Его сюда звала природа.
Из восемнадцатого года
Он рвался в пятьдесят восьмой.

Он так ушел в свои труды,
Как суша слепо входит в пристань.
Как на восьмом году страды
Здесь промелькнули декабристы —

Он не заметил.
Он служил,
Поставил, выстроил, дожил.

И попросил он одного:
Ни славой кончить, ни позором —
Похороните под собором! —
Не надо больше ничего.

3

Да нам-то что в конце концов
До странных глупостей отцов?
Где был алтарь и, скажем, клирос?
Религия и та сокрылась,

Цари бежали из дворцов.
Турист, проезжий, ротозей
В когорте временных друзей,
Глазами двигая по сводам,
Шагает за экскурсоводом —
В соборе, собственно, музей.

Под сводом дышится легко.
Мы видим, купол озирая:
Там где-то, чуть пониже рая,
Подвешен маятник Фуко.

Вот тяжкий шар отводят вбок,
Вот он назад летит с размаху,
Напоминая чем-то плаху,
И чуть в сторонке ждет брусок.

И, в темном космосе вися,
Земля, покинута богами,
Плывет куда-то под ногами
И поворачивается,

И через несколько минут —
К чему устойчивость гектара? —
Брусок слетает от удара,
И экскурсанты вдаль плывут.

4

И мы выходим.
В этот миг,
Как я и говорил заранее,
Я думаю о Монферране —
Да, обмишурился старик.

Давно прошло его житье,
Но этот час мы рядом жили.
У нас землячество свое:
Мы в этом городе чужие.

Царь удивился. Что за вздор?
Католик? В храме православном?
Он что, с ума сошел? Забавно.
Нет, он не ляжет в мой собор.

На родину увезено
Его беспомощное тело.
А что для Франции он сделал?
И там потеряно оно.

Оглянемся. Таков итог.
В волнах балтийского тумана
Плывет гробница Монферрана.
Земля уходит из-под ног.

1985 г.

БАЛЛАДА СЛЕДСТВИЯ

Ю.Некрасову

*При выходе на место происшествия
подследственный показал, что в 22 часа
у остановки автобуса он впервые увидел
не знакомую ему женщину...*

Из протокола

*Приговор приведен в исполнение.
Из районной газеты*

Как сквозь обвал в каменоломне,
Его водили по Коломне
И переспрашивали:

— Здесь?

Он, видно, вправду мало помнил,
Хоть все показывал как есть.

Магнитозапись, киносъемка.
Он отвечал не очень громко,
Но был эскорт неумолим:
Столичный прокурор Никитин
И следователь — Гриша?.. Витя?..
И тень предсмертная в зените,
И где-то сзади, в общей свите,
Два журналиста шли за ним.

По вечерам его мутило.
И холостяцкая квартира
Потугами, неотвратимо
Его выталкивала в мглу.
Он был невидим на углу.
И возникали близко лица:
Девчонка, девица, девица,
Старуха, дама, баба, мать
В одну, в одну спешили слиться,
Чтоб он не смог ее поймать.

И вдруг свернет одна.

Как ярко
Сейчас видны скамейки парка,
Заборчик, жидкие кусты,
Все то, что было мраком. Шел он
Как будто сгустком был тяжелым
Плывущей сзади темноты.

Шел, повторяю, по Коломне
Он, как в обвал в каменоломне:
Вокруг, примерно в ста шагах,
От стен почти неотличимы,
Кричали здешние мужчины,
Чтоб злобой выжечь прошлый страх.

(Они его спугнуть могли бы,
Когда молчали, словно рыбы,
Услыша вопль, поняв — беда...)
Милиция их отгоняла
И жизнь клиента охраняла
Для близящегося суда.

Тяжелым сгустком плывший, сзади
Ее заламывал, не глядя,
Красива ли, немолода,
Как приделась, кем любима,
Чем на Земле неповторима —
Так и не видел никогда.

Но репортер, что плелся в свите,
Пустой блокнотик, мятый свитер,
Знал, что проходит тот же путь
Не зря, не просто как-нибудь:
Он не убил, он не обидел,
Но тоже столько не видел —
И не вернуть, и не вернуть.

БАЛЛАДА О РЕКОРДЕ

Я вам расскажу о Скотте,
о Скотте Фицджеральде,
Я вам расскажу о Скотте,
о Скотте расскажу.

А вы его не жалеите,
и зла ему не желайте,
Прошу вас пройти со мною
к Скоттову рубежу.

На море, как в квартире:
Ветер сушит манатки,
Плотик три на четыре —
Комнатка в коммуналке.
Комнатка в ритме вальса
(Ветер, не хулигань!),
Все остальное — ванна
Круглая, как лохань.

На Средиземном море
синь переходит в зелень.
Синь переходит в зелень
и покачивает плот,
А на плоту качается
с нежной женою Зельдой,
С любимой женою Зельдой
долговязый Скотт.

А мне это все до лампочки!
Стоит ли жить в бреду?
Я от тебя уеду,
А от себя уйду.
Поставлю себе избушку
Там, где она одна,
Кусочек неба со звездочкой
Вырежу для окна.
Скорее бы стать старым

И на службе выполнить план...
Небо на волны ставит
Маленький гидроплан.

Ну что же, хотите, спойте
о солнце на фюзеляже.
У Зельды глаза стальные,
у летчика цвета дня...
А я буду петь о Скотте,
о Скотте Фицджеральде —
Сегодня все остальные
герои не для меня.

Об этом писать бы Зощенко:
Уж больно тесна жилплощадь.
Скотт сидит на краю,
Ноги в ванной полощет,
Скотт сидит и внимательно
Смотрит за горизонт.
И если трясется плотик,
И если трясется плотик,
Значит, море его трясет.

Орлы достигают скорости
и высоты жирафы,
Львы — это образ мужества,
силы пример — слоны,
А я буду петь о Скотте,
о Скотте Фицджеральде,
Сегодня другие звери
ни капельки не важны.

Дальше ведь как бывает,
Скотт по Монмартру путается,
В сторону отзывает,
Держит друзей за пуговицу,
Рассказывает о летчике,
Тянет свою струну
И продолжает очень
Любить жену.

Не стоит сомневаться,
Я это знаю твердо:
Журнал "Огонек" номер 20
За 64-й.

Так это излагает
Писатель Хемингуэй.
Вы, пьющие из лохани,
Море еще круглей!

Мы знаем успехи в спорте,
мы помним о физзарядке,
Но все: и регбист, и стайер,
и лодочник над рекой —
Думаем мы о Скотте,
о Скотте Фицджеральде,
О том, как он поставил
рекорд.

1976 г.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

1

Живут это люди.
Где-то на горе.
Будто на верблюде,
На самом горбе.
Небо седое
На плечах несут.
Даже коз не доят —
Так сосут.
Доживают люди
Жизнь до дна.
Парня
 не любит
Девка одна.

2

Теперь это приходит к ним
Дед, борода.
— Мне, — говорит, — охота
Ставить города.
Вот здесь, — говорит, —
Где глетчер —
Сто домов,
Двести пятьдесят крылечек,
Пятьсот дымов.
А тем-то что: ладно,
Валяй, строй.
— Самим, — говорят, — не сладко —
Первобытный строй.

Повесили фонарики,
Взяли топорик —
Заводы,
Фабрики,
Все такое,
Ресторан,
Пекарню,
Университет.

А девка
парню:
— Нет и нет.

3

— Ну, — он, — хорошо.
А слезы-то льются.
В подпольщики пошел.
За революцию.
Каторга.
Ссылка.
Стал он арестант.
Темная посылка,
Бордовый бант.
Наконец получше нам
Стало вчера.
Посылка получена,
А в ней — ура!
И белые!
И негры!
Свобода,
Душа!
А она:
— Нет, — говорит.
И ша.

4

Конечно, он нервный.
Рвет пальто.
— Товарищи, — говорит, —
Наверно,
Что-то не то.
У этой, — говорит, — Дашки
Изо всех девчат
Соски, как карандашики,
В материю торчат.
Тапок на бегу
Сденет, наденет —
И я, — говорит, — о деле
Думать не могу.
Мне теперь хоть с крыши,
А не только, что...

— Ладно, — говорят, — слышали,
Надень пальто.

5

Ну тут они его уговаривают братья за
строительство, строить новую жизнь:

— Станем лучше жить —

Дойдет и до тебя.

— Да-ть у нее мужик!

И двое ребят!

— Брось ты, дура,

Кончай эту муть.

Там уж придумаем

Чего-нибудь.

Это, брат, будет

Не жизнь,

а мед:

И девка полюбит,

И баба поймет...

6

Вот и все вам факты.

И весь сказ.

У нас

вот так-то.

А как у вас?

1978 г.

ХРЕСТОМАТИЯ

*Алмазна сыплется гора
с высот четырьмя скалами.
Державин.*

Побывав у водопада,
На экзамен он спешит.

Тот, кого ждала награда,
Будет вскорости убит.

Следующий — на Кавказе,
Тоже вдруг, на полуфразе...

Крым, где топят корабли,
Артиллерии ли, связи
Офицер. Взглянул — знакомо.
Он потом ушел из дома
От наследственной земли.

В то же время муж сквозь вьюгу
Всматривается в супругу,
То ль чужую, то ль свою,
Где-то, кажется, по югу
Гастролирующую.
Воронье, костер, туман.
У костра сосед. Устанет.
Воротясь домой, достанет
Старый спрятанный наган.

КАСКАДЕР

Жиль де ла Мар
Заходит и смеется:
— Все поломал!
Осталось, что не бьется.

Шаг — на карниз
И пять шагов по крыше.
Жиль! Оглянись!
Пройди чуть-чуть повыше!

Что ж, поверну,
Пока еще не поздно:
Шаг — на луну
И пять шагов по звездам.

И — на бульвар,
Огни, машины, лица...
Жиль де ла Мар
С гвоздикой в петлице.

Жиль де ла Мар
Заходит и смеется:
— Все поломал,
Осталось — что не бьется.

1969 г.

ОПАСНАЯ БАЛЛАДА

Н.Т.

Пожалуй, Анной следует назвать...
Встречает он ее в публичном доме.
Там шум, ну драка, падает кровать,
И если клочья дыма разорвать —
Ее лицо, от гнева молодое.

Она одна. Испугана. “Сейчас
Он у хозяйки. Черт, такая жалость.
Теперь прогонят. А на этот раз
Так вроде бы устроилась, казалось...”

Она не знает, что в скрипучей тьме
На шаткой лестничке столь осторожно
Он складывает в старческом уме
Немыслимое с тем, что непреложно.

Он стар. Высок. Худ. Сед. Молчит всегда.
Чудовищно богат. Невыносимо.
Он назовет себя — и города
Дрожат от Филадельфии до Рима.

Что там Онассис, прах его возьми...
Но — жалкая затравленная самка —
Она назавтра, так часам к восьми,
Уже хозяйка острова и замка.

Конечно, путешествия. Везде
Он где-то рядом. Различим, но смутно.
Звезда в океанической воде
Дрожит и усмехается чему-то.

(Теперь уже минут терять нельзя.
Со временем у ней довольно туго.
На палубе — подруги и друзья.
Вот этот, скажем, друг. А та — подруга.

Да надо с доктором поговорить,
Нельзя ль продлить его рецепт последний,
И стоит ли им разрешить курить
Кормилице четырнадцатилетней.

Что приглянулось ей в любой стране,
Стекается легко и точно к сроку...)
Ну хорошо. Пусть женщинам. Но мне
Зачем такие сны и что в них проку?

Ведь невысокой пробы это все,
Сентиментально, слабо. И, однако,
Свидетельствую, что похожий сон
По временам бывал у Пастернака.

Плывет трамвай из чистопрудной тьмы,
Под фонарем по луже бродит птица.

Есть в красоте такая боль, что мы
Во сне и то не в силах расплатиться.

ЛЯГУШКА

Весна прошла.
Наступило лето.
Прилетела стрела.
Ах, к чему бы это?

Шагов по воде
Все еще не слышно.
Ты, царевич, где?
Что с тобою вышло?

Сколько можно сидеть
В лягушачьей коже?
Может, лапы надеть,
И навстречу, может?

ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

Ни на кого нельзя смотреть снаружи —
Единственный закон земли Мальбек.
Базар, толпа, случайный человек —
Ни ты ему, ни он тебе не нужен.
На тамошних калек и некалек
Поднять глаза — нет оскорбления хуже.

Ты кто, чтобы оценивать людей
И подвергаться их оценке темной?
Согни свой взгляд, ленивый и нескромный,
Подсмотренным не хвастай, а владей.
Есть, где нам разойтись средь площадей,
На местности пустынной и огромной.

Горбатый только третий год горбат.
Красавица сегодня лишь красива.
Они идут, вперед или назад,
Их останавливать несправедливо.
Один индюк чужому взгляду рад,
Да он и без тебя живет счастливо.

И оборванец — кандидат в цари,
И мудреца не украшает старость.
Вот если ты готов, что б с ним ни случилось,
Приблизиться к нему, понять хоть малость,
Каким себя он видит изнутри —
Тогда обид не нанесешь. Смотри!

1970 г.

ВТОРОЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

Потом они себе второй закон
На площадях прибили темной медью.
Ошибка, гнев, неправильный поклон,
В чем ты был дерзок, что нарушил он —
Все одинаково каралось. Смертью.

Но не ввели ни плахи, ни меча,
Ни скопом не казня, ни в одиночку,
И у невидимого палача
Любой преступник получал отсрочку.

“Жесток иль слаб сего закона нрав?” —
Смущались поначалу души граждан.
“Так будет с каждым, кто бывал не прав...”
“Так будет с каждым, кто...”
“Так будет с каждым...”

И дешевели старые долги,
И медленно яснеть как будто стало.
Все вздор — вражда. Какие там враги?
Того, что все умрем, на всех хватало.

1970 г.

ТРЕТИЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

Кто слышал об одностороннем браке,
Кто думать мог, но эти дураки,
Скажите “бредни”, заявите “враки”,
С ума сошли, и все-таки во мраке
Страстей своих запутавшись, в дали
Своей пропав, куда-то тычась слепо,
Такой вот самый дикий и нелепый
Ввели, вы представляете, ввели!!!

Передохну. И значит, с этажей
Еще до всяких будней предстоящих
Принцесса шла взглянуть в почтовый ящик:
— Ну, сколько новых у меня мужей?

И лик ничем особым не пылал,
Когда подсчитывала прибавленье.
(Закон был строг, и все уведомленья
Тому, с кем в брак вступали, присылал.)

Насвистывая и улов дневной
Подчеркивая на листочке белом,
Подумывала дева между делом:
— Не стать и мне ли чьей-нибудь женой?

И цель видна, и достигим успех,
Никто не истомлен напрасной жаждой,
И лучшая жена теперь у всех,
И муж любимый тоже есть у каждой...

А посмотри, как формула кратка:
Ты днем и ночью бедный мозг мой точишь,
Ты недоступна так и далека,
Так вот я муж тебе, а там как хочешь.

1970 г.

ЦАРЕВНА И ЗМЕЙ

Сказка-детектив

1

Царь посадил восхитительный сад.
Там редкие фрукты часто висят.
В столице — а словно в деревне.
И славно гулять царевне.

Месяц гуляет, гуляет другой...
Вдруг царь запрещает: — Туда — ни ногой!
Там Змей, — заявляет он гневно.
— Да ну? — удивилась царевна.

Грустно царевна в светелке сидит.
Царь, это самое, значит, сердит.
В аллею дозором он входит.
И больше его не находят.

В сказках случается красть дочерей,
Но кто же слышал, чтобы крали царей?
И что теперь делать девице,
Сидящей, как помним, в светлице?

2

Полгода царевна промедливши зря,
Тем более нет в государстве царя,
Сама надевает корону —
Ведь надо ж крепить оборону.

Подписывает громогласный указ:
“Тот воин, который бы батюшку спас,
Сегодня для подвига нужен:
Вернувшись, он станет мне мужем”.

Скликает красавица богатырей
(Еще никогда не спасавших царей)
И плачет, и плачет, и плачет...
(Кто знает, что все это значит?)

Три витязя входят:
— Ты слезы не лей!
Вот я самый сильный.
— А я всех смелей.
Нам Змея настигнуть охота.
А третий — для ровного счета.

3

Каждый садится из них на коня.
Продуктов и сена берет на три дня.
Но чем он решительней скачет,
Тем она оглушительней плачет.

И третий на чудище первым напал.
Змей очень подул, и воитель упал,
И, вихрем влекомый, катился,
И так во дворец возвратился.

Вторым доезжает до Змея второй.
С одной булавой налетает герой.
Но Змей его лапою двинул
И наземь с конем опрокинул.

Теперь добирается первый, силач.
Здесь длится сражение, а в тереме плач.
Но Змей силача побеждает
И... впрочем, освобождает.

4

Но тут налетает четвертый боец.
И Змей, понимая, что это конец,
Сейчас же без лишнего слова
Царя отпускает живого.

Четвертый исчез. А воителя два,
Царя подхвативши, везут, как дрова.
Ведь их ожидает девица —
Но кто на ней должен жениться?

Товарищ читатель! Реши это сам.
Четвертого лишь предоставь небесам.
Забудь о четвертом — ведь это
Царевна, что переодета.

Что делать со сказкой?
Скажите, друзья.
Ведь так ее бросить, конечно, нельзя?
Тем более что для порядка
Должна быть у сказки разгадка...

5

Царевна, по горнице взад и вперед
Расхаживая, говорит: — Идиот!
Другого такого и нету! —
Отшвыривая сигарету.

А Змей, что смущенно пред нею сидит:
— При чем же тут я, дорогая? — твердит. —
Что делать, раз так я замечен
Для всяких легенд и для сплетен?

— Зачем ты, кретин, им попался в саду?
Отцу беспокойство, людям на беду...
Ну хватит, расхлебывай сам уж.
Да, кстати, пора мне и замуж.

Пока те с царем добрались ко дворцу,
Царевна отправилась с третьим к венцу.
Змей стал, говорили, потише
И нянчил у них ребятишек.

1972 г.

Кто выдумал коня,
Слона, велосипед,
Спросил бы у меня —
Хоть уж и сам был сед
Не вспомнивший закон, —
Что женщина потом
На все, что создал Он,
Усядется верхом.

1972 г.

ЭПИЗОД

Стенька Разин победил.
Громко в трубы вострубил,
А кого не убедил,
Тому голову срубил.
Даже матушку-столицу
Государыню Москву
Перенес к себе в станицу
По домишку, по мостку.

От Саратова до Польши
Не сочтешь его полков.
Оказалось, даже больше
Казаков, чем мужиков.
Все кричат: — Давай нас жалуй!
А иначе власть к чему?
Оппозиция, пожалуй,
Больше по сердцу ему.

Началась большая пьянка,
Шло казачество ко дну...
Атамана персиянка
Утопила на Дону.

1975 г.

ВЫХОДНОЙ

Зиновий Штейн решил остаться дома.

Вытягивали губы берега
Немой реки, и сразу возле Дона
Стояла изумленная тайга.

Там был медведь, несмелый и неловкий,
И незнакомый до сих пор ни с кем,
И солнцу из-за беличьей головки
Видна была пролысина в леске.

А было солнце сорокасвечовым,
Бордюр обоев — это горизонт,
Поскольку на столе своем ученом

Зиновий создал речку и лесок.
Он это позволял себе нечасто:
Обычно нам всегда не до того.
...Но иногда смягчается начальство,
Соседи спят, и цел водопровод,

И страсти утихают ненадолго,
Редает злое марево морок.
Зиновий Штейн решил остаться дома
И поусовершенствовать мирок.

О мой господь! Какой квартирной склокой
Ты доведен был до глухой игры,
Неосторожной, смутной и жестокой, —
Творить и перекраивать миры?

Ведь это так легко — не удержаться
И захотеть под лампу самому...

Придет жена. День будет продолжаться.
Медведь сгорит в конфорчном дыму.

ГОРОД ДВОЙНИКОВ

Есть город в Дании, накрытый
Большим стеклянным колпаком.
Под колпаком стоят два рынка
И две торговли молоком.

И два торговца огурцами,
И два лотка из-под полы,
Два деревца с двумя сердцами
И две застрявшие стрелы.

Весь городок, не уставая,
С восьми утра и до шести
Пересекают два трамвая
И оббегают два такси.

С шести все спят. Все очень просто.
У жителей до наших лет
Нет интересов, нет запросов
И идеалов тоже нет.

Зато есть два обычных дома,
Две комнатки, и в уголке,
На столиках — два “Тихих Дона”
На чистом датском языке.

Там было жить неинтересно,
И молодежь наверняка
Томила скука. Было тесно.
Тянуло из-под колпака.

А мне так нравилось. Не скрою,
И благодарен был судьбе:
Поссорившись с одной
 тобою,
Я уходил к другой
 тебе.

1968 з.

ВОСПИТАННЫЕ ДОННЫ

*Песня дуэньи
из драматической поэмы
“Леонора”*

Воспитанные донны
Не горбятся сутуло.
Воспитанные донны
Не падают со стула.
Воспитанные донны
И в пост, и в Рождество
К чертям не посылают никого!

Воспитанные донны
Не крикают, как утки.
Воспитанные донны
Не курят самокрутки,
Не ходят без вуали,
Не скачут без седла
И не сидят на краешке стола!

Воспитанные донны
Не носят ярких брошек.
Воспитанные донны
Во сне не видят кошек.
Воспитанные донны
Не пляшут босиком
И не орут, как поп перед полком!

Приличия бескрайни.
Секреты их бездонны.
Все это понимают
Воспитанные донны.
Поэтому на людях
Они совсем не те,
Что где-то в уголке и темноте!

1978 г.

СЕМЕЙНАЯ БАЛЛАДА

Мамы нет... Исчезла сумка...
Вход защелкнут на замок...
Инопланетенок Тумка
Почему-то одинок.

Поглядел в иллюминатор,
В синий воздух городской —
За окошком терминатор,
То есть вечер над Москвой.

Звезды редки. Тучи мелки.
Непонятные края.
Не в своей сидишь тарелке,
Хоть тарелка и своя.

И, помедливши немножко,
Он решается уже
Заглянуть в одно окошко
На десятом этаже.

Он воспитан, но не очень.
Чтоб куда-то время деть,
Этот Тумка очень хочет
К нам в квартиру подглядеть.

В струях, туго заплетенных,
Корпус к дому подведя,
Тумка-инопланетенок
Тихо смотрит из дождя.

Это б было нам сюрпризом,
Если б знали мы в тот час:
Мы смотрели телевизор,
Ну а он смотрел на нас.

Перед ним окно, как рама.
В раме несколько людей.
...А когда вернется мама,
Тумка все расскажет ей:

— Все чудесно, незнакомо.
Удивляет, знаешь, что?
Мама дома. Папа дома.
Не ругается никто.

Существо другого мира
Будет помниться, друзья,
Наша мирная квартира,
Наша дружная семья.

...Не увидим мы, летят как
В путешествие свое
Мама-инопланетянка,
Тумка около нее.

Он увидит все на свете.
А домой вернется он —
На совсем другой планете
Будет вынесен закон:

Чтобы взрослые и дети
Не ругались никогда.
Чтобы взрослые и дети
Собирались иногда.

Пусть любой по вечерам
Семьи дружные застанет —
Если как-нибудь заглянет
В переплет оконных рам.

1965 г.

ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ

Весна сидит на верхней палубе
За третьим столиком, одна,
А волны падают
До дна.

И к ней, как бы играя тростью,
Своею робостью поддет,
Покачиваясь, как над пропастью,
Подходит Ваш корреспондент.

Вокруг стучат и тросы вьют,
Оркестр странствия настраивая.
— Вы уезжаете в Австралию?
Мне не дадите интервью?

Жара, не правда ли? Столица
Все больше газировки пьет...
Вы не хотите поделиться
Последним впечатленьем от?..

Ну как нашли Вы наши озими?
А старый парк? А новый сад?
Что думаете Вы — об осени?
Когда Вас можно ждать назад?

...Без багажа, без провожающих,
Сидит посередине дня
И сигарету мнет о краешек
Стола, и смотрит сквозь меня.

1972 г.

ГОЛОСА

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С АЛЕКСАНДРОМ АРОНОВЫМ

Подражание английскому

К нам пришел Александр Аронов.
И понравился сразу не всем.
Тем отдельных никак не затронув,
Он коснулся ответственных тем.

Иногда он бывает спокоен.
А пройдет две недели — чужак.
Боже мой, говорит, боже мой, он,
Как же так, говорит, как же так.

Часто бабушки на перекрестках
Уважительно прячут внучат,
Когда книжки несет он в авоське,
Что-то громко при этом шепча.

Он не то чтоб решительней тигра,
И, пожалуй, внушительней слон.
Но зато оглушительно тихо
В тех местах, где отсутствует он.

РАЗДУМЬЯ ЛУНИНА

Вот способ сохранения любви.
Живой живет, он так непостоянен,
Так непохож, так сдвинут, даже странен,
Почти не тот, хоть иначе зови.

Вот способ уберечь от ветра честь.
Здесь, наверху, почти все время ветер,
Здесь на ветру, на голом этом свете
Так трутся буквы, имя не прочесть.

Вот ближний путь для славы навсегда.
Те, кто так говорит, конечно, правы.
Одна беда. Там нет любви и славы.
А честь? Пожалуй...
Честь, пожалуй, да.

А.Ахматовой

А эта женщина жила.
Когда скрывались вы в прихожей,
Возможно, плакала она,
Но и насвистывала тоже.

Пока во глубине зеркал
Запаздывали расставанья,
Пока нас Сталин отвлекал
От ужаса существования.

ПРЕЕМНИК

Разве вы знаете сами,
Чем это станет потом —
Летопись жестов, касаний,
Взглядов и слов не о том?

Сколько сторон у подушки,
Сколько истаяло свеч —
Может ли быть равнодушной
К уличным шествиям речь?

В пальцев заломленном хрусте
Скрыты усмешка и грусть.
Может, простим и отпустим,
Может, оставим, и пусть?

Весь из увесистых жбанов,
Влажным дыханьем сквозя,
Как он страдает, неожиданный:
— Рад бы! Мечтаю! Нельзя.

Все рассыпается тотчас,
Только касается вас
Неоскорбленная точность
Незамечающих глаз.

И опрокинуто снова —
Лишь он случайно возник —
Мутное, ржавое слово —
Тихий и дальний родник.

Как наши рыки ни четки,
Как ни набычимся мы —
Все эти встречи, все четки...
Так не построишь тюрьмы.

...Позднею правдой согретым,
Зная свое торжество,
Вам-то прелестно, а мне-то,
Мне-то сейчас каково?

Казнь моя вечно продлится.
Слышите? В полной тиши:
За поношение царицы
К опустошенью души.

ГОЛОСА

Первый голос

Я Эхнатон. И голос бога
Исходит в мир из губ моих,
Но всех богов в Египте много.

Бог Чибис, бог Шакал, бог Мошка,
Бог Нил, бог Тьма, бог Небосвод,
Бог Жук, бог Бык, богиня Кошка,
Бог Крокодил, бог Бегемот.

Бог может ржать и пряхть ушами,
Потеть, мочиться на порог,
Чесаться, покрываться вшами,
Мычать идохнуть может бог.

И ощущая, как тупею
В глубоком многобожьем сне,
Религию второй ступени
Я ввел в доверенной стране.

Войдя во тьму, я не погиб там,
И состоялось торжество:
Стояло солнце над Египтом,
И были мы детьми его!

А боги в заживевшей силе
Таскали воду на горбах,
Пахали землю, кладь носили,
Мышей ловили в погребках.

Я Эхнатон. И голос бога
Исходит в мир из губ моих.
Богов в Египте было много,
И сам я уничтожил их.

Второй голос

Я Нефертити. Вам, конечно,
Известна красота моя.
Мисс Человечество, мисс Вечность —
По-видимому, это я.

Но вы не знаете о танце
Змеи, Родившейся в Огне.
Он неизвестен, не остался,
А был он — лучшее во мне.

Усовершенствование строя,
Желанье пробудить народ
Мне представляются игрою,
Почти не стоящей хлопот.

Меня покачивают ритмы,
И флейта возвышает тон,
Когда усталый и небритый
Домой приходит Эхнатон.

Не существуют злость и тупость,
Интриги, мелкая грызня,
А существует верный Тутмос,
Пытавшийся ваять меня.

Когда серьезные, как дети,
С доверчивостью на лице
Идем в туннель тысячелетий —
Чуть виден свет в другом конце.

Но будет хорошо иль плохо —
Все будут знать, что я была.
И так останутся эпоха,
И муж, и все его дела.

Поэт, других познаменителей,
Напишет, рифмой утомлен:
“Как ни крутите, ни вертите,
Жила на свете Нефертити,
И жил когда-то фараон...”

Первый голос

Я Эхнатон. В стране до срока
Единобожие вводя,
Я знал, что милая эпоха
Ничуть не пощадит вождя.

Египет било бунтов двадцать.
Жрецы вопили. Выл народ.
Но был не в силах я не рваться
Хоть на две тыщи лет вперед.

Меня не сравнивайте с теми,
Кто был потом и жил как царь;
Я, просветитель и бунтарь,
Хочу пройти в другой системе.

Меня мой раб приказом строгим
 Был принужден изобразить
 Отвислобрюхим, кривоногим,
 Не смея правду исказить!

Все перенапрягая нити,
История берет свое.
Вот вы, наверно, говорите:
— О как прекрасна Нефертити! —
А мне порой
 не до нее...

Третий голос

Я Кийа, младшая царица,
Далекий, отлетевший стон.
Не понимаю, как жениться
На мне решился Эхнатон.

Я фивская девчонка Кийа,
Забытая в моей стране.
Я появляюсь здесь впервые,
Но все сказанье — обо мне.
Когда-то, перед сбродом нильских
Девчонок, солнцем озарен,
Проплыл, недостижимо-близкий,
На царской лодке фараон.
Ну кто б вообразить пытался,
Когда все уши сожжены
Легендами о страстных танцах
Его таинственной жены?

Кто б и помыслить мог про это —
Соперничать с его женой?
Кто знал, что горькая победа
За мной останется, за мной...

Уж я была женой второю.
Остаться ею бы навек!
Но чем-то большим, чем игрою,
Был занят этот человек.

Как тащат баб на сеновал,
Не глядя, заглушая стоны,
Так, нарушая все законы,
Меня мой муж короновал.

Из дел своей падучей выбит,
Он мне одно велел: "Сумей!"
И управляется Египет
Рукою маленькой моей.

Когда с парадов и пожаров
Я возвращаюсь во дворец,
Уж я не женщина по жанру.
Я — фараон, я царь-отец.

В короне я. И муж увенчан.
Мы отдыхаем после дня.
И пляшет лучшая из женщин
И для него, и для меня.

1975 г.

МОЛЧАНИЕ

Тут-Анх-
Амон,
Жива твоя гробница.
Векам
брести —
задеть ее — не сметь!
Меж тем
тебе
предшествовали лица,
Чья
сотни раз
убита даже смерть.

Вырывали их имена из картушей,
с камня сбивали память,
Чтобы и звука страшного — “Атон” — не слыхало эхо,
Опрастывали саркофаги, превращали мумии в падаль
И при тебе, наследник, творили это.

За то, что предшественник твой
номенклатуру богов Египта
Разогнал во имя единого солнечного диска,
Мстили ему, мертвому, старательно,
всесторонне, гибко,
Говорили, что так повелел твой тонкий
мальчишеский дискант.

Все-таки оставалось что-то. Не тень, так отзвук.
И раз убивали смерть, то, значит, вставали живые
И собирали в себя невидимый, прозрачный воздух
Две жены, два мужа — Фараон, Нефертити, Кийа.

И тогда на них набрасывались
и опять убивали, сначала.
И вторую эпоху подряд не спали люди.
Писцы, землемеры, чиновники
не гасили плашек ночами:
Приснится слово “Атон”, и человека не будет.

ПЕСЕНКА МЕНЕЛАЯ

Закончилась Троянская война.
Вернулась в дом усталая жена.
Ей больше, может, нравился Парис —
Но победили греки, покорись.

Ахилл, Аякс, и Гектор, и Приам
По Елисейским разбрелись полям,
Сгорела Троя, ужас затая,
И обеднела Греция моя.

В моей квадратной комнате живет,
Обед готовит, стелет, ест и пьет
Семи царей неслыханный каприз,
На десять лет состарившийся приз.

Я в каждый из имеющихся дней
Обязан быть счастливей всех мужей.
Ведь если ты обычная жена —
Зачем была Троянская война?

СЕН-СИМОН

С утра мороз не крут,
Земля белым-бела.
— Вставайте, граф, вас ждут
Великие дела!

Анри де Сен-Симон
С утра побрит, одет
От белых панталон
До кружевных манжет.

Анри де Сен-Симон
Уже подсел к делам.
Да будет мир спасен
К 17 часам.

Проект почти готов:
Отныне и навек
Отнюдь не будет вдов,
Голодных и калек.

На солнце и в тени
Снежок — не описать.
Как раз в такие дни
Приятно мир спасать.

И, поглядев на снег,
Все пишет, пишет он...
Великий человек
Анри де Сен-Симон

Мы знаем наперед,
Что крив его маршрут,
До срока он умрет
За несколько минут.

И будет снег лежать,
И будет даль бела,
И долго будут ждать
Великие дела.

1976 г.

ЛЕГЕНДА

Когда мы уточним язык
И камень назовем, как надо,
Он сам расскажет, как возник,
В чем цель его и где награда.

Когда звезде подыщем мы
Ее единственное имя —
Она, с планетами своими,
Шагнет из немоты и тьмы.

Тогда не удивитесь вы,
Что детский лепет у травы,
Застенчив город, тих завод,
А птицы хрипнут от забот.

Приблизится, что вдалеке.
Слабейшее — восторжествует.
Молчания не существует
На настоящем языке.

МОНОЛОГ ЯГО, НЕ ВОШЕДШИЙ В ПЬЕСУ

И вы способны верить, черт возьми,
Что счастье — чистеньким, невиноватым?
Мне пятьдесят. Я прожил век солдатом.
Я знаю цену всей этой возни.

Да оглянитесь вы по сторонам!
Не первый день слоняетесь по миру.
В конце концов не одному Шекспиру —
Ведь кое-что известно здесь и нам.

Вы старый мавр, калеченный в боях.
Войдите в дом да улыбнитесь сладко —
И девочка, бутон, аристократка
К вам кинется на шею: “Милый, ах!”?

Как много женщин любит стариков!
Хранит им верность!! И за пару баек
Весь век несет свой крест домохозяек!!!
Не правда ли? Ведь этот мир таков?

Послушайте, оставьте трепотню!
Что стоит эта горсть случайных фактов?
Ваш опыт длится пять коротких актов,
А я копил свой ото дня ко дню.

Во Фракии я бессловесно дрог.
У Нила спящих турок резал молча.
На добром и святом законе волчьем
Построен мир, и я — его пророк.

И потому я видеть не могу
Ту сладенькую ложь про честь и верность.
Куда нормальнее обман и ревность,
И много правды в том, что там я лгу.

Ах, Дездемона, кошечка! Подвох
Поторопился мой! Уж извини-ка!
“Неплох собою этот Лодовико...” —
Сказала ты? А он и впрямь неплох!

Вы рады, коль в придуманном раю
Заткнет все щели дутая отвага.
Но вам глаза раскроет честный Яго —
И вы приветствуете смерть мою.

1976 г.

МОНОЛОГ НИКОЛАЯ I (1841 г.)

Я столько не владею слогом,
Что борзописцам дан иным,
Но мог бы высказать о многом,
Не видном подданным моим.

Был брошен богом, предан братом
И чернью, знатной и больной,
Когда б я не рожден солдатом,
Что б стало с этою страной?

Но, сомневаясь, что осилю,
Отнюдь не ждя наград в пути,
Я принял на себя Россию
Как крест, положенный нести.

Когда бы все, как я, смотрели
И службу с ревностью несли,
Чего б мы не преодолели,
Куда б страну не возвели?!

Как Петр, я верил не породе.
Что родовитей, то подлей.
Но Бенкендорф и Нессельроде
Служили волею моей.

А тем — чужда идея долга.
Не я ли Пушкина извлек
Из ссылки, отличил — да волка
Как ни корми, он тот же волк.

И ныне вновь. “Герой!” Хотя бы
Сим словом не скрывать недуг!
Не служба на уме, а бабы,
Развратный Константинов дух.

Нет, чтобы доблести былые
Случились здесь возрождены,
Мне не Печорины гнилые —
Максим Максимычи нужны.

Малоталантливый мальчишка,
Богатой бабки слабый внук,
Осмеивать дерзает слишком
Прямых обязанностей круг.

Ну ничего. Ну ничего.
Всему свой срок. Возьмем терпенье.
Господь за верность и служенье
Меня избавит от него.

ПРОРОКИ

Невнятицею всей
Зайдясь почти до визга,
Был страшен Моисей.
Мычал. Слюною брызгал.

Тогда-то умудрен
Судьбы своей уроком
Мой предок Аарон
Вставал перед пророком.

Он глаз не заводил,
Не трясся перед вами.
Он лишь переводил
Мычание словами.

Так кто ж из рабства звал?
Умчалось время оно.
Мне кажется, я знал
Молитву Аарона.

— Господь, о почему,
Уча, зовя, рисуя,
Я должен дать уму
Авторитет безумья?

Зачем среди людей,
Взалкавших света снова,
Юродивый сильней
Единственного слова?

Пророк, хрипун, урод,
Постой со мною рядом.
Я буду младшим братом —
И выведу народ.

1978 г.

СУМАРОКОВ

Мне нравятся сии пииты.
Блаженны, ежели не биты,
Пусть и не пущены на бал.
Хромы эксаметром, судьбою,
Всегда в грызне между собою
Для развлечения юных бар.

От Маяковского и Блока
Вести свой род отнюдь не плохо,
Но надо ж проникать до дна,
До восемнадцатого века,
Где будущего древа ветка
Впервые укоренена.

Самой Истории совета
Вот смысл: когда мы помним это,
Мы понимаем, что — привет! —
Унизить здешнего поэта,
Как и повесить, власти нет.

НЕМАЯ

Танцуют руки у немой
И все не прекращают танца.
В метро, на площади, на танцах
Танцуют руки у немой.

Я знаю, что не просто так,
Что каждое движение — значит,
Что вот скольженьем натиск начат,
А всплесками повержен враг.

Мы выражаем мир вовне
Словами нашими и плачем,
И строчками, и тем, что пляшем
Руками в горькой тишине.

Не верь, не верь им: ты вольна.
Я знаю, тяжело калекам,
Но если ты больна балетом,
Полетом если ты больна?!

И вот уходят голоса,
А перед нами, перед нами
Все пляшет маленькое пламя
И обжигает нам глаза.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ВАРИАЦИЯ

По берегу, по берегу
Выпал снег.

По белому, по белому
К речке след.

К речке след.
А обратно — нет.

РУССО

Я, наверное, калека,
Как я выжить только мог..
Рост не выше человека,
Очень мало рук и ног.

Только все это непросто.
Мне простили бы вокруг
Скромные размеры роста,
Недостаток ног и рук.

Но уже который год свой,
Рыжий вплоть до седины,
Я ношу в груди уродство —
Сердце с левой стороны.

1975 г.

ЛЕШИЙ

Масштабы технических нововведений растут.
А я отстаю от технических нововведений.
Куда ж я там денусь, растяпа, дурак и не гений?
Да я не пойду никуда, останусь-ка тут.

Пуškai и дороги туда травой зарастут.
А я здесь возьму организую засаду —
По саду, за смех, через пень, овраг и досаду,
За крик, в темноту сверну, меня не найдут.

И буду сидеть — нигде,
 почти не таясь, —
 Пока суетятся, бегают штабы, как бабы, —
 Под этим шумом змеясь
 и над этим шумом смеясь:
 Как пышны технических
 нововведений масштабы.

СТИВЕНСОН

По улицам города шел потрясающий снег.
Огромные белые звезды лежали у вас под ногами.
И вы перед шагом стояли — ступить или нет?
Как будто на тронный паркет вам войти предлагали.

Шагнете — и все, и уже вам летать до зари,
Подхватит вас ночь, понесет, повлечет и закрутит...
И улицы были. Иплыли сквозь них фонари:
В глубокий фарватер шел флот голубиною грудью.

Крепчает. И черные флаги терзают ветра.
И белые звезды проносятся, льются, кружатся...
— О-эй, капитан! Мы продержимся здесь до утра?
— Кто знает, хозяин? Попробуем продержаться.

Куда ты, мой город, в тревоге, в огнях и во сне,
В лицо тебе ночь, и обрывки пространства, и ветер,
И снег, этот снег, до чего удивительный снег —
Летит, и смеется, и белыми звездами светит.

МАУГЛИ

В лесу погибает калека,
Трусишка, лентяй, неумека,
А я здесь вроде калек...

Я знаю язык человека,
Я знаю закон человека,
Но разве же я человек?

Здесь каждый меня осудит.
Стараюсь, но лучше не будет.
Сошел я с моей тропы...

И сплю я не так, как люди,
И ем я не так, как люди —
Я — волк среди этой толпы!

ФРЕСКА

Одна, по метрополитену,
С транзистором, вся на виду,
Как сквозь густеющую стену,
Я сквозь мелодию иду.

Чтобы не знать, как подо мной
Темно взлетают переходы
И поезда идут волной,
Мне здесь достаточно одной
Автоматической свободы.

Гляди — длинно мое пальто,
Я угловата, как мужчина,
Но здесь, в толпе неразличимой,
Я существую как никто.

И потому-то на ходу
Застрял дурак и подбирает
Слова о том, как я иду
И как транзистор мой играет.

Родился —
Шла Столетняя война.

Женился —
Шла Столетняя война.

Жил, думал —
Вот скоро кончится она,

А умер —
Шла Столетняя война.

ЗОДИАК, БЕСИАРИЙ, ЗВЕРИНЕЦ

Если б мы разбрались кто куда,
Этот с крыльями, тот с плавниками,
А не сдавливались в города,
Где весь мир упирается в камень.

В нетревожимой той тишине,
Где навек отгремела охота,
В тонком облаке,
в долгой волне
Мы бы, может, услышали что-то.

В этом воздухе, в этой воде
Мы б увидели главное чудо,
То есть просто узнали бы, где
Мы сейчас — и куда нам отсюда.

354

Кто нам сказал, что настанет зима?
 Это, конечно, случилось, и часто.
 Главное, очень не верь ты сама
 В срок, в календарь, в расписание, в начальство.

Не в снегопад листопад перейдет.
 То, что настанет, никто не измерит.
 Что-то тут, видимо, произойдет —
 Только названья оно не имеет.

Миллионолетье промчавшись вдвоем,
 Мы подлетаем все ближе и ближе.
 Кот наш сидит на окошке твоём —
 Маленький царь этой осени рыжей.

1985 г.

РЕШЕТКА

Мы друг другу давно по заслугам не верим:
Столько всякого было до этого дня.
Оттого и решетка меж мною и зверем.
Я гляжу на него. Он глядит на меня.

Проплыла надо мною прощальная арка.
Не имеют значенья просторы Земли.
Я везде за решеткой живу зоопарка.
Даже если я зверю не виден вдали.

1987 г.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Они владеют колдовством двери,
Колдовством пищи, искусством игры.
Но мы все равно не очень-то верим,
Когда они с нами нежны и добры.

Он счастлив, когда он приходит вечером
И видит, что меня не украл никто,
И прижимает меня, и шепчет,
Когда я вспрыгну к нему на пальто.

Но, если я соскочу с подоконника,
И убегу, и меня убьют,
Он себе заведет другого котенка,
Чтобы опять создавал уют.

1985 г.

Тут в комнате темнота.
Легли вдоль моей руки
Некрупные два кота
И спят наперегонки.

Улегся кто как хотел,
И вниз по теченью снов,
А что у них, кроме тел?
Ни замыслов и ни слов.

Зато нам ясней всего,
Что значит “без задних ног”,
И нету здесь никого,
Кто б думал, что одинок.

И надо в памяти мне
Выкладывать этот стих,
Чтоб как-то случайно не
Потревожить их.

1985 г.

Цветок, олень и птица
В июне золотом
Заспорили о том,
Кому быстрее летится.

Олень сказал:
— А ну-ка!
Прыжок — и все дела!
Как я лечу, из лука
Не полетит стрела.

Сказала птица:
— Что ты,
Так дело не пойдет.
Прыжок — лишь часть полета,
А где же сам полет?

На них глядел устало
С улыбкою цветок.
Не бегал, не летал он,
И прыгать он не мог.

Но все большое лето
В тот необъятный год
Со скоростью планеты
Цветок летел вперед.

1988 г.

ВОЛК

И нет свободы.
И Волк в степи
Просто на самой большой цепи.
И когда он глядит в свою степь,
И садится выть на луну,
На что он жалуется — на цепь?
Или на ее длину?

1987 г.

ОХРАНА ПРИРОДЫ

Лев сказал Единорогу:
— Не пора ли нам в дорогу?

Ты был соткан из вестей,
Я из мяса и костей.

Но теперь наш путь с тобою
Через поле голубое

И червлёные зубцы
На щиты и изразцы.

Даль небес в закате алом
Отдает слегка металлом,

Был загадочный Цейлон —
Стал подкладочный нейлон.

Будем жить мы во Вселенной,
Белой, полиэтиленной,

Геральдическая страсть
Не позволит нам пропасть.

1992 г.

Что значат городские ночи?
Здесь, плотно выстроившись в ряд,
Пространства бывших одиночеств,
Как стекла в ящике, стоят.

И между знаков зодиака,
Захлебываясь и дрожа,
Не потому ль скулит собака
С тринадцатого этажа?

1985 г.

Отличная была квартира.
Над креслом редкая картина.
Супруг. Его эрдельтерьер.
Идвигающаяся стройно
Его жена. И все достойно —
Беседа, кофе, интерьер...

Но почему-то, почему-то
Я среди этого уюта
И часа высидеть не смог:
Меня оно и не касалось,
Но почему мне все казалось,
Что в ванной спрятан осьминог?

1972 г.

Познакомься с тобой на веку,
Приобрел я ни мало ни много:
Стал коровою Господа Бога,
Узнаваемой им по звонку.

Хоть могу забрести далеко
По лугам, по болотам, по маю,
Но по звону и я понимаю,
Сколько стоит мое молоко.

СЕКРЕТ БЕССМЕРТЬЯ

Второй наш кот открыл секрет бессмертья
И, как умел, его пересказал.
Он уходил то в ночь, то на рассвете,
А вечером по палке залезал.

Сначала сроки долго были те же,
Но вот он суток на трое исчез.
Теперь он появлялся реже, реже,
Раз в две недели к нам в окошко лез.

Его кормили, пробовали гладить,
А он молчал упорно об одном:
Учитесь! С временем возможно сладить.
В нем нет того, что вы зовете дном.

Нагладились? Давайте выпускайте.
Я весь дрожу, так беспределен путь!
Учитесь ждать, трудитесь, привыкайте,
И вдруг я загляну когда-нибудь?

Вам ничего за мой секрет не жалко,
И разве может быть ему цена?

Уже полгода, как сухая палка
Так праздно ждет у нашего окна.

ПЕСНЯ О СОБАКЕ

Когда у вас нет собаки,
Ее не отравит сосед,
И с другом не будет драки,
Когда у вас друга нет.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь —
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

Когда у вас нету дома,
Пожары вам не страшны,
И жена не уйдет к другому,
Когда у вас нет жены.

Когда у вас нету тети,
Вам тети не потерять.
И раз уж вы не живете,
То можно не умирать.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь —
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

1967 г.

О ДВУХ СЕРДЦАХ

Жил Ученый. Экспериментировал.
Истину искал, не находил.
У Хорошей Псины сердце вырвал
И к Плохой его пересадил.

И пока Ученый месяцами
Думал, думал, все оставив так,
Жил на свете Пес с Двумя Сердцами,
Бьющимися не в такт.

Пес был рослым, сильным и не старым.
Сам себя он стал не узнавать:
Искренне сдружился с санитаром,
Рыбу продолжая воровать.

И глядел он в лица взглядом долгим:
“Правду говорю я или лгу?”
А потом был снег, тайга и волки.
Санитар, лежащий на снегу.

Перед человеком пес уселся,
На зверей кидался тяжело,
Но его подсаженное сердце
Билось, билось и изнемогло.

Он бы так бы и погиб героем —
Что ж, не получилось — не живи,
Но ведь было ж у него второе,
На одной работали крови!

И в последней сумасшедшей схватке
Все его черты переплелись,
И теперь сражались недостатки
Лучше, чем Достоинства, дрались!

Мы характеристики даем.
А всегда ль мы понимаем сами,
Что мы можем — с нашими сердцами —
Вынести?!!

Особенно вдвоем.

ПЕРЕВОД

Ночью он вспрыгнет, чтоб лечь
На руку мне на кровати.
Переведем эту речь:
“Жизнь — это место для встреч
И выраженья симпатий”.

ВЕРБЛЮД

Верблюд
неделю не ест.
У него
плохой аппетит.
Верблюд
неделю не пьет.
Верблюд
неделю не спит.

Хозяин испуган,
Погонщики тоже,
Столпились кругом
И гладят по коже,
И щупают ноги,
И шумно галдят,
И многие, многие
В зубы глядят.

Стоит он,
Большой и грубый,
Прикрыты
Его глаза.
Даже
обсохшие губы
Не пробует
облизать...

Он много работал,
И скручен, и связан,
Дважды горбатый
И долговязый.

Где небо, как шелк,
А песок, как песок,
Все шел он и шел,
Горбат и высок.
Между горбами
Люди с тоской залезали,
Стукались лбами,
Страдали морской болезнью,

А он
Все шел
Песками пустыми,
Шагал
И шагал
И теней
Не искал.
Шел
 по пустыне.
Шел
 по пескам.

А ночью
Весь мир отдыхает и стынет.

И стыли
Следы его по пустыне,
Песок засыпал их,
Чтоб их не осталось,
А он засыпал,
Большой и усталый,

Просторы ему
Становились узки,
И снились ему
Пески и пески.

ОХОТА НА ПТИЦ

А.Яшину

Перелесок, берег, лес,
Белых крыльев переплеск,
Воздух бьют, как воду ласты,
Если не побереглась ты
На сто лет запомнишь здесь
Эти страхи, эти страсти,
Перелесок, берег, лес.

Мы охотимся на птиц,
Птицы набраны петитом,
Все равно им не спастись,
Не подняться, не спуститься,
Грохот, как контрабандист,
Проникая в уши птицам,
Вырывает души птиц.

Им зажмуриться и мчаться,
Нам внезапно называть,
Окриками возвращаться,
Мокренькими застывать,
На ладони умещаться,
Уменьшая, уменьшаться,
Убывая, убивать.

Червь дождевой дождевым называется,
Ибо из почвы дождем вызывается.

Тесные норы водой залиты —
Червь появляется из темноты.

Сам он не знает, что так называется,
Просто меж лужами он извивается.

Здесь он бездомным и полуживым
В дождь появился и стал дождевым.

Нет, мы не пишем червю панегирика.
Наша специальность — любовная лирика.

Вот стихи о человеке,
Одиноким, как Пастух.
Пересохла эти реки,
Ветер сух.
Он стоит и не присядет
Ни под звездами, ни днем.
Он-то думает о стаде —
Кто подумает о Нем?

Где-то
в зодиакальном гетто,
помнящем в этом толк,
молча, молча, беззвучно,
в вакууме поштучном
Стеллеровой корове
Сумчатый скажет волк:
— Девочка, хочешь чаю?
Жизни не обещаю.
Слов и слов о любви,
молча, главное, молча,
ты меня позови.
Тут у нас места много.
Лень, тишина, тревога.
Большая мира часть.
Оборотни седые,
призраки молодые,
некуда тут упасть.
Молча, молча, без спешки,
мы, как свинец у пешки,
все тут внизу, во мгле,
держим вас на земле.

АЗБУКА

...Еще не собираем марки —
Там слишком мелкая печать.
Мы только учимся читать,
И нас приводят в зоопарки.

Родители смеялись здесь,
Но мы глядели деловито:
Вот звери — буквы алфавита,
А слово следует прочесть.

Торчал Жираф. Струилась Кобра.
Мартышки висли с высоты.
Еще не складывались в образ
Большие Лапы и Хвосты.

И перед звездным зодиаком,
Приоткрывавшимся вдали,
Тогда вставал единым знаком
Весь круг детенышей Земли.

1978 г.

ПЕСНЯ

Равнинная тихая местность
Куда-то уходит во тьме.
Еще никому не известно,
Что гордость равнины в холме.

А холм и не помнит про это,
Всю ночь его сводит с ума
Резная игра силуэта,
Ведь дерево — гордость холма.

Оно научилось стремиться
В неслышный, старательный рост.
Но гордость у дерева — птица
Среди разыгравшихся звезд.

В кругу мирового величья
Нахохлен пернатый комок.
И музыка эта не птичья,
А веток, пригорка, дорог.

1989 г.

БАБОЧКА

Все, в общем сжатое в одно,
Так ревностно устремлено,
Так неозвратно, и бесцельно,
И мерно рушится поток,

Что бабочка, ее виток
Висят от времени отдельно.

1970 г.

Вот и встречаются ежик и танк.
Длинные, бедные эти иголки
Значили что-то, о лисы и волки,
Стоили что-то — разве не так?

Как мы решились на бегство из рыб,
Из насекомых и членистоногих?!
Что-то сегодня не вижу я многих:
Кто-то отстал, заблудился, погиб...

Я не боюсь. Проще устать.
Но на возвращающемся пьедестале
Кем мы не стали? Кем мы не стали?
Кем мы еще должны были стать?

Куда протягивала мосты,
Чего ждала и о чем просила
Вперед нас выбросившая сила
Слепой и воющей пустоты?

1980 г.

СТИХИ С ЧЕРТЕЖОМ

Проекция на миг, отброшенная мной,
Но окончательным, подобным рыбе,
Вдруг видится в причудливом изгибе
На этой плоскости ночной.

Отбросим страх, страдания и гнев,
И все же существа такие странны,
Черты их впереди — размыты, чуть туманны,
Чтоб сзади лечь, окаменев.

Возможностями, как моллюски, пред собой
Мерцают, шелестят, как плавниками,
И тащат прошлого неизмеримый камень
В воде зелено-голубой.

Вы скажете:

— Пусть плещутся, пока
Им кажется, что это роль играет,
Пока назад сквозь время продирает
Их чья-то мощная рука!

Однако домыслы здесь вовсе не нужны,
Ведь в мире все сквозь миг

скользит и застывает.

Но что еще себя при этом успевает
Вдруг увидеть со стороны?

СЕКРЕТ ДОБРОДУШИЯ

Ворона
На ветке сидит беззаботно.
Валторна
Склонилась над партией нотной.

Играй виртуозно,
Летай по опушке
И чуть несерьезно
Суди друг о дружке.

При карканье,
При исполнении гимна
Не будет особых претензий
Взаимно.

Но если б
Валторна
На ветке сидела,
И если б
Ворона
В оркестре дудела —
То как ненавидели б
Зло и упорно
Валторну ворона
Ворону валторна.

Андрею

Зачем охотник из ружья
Стреляет рыженькую лиску?
Зачем подходит к ней так близко?
Ведь делать этого нельзя.

И если он не перестанет,
Она сама возьмет ружье,
На лапки задние привстанет,
И он заплачет от нее.

Науму Коржавину

Олень вступает в полемику,
Склонив к копытам рога,
Дабы убедить олениху
И переубедить врага.

И, главное, помнить не лень ему
Последнюю его цель:
Способствовать роду оленьему —
Еще расцвести в конце.

И я не пребуду в целости,
И род мой пройдет за мной,
Но наши олени ценности
Нетленны в дали земной.

8 марта 1988

Семнадцать леопардов
Преследуют гонца
Среди зеленых парков,
Которым нет конца.

Гонец спешит, стремится.
Он дышит горячо.
К нему большая птица
Садится на плечо.

А там, где на балконе
Ты смотришь в синеву,
Он белый плащ уронит
На темную траву.

Бог людей, Бог людей
На меня во гневе страшном.
Он грозит мне днем вчерашним —
Я дрожу, как лиходеи.

Бог котов, Бог собак
На меня взирают немо.
Оцинкованное небо —
Наша крыша, как-никак.

Но меня прощает он,
Выскользнувший из-под коды,
Председатель всей природы
Бог крылатый Махаон.

29 июля 1995, суббота

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Перегон Ленинград — “Магистраль” — Карадаг,
Отрывая от крана негромкие нотки.
Те, кто умер, живут в небольших городах,
Где и поезд не пробовал вкус остановки.

И пока напролет невозвратные дни
Пробегают безумная наша дорога,
В привокзальном буфете сойдутся они
Поглядеть, как мы катим, и выпить немного.

Вот Смирнов, обернувшийся в маленький зал,
Чтоб еще раз к столу подозвать полового.
С кем же рядом он слушает их острослова?
Пастернак! И не видел почти, а узнал.
А улыбки обоих от шутки Светлова.

Над окном замирает неяркий баgreц,
И такое висит невысокое небо.

А отдельно, у этой вон стенки, отец:
Он не пил, и знаком он с поэтами не был.

А часов приблизительно в семь
Некрасивых не стало совсем,
И какой-то неназванный праздник
Расцветал, торопился расцвести,
Чтобы с Залах Проезда, как весть,
Шла волна ожиданий прекрасных,
Несказанных, пусть даже напрасных,
Лучших, что в этом городе есть.

В удивленном городке
Ходят тучи налегке.
Постоят чуть-чуть над домом,
А потом идут к реке.
Я пишу письмо к знакомым
В удивленном городке.

Поезд шел, пишу, неплохо,
В темноте, пишу, трубя.
Проводница ночью Блока
Повторяла про себя.
Люди спали, люди мчались,
Павши набок, навзничь, ниц,
И на столиках качалась
Скорлупа крутых яиц.
Плыли станции, как стансы,
Спали шпалы на песке...
Рано-рано я остался
В удивленном городке,
Отовсюду вдалеке,
На химической реке,
Где сейчас сажу на почте
В шубе, в унтах, в башлыке.

Я пишу не очень четко.
За стеклом кассирша спит.
Чемодан как собачонка
У моей ноги стоит.

1976 г.

ПОЕЗДКА НА ВОСТОК

А.Г.

Так начинается поездка на Восток.
Столб телеграфный вдруг впирается в тебя,
И дом с окошками, и ржавый водосток,
И крест с вороной, и нелепая труба,

И камни, канны на бульварах, и кармин
Накрашенных красоток, и кирпич
Двух корпусов завода, и гармонь
В руках призывника, и ребра крыш.

И убыстряя, убыстряя свой поток,
Земля течет, свой путь в тебе продрав,
Чуть задевая краешками трав...
Так продолжается поездка на Восток.

И в перспективу ты втыкаешься, как в тир,
Накалом скорости оплавлены места,
Есть только полосы, мир полосат, как тигр,
Лишенный морды, шеи, лап, хвоста.

Но треснет заново литое полотно,
И возродится камень, тяжек, крив, жесток,
Все встанет. Будет плотно и темно.
И так кончается поездка на Восток.

1976 г.

МЕТРОМОСТ

Из подземного туннеля
Вылетев, увидеть вдруг
Окончание метели,
Зданий рваный полукруг,
Нянек, что гуляют просто,
Речку, снег, себя самих,
Красный шар в руке подростка
Так не могут видеть остро,
Как проезжий в краткий миг,
Так гадать, во тьму влетая,
Что же значила зима,
Санки, очередь витая,
Налетающая тьма.

...Кроме того, постоянно со мной
Неотчуждаемый, необходимый
Праздный квадратик, билет проездной
С замкнутым самоназванием “единый”.

Знак зодиака пути моего,
Разных поездок в недалекие дали.
Вместо чего-то, не вспомню чего, —
Перемещение по горизонтали.

1975 г.

ГИМН МОСКОВСКОМУ МЕТРОПОЛИТЕНУ

Все неотвязней, все прелестней
Подземных странствий голоса.
Закрой глаза на Красной Пресне —
В Измайлове открой глаза.

Ты неподвижен, может статься,
А шум колес и плеск молвы —
Перестановка декораций
На выход твой среди Москвы.

Но сверху ль для твоей проверки
Все расставляют по местам,
Иль ты, как чертик в табакерке,
То тут, то там, то тут, то там,

Какая б сладостная тайна
Ни заварилась здесь, грозя, —
На Соколе мигни случайно,
Открой в Сокольниках глаза.

Да, видно, выдумана ловко
Фантастика тридцатых лет,
Вся эта нуль-транспортировка,
Гиперпространства желтый свет.

И сам Господь, следящий с неба
За расстановкой лиц и пар,
Не уследит, где был, где не был,
С кем оказался, как попал.

А кстати, для чего мне эта
Попытка подвести итог?
Уж не прощанья ли примета,
Не настает ли некий срок?

Само метро на что похоже?
Сойди под город и, скользя,
Сейчас, пока еще ты можешь,
Закрой, чтобы открыть, глаза.

Мудрейший, со своей авоськой,
Безумный, со своей тоской,
Закрой на “Электрозаводской”,
Открой на “Автозаводской”.

1970 г.

ПЯТЫЙ АВТОБУС

На площади Свердлова
Три облака лилово
Застыли, но летят,
Дрожа, торчат фонтаны,
И кони неустанно
собой венчают театр.

Здесь я стою и еду,
“На воскресенье в среду
Смотри, — шепчу, — смотри”,
И на Петровке где-то,
Как пятна после света,
Еще все вижу это,
Еще минуты три.

1963 г.

ОКРУЖНАЯ

Час пустынный, час ночной.
А без сна валяться вредно.
Лучше слушайте со мной,
Как размалывают время
Поезда на Окружной.

Потому что там, где Вы —
Километров сорок с лишним,
На другом краю Москвы, —
Там, наверно, тоже слышно.

Понемногу успокоюсь,
Волю дам простым словам:
Ваш ко мне подходит поезд.
Мой сейчас подходит к Вам.

1962 г.

Ездить — придурковатая страсть,
Что-то вроде того, как шататься
Целый вечер среди декораций
И уже на спектакль не попасть.

Самолеты тире поезда
Путешествуют в общем-то сами,
Мы просиживаем в них часами
И не двигаемся никуда.

Ходят люди вблизи и вдали.
Что и как у них там, неизвестно.
А смотреть на пейзажи нечестно:
Будто кожу сдираешь с земли.

Разве только одно — в тишине
Подглядеть, как ты сладишь воочью
В полвторого в гостинице ночью
Сам с собою наедине.

1970 г.

Когда уже поздно,
Нет улиц, только дома.
Разбросаны звезды:
Созвездья сходят с ума.

Не сад, а деревья.
Кроны не очерк, а муть —
Мы спим, а доверье
Спящих легко обмануть.

Что, глупости? Утром
Проснемся? Город, и дом
В спокойствии мудром,
В стройном порядке найдем?

Ну, значит, до солнца
Как там — зари золотой, —
На чьей-то бессоннице
Держится мир обжитой.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

1

Пушкин и Бродский едут друг к другу в гости.
Пушкин никак не может выехать за границу,
Хоть здесь в коляске, кибитке, карете
Столько уже накрутил, что бросьте,
Куда там Пржевальскому, успевшему
остановиться

На постоялом дворике в чахлом городке Гори,
Где редко встретишь попа и учителя-
интеллигента,

Но где у служанки "отеля" родится вскоре
Тот, кто родится, как утверждает легенда,
И, может быть, рыжему мальчику

дадут то же самое имя

В сороковом, когда страх то прошел, то длится,
Но тезкам вместе не жить, и Родина с ними
Не в силах управиться, не может
распорядиться.

И даже смерть одного,

когда у другого бармицва,

Ничего не отменит и судьбы у него не отнимет.

А пока, значит, Пушкин

не может туда рвануться,

А путь его здесь закручен и бесконечен,
До тех пор Бродский не в силах сюда вернуться,
И они до сих пор не встретились, но ведь это
еще не вечер.

2

От мальчишки, избранного королем,
 А для этого изгнанного из дому,
 Гудом переполнен микрорайон
 В узнаванье сползающий, как в истому

Горестную, сладостную — это вам
 Как повезет, да и суть не в этом,
 А в том, что улечься пора словам
 В соответствии с заданным им ответом.

Вам покажется, что в этом скрежете нет
 Коды, темы, дыра безобразно провисла —
 Но замкнет свои тонкие кольца сюжет,
 И видны все наивные выдумки смысла.

Эта сказка наглядна, как Рождество,
 И торжественна елка, как детское знамя.
 Это — тайна для всех и ни от кого
 На прелестную музыку “Мы так и знали”.

И смотрите, хохочут и шепчут: как даст
 Кругаля сюжетик, и свет в овчинку,
 Континенты, эпохи, ненависть государств
 побегут послушно на праздничную картинку.

А те, кто злодеев сыграли здесь и
 Не успели отмыться от сажи и крови,
 Снимают грим и болтают о новой пьесе,
 Где им твердо обещаны совершенно другие роли.

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Третий час на улице
Дождь идет и темень.
Третий час, любимая,
Бродим мы напрасно —
И коммунальная квартира,
Коридорная система,
Четвертая комната направо.
Табуретки, ящики,
Сундуки и стены,
Третий час, любимая,
Бродим мы напрасно —
И коммунальная квартира,
Коридорная система,
Четвертая комната направо.

Кружится земля моя,
Медленное тело,
Кружится галактика,
Звездная оправа —
И коммунальная квартира,
Коридорная система,
Четвертая комната направо.

1967 г.

Трамвай бродил по городу,
Тянул пути нарочно,
Замедленно и гордо,
Чтобы приехать точно.

И кто-то, видно, стойкий
Стоял, стоял в углу,
Рисуя профиль тонкий
По тонкому стеклу.

Не знаю, хороша ли
Была она,
Но люди не дышали
У этого окна.

Непрочно всё до жалости —
Стекло и снег...
Скажите мне, пожалуйста,
Что станет с ней?

Ценители найдутся ли
Хранить ее черты?..
Музеи, репродукции,
Альбомные листы?..

Спокойно-холодны глаза —
Ну, право, гордость выставки!
А в них бегут, бегут назад
Подъезды, окна, вывески...ЗАВЕЩАНИЕ

Отсвет имени на строчке
В сотни раз прекрасней слова.
Я ничем вам не помог, мои слова.
Чтобы вам не сгнуться снова,
Не пропасть поодиночке,
Друг за друга вы держитесь, как трава.

Не дочитываю книг.
И уже не дочитаю.
Всё равно, наступит миг —
И без них я всё узнаю.

Всё узнаю, всё пойму.
Только вот неинтересно,
Что там станет мне известно
В тесноте и одному.

РЕАНИМАЦИЯ

На свете счастья нет, но есть покой и жажда,
Реанимации не злой, но страшный суд.
Тебе там не дадут глотка воды однажды,
Но там тебя спасут.

А я-то думал, там сплошная заграница —
Мигают лампочки и ангелы скользят,
А там ночь долгая... А там “Попить, сестрица!”
И тихо: “Вам нельзя”.

1995

ЗАВЕЩАНИЕ

Отсвет имени на строчке
В сотни раз прекрасней слова.
Я ничем вам не помог, мои слова.
Чтобы вам не сгинуть снова,
Не пропасть поодиночке,
Друг за друга вы держитесь, как трава.

ТУННЕЛЬ

ТУННЕЛЬ

Поэма

*Работа мне нравится эта,
В которой важнее всего
Идти, удаляясь от света,
Чтоб снова достигнуть его.
Б.Ахмадулина*

Пролог

Конечно, кое-что в этой поэме является плодом фантазии. Хотя ее персонажи — ушедшие и живущие, названные и неназванные — абсолютно реальные люди, начиная с того, чьи идеи послужили толчком к возникновению поэмы — с Николая Федоровича Федорова (1828—1903), великого, хоть и долго неизвестного русского утописта. Человек он был поистине удивительный. Толстой спорил с ним о смысле жизни. Достоевскому он подсказал “Братьев Карамазовых”. Циолковский называл его своим учителем. Аскет и бесребреник, отвергавший собственность даже на книги, Федоров ничего не издал при жизни. Его мысли излагали ученики — не исключено, что с искажениями. Тем не менее очевидно, его идеи оказали уже более значительное влияние на нас, чем можно было предположить. Добавим, что при всей невероятности — вдруг?! — может оказаться реальной его концепция: МЫ НЕ ТОЛЬКО ПОБЕДИМ СМЕРТЬ БУДУЩУЮ, НО И ВСЕ ЖИВШИЕ БУДУТ ВОСКРЕШЕНЫ.

Во всяком случае, многие предсказания странного МЫСЛИТЕЛЯ до сих пор сбывались.

Итак, все персонажи поэмы названы своими именами. Кроме двух.

Один — поэт, которого никто из нас никогда не забудет.

Другая — женщина, которую не забуду я.

1. ГДЕ НАС БРАТЬ

Размышления над старым снимком

“Приспособление Дагера,
Конечно, только полумера.
Но не свидетельствует ли
О странной участи Земли?” —

Так думал Федоров в Ташкенте
Над первым кадром в киноленте,
Которой не было еще
(Но расстояние не в счет).

Уже вставало солнце слева.
Без радости, но и без гнева
Глядел в задумчивости он
На желтый, выцветший картон.

Казалось бы, немного — внешность.
Но вместе с нею будет нежность,
И это первое звено
С последними сочленено.

Как из зерна выходит колос —
Теперь они запишут голос,
Потом движение сохранят, —
Вопрос уничтоженья снят.

Конечно, мы еще не знаем,
Какие звенья допоздна им
Клепать с утра в тугую цепь,
Но уж неотвратима цель.

Теперь — хоть верьте, хоть не верьте —
Сперва не станет новой смерти,
Потом они сойдутся в сад
И всех отживших воскресят.

Прошел старик в чалме из ситца,
На вас городской косится —
Пускай косится, все равно
Нам всем воскреснуть суждено.

К нам всем, едва глаза закроем,
Придет рождение второе,
Мы оглядимся, пыль стяхнем
В своей стране грядущим днем.

И Федоров невозмутимо,
Узрев все, что неотвратимо,
Пошел записывать в тетрадь,
Что не опасно умирать.

Отступление

...А все-таки как она вскинет
Бровями:
— Давно? Кто бы мог..
Потом:
— Отчего? — и застынет,
Недонатагнувши чулок?

Но ты не печалься, прохожий,
Ты с нею, как я, не знаком:
При жизни моей она тоже
Подчас застывала с чулком.

Письмо к Федорову

“Уважаемый учитель,
Ради господ, простите,
Что пишу Вам в сей январь,
Милостивый государь.

Изучил Ваш труд прилежно.
Воскрешенье неизбежно.
Но живых и живших для,
Вижу я, мала Земля.

Нас выводит наше дело
Из обжитого предела,
И не будет знать преград
Предлагаемый снаряд.

Человечество отселе
 Жить не станет в колыбели.
 Всем воскресшим до поры
 Я дарю еще миры.

Я пока не встречусь с Вами.
 Ограничимся словами.
 Но потом, коль захотим,
 Свидимся в миру просторном.
 Остаюсь слугой покорным —
 Циолковский Константин”.

Реплика автора

Не пересказывать. Решать:
 возможно ль это, правда ль это?
 Фонограф там, кинематограф,
 не следующие ль шаги?

Нет, не могу поверить! Бред!
 Но — изобретена ракета?!
 Безумие. Бессмертны все — и
 врали, ничтожества, враги?

Баллада об Указе

Так мы толпимся у входов и касс,
 Ждем разрешенья,
 Будто бы он и не вышел,
 Указ
 О воскрешенье.

Знает Указ наизусть большинство.
 И по церквам, возгласив торжество,
 Хором на Пасху и на Рождество —
 Все, за эпохой эпоха, —
 Двадцать веков повторяют его:
 Поняли плохо!

Так девятнадцать столетий спустя
 Освобождали мы здешних крестьян.
 Как говорили!

Пышную чушь на банкетах несли.
Не от цепей — от родимой земли
Освободили.

Слово — вначале. А дальше — слова.
Ратник и витязь
Пали под темную власть естества...
Остановитесь!

Вечность к тебе возвращается, век! —
Делом согрета.
А указал нам проход
Человек
Из Назарета.

Голос из будущего

— Вы просите столь немногого,
Что даже смешно, мой друг.
В конце концов, сколько ног у вас?
В конце концов, сколько рук?

Структуры эти белковые
Не бог весть какой бином.
Логичные, бестолковые,
Построены на одном.

Пока что мы двигались ощупью,
И вывод пришел простой:
Девятки четыре общего
У всех вас за запятой.

Потом, конечно, отличия —
Подробности, стиль, душа.
И все эти штуки с личностью —
Довольно неясный шаг.

Задерганные, беспечные,
Прождавшие нас века,
Телами вы обеспечены,
Но это и все пока.
Что мог, обещал я твердо вам

Из века так двадцать четвертого,
 Ну или соседнего с ним
 (Увидимся — объясним).

Большая Реанимация
 Пытается произойти!
 Почти что вся информация
 У нас на руках.
 Почти...

Вы жили. Потом вы не жили.
 Концы дотянуть — связать.
 Вы будете с нами, ежели
 Нам скажете, где вас взять.

Отступление

...Значит, ждите, говорят. Что вам века?
 Обещали, что потом наверняка.

Ты продрогнешь на таком большом ветру.
 Дай слезинку с глаз от холода утру.

Ничего, пока дойдут они до нас,
 Старый метод самодельный есть у нас.

Вот и место для прощания — вокзал
 Любенеющих, как Хлебников сказал.
 Пожелтеет и сгустится на заре
 Наше время, ты проснешься в январе.

Ты секунд не различаешь до утра.
 Вот гора, прошла гора, опять гора.

Высох, стек, глядишь, опять родился Нил.
 Я давно исчез. Тебя олюбенил.

Герой 1

“...Лирик вел себя примерно.
 По французскому был первым.
 А окончивши лицей,
 Целовал княгиням ручки,

Никогда не пил с получки,
А играл лишь в дурака.

Он всегда писал понятно,
Чистил ногти аккуратно
И боролся с саранчой.

Поднимаясь утром рано,
Он стремился неустанно
Слабости преодолеть,

Стать серьезней, стать приличней.
В результате славы личной
Он трудом своим достиг.

И собрание сочинений,
То, что нам оставил гений, —
Поучительнейший факт...” —

Почему же между строчек
Мы так счастливо хохочем —
Все не так, не так, не так?!

Почему же с ходу ясно,
Как глупа и неопасна
Эта сладкая вода?

Значит, был он в самом деле,
Никуда его не дели
И не денут никуда?

Вот уж истинно кому
Выйти в день, оставя тьму,
Не составит затрудненья.
Каждое души движенье,
Радость, слабость, сокрушенье,
Жест, усмешка, ерунда —
Да ему и так всегда
Полшага до воскрешенья.

2. ДРУГИЕ

Арион,

или

Первое, что вспомнит поэт,

когда его воскресят

“Нас было много.

Иные.

.

.Вдруг

.вихорь.

Лишь я.

На берег выброшен.

.

Баллада о стыде

Мы все экзамен не сдадим.

Но чей-то правнук сдаст.

И будет он стоять один,

Совсем один. Без нас.

Стоять. Молчать. Глядеть во тьму.

И знать ее насквозь.

И помнить все о тех, кому

Дойти не довелось.

И скажут парню: “Так нельзя,

Взгляни по сторонам”, —

Его далекие друзья, неведомые нам.

“Идет заря и рядом с ней —

Другое бытие.

Пойдем, отпразднуем пышней

Бессмертие твое”.

И будет на пиру сидеть

Тот, Кто Экзамен Сдаст,

Не разжимая губ, сидеть,

Не поднимая глаз.

Голос последнего в очереди на воскрешение

...Допустим (среди дня,
Вот так, для разговора),
Хватятся и меня,
Пушай не слишхом скоро.

Проснусь я у ольхи
Под дудочку пастушью,
Навряд ли за стихи,
Скорей за простодушье.

Так, значит, это я?
Не чересчур ли просто?
А где мои друзья?
Я только перекресток.
Нескучная родня,
Нежесткое начальство —
Они. Без них полдня
Не мог прожить я часто.

Тем невозвратным днем,
Который там, в начале,
Мы пели об одном
И про одно молчали.

О том, как их любил, —
Подвыпив, увлекаясь,
Я часто вслух трубил —
Теперь не отрекаюсь.

Одно — наворачика:
Мне здесь ни жать, ни сеять
Без Лидки¹, Черняка²,
Без вас, Борис Евсеич³.

Не все ль равно, с кого
Начнут виток маршрута?
Проснусь я от того,
Что близок был кому-то.

А место есть в степи —
И здесь, и остальное?
Нас только зацепи,
Потом не остановишь.

Знакомая Земля.
Уже Некрасов⁴ рядом.
— Привет, есть два рубля.
Пошли. Отметить надо.

Опять о поэте, которого воскресят первым

...Его вопрос давно решен:
Уж если выходить из гроба —
Без Дельвига не может он,
Без Анны Керн не могут оба.

И соберутся там, как встарь,
Пиры, чадаевские речи,
Каверин, Кюхля, Пущин, царь.
И даже тот. У Черной речки.

Заповедь

...Ученый, ты — Время.
К тебе принесло.
Отнюдь не безвредно
Твое ремесло.

¹Л.Говорухина — актриса.

²В.Черняк — поэт, сотрудник “Московского комсомольца”.

³Борис Евсеевич — театральный критик, литературный секретарь “Московского комсомольца”.

⁴Ю.Некрасов — сотрудник “Московского комсомольца”, позднее — Министерства юстиции.

Для блудного сына —
Родительский дом.
Потом медицина
И школа потом.

Прими за основу,
Что принцип таков:
Не выкинуть слова
Из песни веков.

Отступление

Вопрос об истории очень непрост и неясен:
Имеет ли смысл увеличивать знания о
Пропавшем, сгоревшем, исчезнувшем сборище
басен,
Которое сплошь непонятно и столь же темно?

О нет, не до славных теперь мне побед Александра,
И нет, не до пирровых ныне мне горьких побед.
Я сам, я живой, стал историей. Если б и сам я
Мог вспомнить, зачем это все, раз уж этого нет?

Кому этот камень стиха, этой боли железо?
Чему и зачем эта зряшная ясность нужна
О том, как когда-то слагала такой-то отрезок
Красивая женщина, ныне чужая жена?

Отрезок. Отрезано, значит. От резкости этой
Так хочется не изучать! Неужели нельзя?
Что там происходит, за самой последней победой?
Привет, Александр. Здравствуй, Пирр.
Как живете, друзья?!

Заповедь

Да будет твой закон прямым,
Неотменимым, неизмятым —
Хромого воскрешай хромым,
Горбатого — горбатым.

Не благодетельствуй — воздай
 Без липкой щедрости восточной
 И добродетелью считай
 Лишь пристальную точность.

Пускай дорожкой через сад,
 Не в Палестине и не в Риме,
 Войдет к Пилату арестант:
 — Мы не договорили.

Профессор, лирик, музыкант
 Заходят за Великим Кормчим:
 — Вы не забыли языка?
 Наш разговор не кончен.

Шесть миллионов не просить,
 А требовать сойдутся в зале,
 Чтоб Эйхмана им воскресить:
 Они не досказали.

Вставай, наш враг. А впереди —
 Нам больше не до хитрых пыток —
 Дверь открывается. Входи.
 Встань средь твоих убитых.

3. ОТВЕТЫ И ВОПРОСЫ

Реплика автора

...И слабость ощутив свою,
 влетев в такое наваждение,
 Укрыться в заросли стиха
 под чей-то ямб, хорей, спондей,
 Взять пару-тройку интервью
 на тему о втором рожденье
 И тем хоть дух перевести
 решил Ваш корреспондент.

ИНТЕРВЬЮ

Маяковский:

— Воскреси меня за то,
что я поэтом
Ждал тебя,
откинул будничную чушь.
Воскреси меня хотя б за это,
Воскреси!
Свое дожить хочу!

Вознесенский:

— В природе по смерти
Отсутствует точка.
Мы будем бессмертны,
И это-то точно.

Ахматова:

— Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.

Заболоцкий:

— И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие.
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

Блок:

— Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Черняк:

— А потом уж все твои приметы —
Цвет волос, походку, голос, взгляд —
Штатные литературоведы
В срок, тебя не хуже, объяснят.

Хлебников:

— Я умер, я умер, и хлынула кровь
 По латам широким потоком.
 Очнулся я иначе, вновь
 Окинув вас воина оком.

Сельвинский:

— И снова умрешь, и появишься снова,
 Год ли спустя, миллион ли годов —
 Частный случай на вечной основе,
 Который мгновенно возникнуть готов.

Аронов:

— Когда серьезные, как дети,
 С доверчивостью на лице
 Идем в туннель тысячелетий —
 Чуть виден свет в другом конце.

Маяковский:

— А если так,
 то с подобным неучем
 нам и разговаривать не о чем.

Шекспир:

— Не всем мудрецам, Горацио,
 приснились еще чудеса...

Окуджава:

— А все-таки жаль,
 что нельзя с Александром Сергеевичем
 Поужинать в Яр
 заскочить хоть на четверть часа...

Вопрос

...Что значит умереть? Не встретиться нигде,
Вертись хоть сто веков по всяким там орбитам?
И неподвластным быть всем будущим обидам?
И не уметь помочь ни в счастье, ни в беде.

И чтобы мальчик мой теперь меня не знал,
Лишь смутно иногда припоминая?
Что ж, если так — спасибо, понимаю:
Верней, чем я, никто не умирал.

Еще вопрос

...Что чувствует воскресший в первый,
Все не кончающийся год?
Его подчас подводят нервы,
Себя он как-то не найдет,

Он думает: теперь спеши —
Иль не спеши — в таком вот стиле...
Полпамяти и полдуши
Тебе нашли и возвратили,

Неполноту свою, как сон
Навязчивый, избыть не может.
Шагнув, глядишь, застынет он
И прячет взгляды от прохожих,

Что недоделал он в своем
Достаточно случайном веке —
Ему оттягивает веки
И пребывает с ним вдвоем.

Реплики автора

...Еще хоть несколько минут,
и на века воспоминаний.
В конце концов, любовь мгновенна,
хоть вроде бы конца ей нет.

На набережной океана
вы встретились, вас понимали
(Или казалось так), и это —
событие. Остальное — след.

Я что еще хочу успеть
спросить, все время забываю:
Так как же, значит, он явился
и, творческий вспомнив путь,
Всех перечислив, он теперь
глядит, одну не называя —
Как в силах он?
Надолго ль хватит?
Что скажет он когда-нибудь?

**Что мог бы сказать поэт,
когда его воскресят**

Итак, теперь Ланской?
Почет, покой, успех?
Скажи, какой тоской
Твой легкий куплен смех?

Постой, ты не река.
Мы все-таки семья.
Я отпущу века.
Побудем, ты и я.

Ты помнишь, как в ночи,
На белые твои...
Ты помнишь? О, молчи,
Не надо, Натали.

Был санок бег. Был сон,
И белый, и немой,
Был путь. И занесен.
И нет пути домой.

Был черный звон. Венок.
Шпалеры у аркад...
Неправда, что он мог,
Щенок, кавалергард?

Не надо про детей,
Я знаю, ты права.
Из всех моих затей
Безумные слова

Остались. И теперь
Не упрекнет никто...
Скажи, зачем тебе
Опять взбрело про то?

Как в мраморном бреду,
Сквозь губы: "Утоли..."
— Что ж, я еще приду.
— Как хочешь, Натали.

Последнее отступление

...Обыкновенно в случаях таких
Я говорю, изобразив усталость,
Что все пройдет. Что скрытый крик утих.
Что уж немного, в сущности, осталось.

С собой свое нося не первый год,
Сильней мы — правда? — тех, кто только
начал.
Я говорю себе, что все пройдет,
И ведь не дольше жизни неудача.

Мне помогало до недавних пор,
Что все пройдет. Но вот по нашей смете,
Втянувшись в поздний этот разговор,
Я признаю всю бесполезность смерти.

Здесь, в мышеловке бесконечных лет,
Мы волею-неволей смотрим шире.
Что ж, выхода и там, как видно, нет:
Чего мы не решили — не решили.

Так было по-людски — пропасть во тьму,
Забыть, послать, едрит твою налево!..
Зато мы понимаем, почему
Без радости смотрел он и без гнева.

(Так вы не догадались? Он любил,
В Ташкенте, нет ли, важно, что напрасно.
Дагерротип глаза ему свербил —
“Всего лишь внешность”... Солнце шло направо.

Не вынеся безмолвья, разговор
Он начал этот. Мог бы заявить я,
Что горд находкою — но про кого
Не сделаешь такого же открытия?)

Следы стыда, нелепости и слез
Свалить и сбросить в этом брэнном теле...
Но что поделать? Мы живем всерьез,
Хотели мы того иль не хотели.

Эпилог

...Без книжек, без детей, следа не оставляя,
Фонтан — монета — день,
газета — день — статья,
В собрании потерь, где самая большая —
Не названная здесь, все менее моя.

Сойдутся все опять, как дальние вершины
Сходились на виду рассветной тишины,
Я думал обо всех: проблемы разрешимы,
За исключением той, что не решили мы,

И больше не ищу, что может быть глупее,
Затолкан суетой в чужом житье-бытье,
На конус уходя, все глуше, все слабее,
Последним отзвуком скрываюсь в забвенье.

СОДЕРЖАНИЕ И АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

1956-й	16
--------------	----

КЛАСС

Я молод был. О, как я молод был!	18
Вы приходите в школу	19
Семинар (— Первую жизнь играть с огнем)	20
Предвыпускная лекция	21
Взрослые умерли. Их не осталось	22
Дом отдыха (Мне надо побыть одному)	23
Соединенье гроз, тепла	24
Четыре урока ночью	25
Школа поэтов	26
Баллада о классной комнате	28
Песенка Шмелькова	30
Учитель географии	31
Учитель словесности	32
Монолог двоечника	33
Отрочество (Все это здание наше несложно)	34
Дон Жуан (Есть красный плащ у командора)	35
Зимой, когда у самой школы	36
Песенка о поздней любви... ..	37
У школы (Есть день: сошла трава)	38
Самое первое сентября	39
В давнем учебном году	40
Детское (Скажите, а вы все)	41
Потому, что есть предел	42
Занятие (Безобидный идиот)	43
Читатель (Маленький, хмурый, лохматый)	45
Тайна учителя та, что учить невозможно	46
Песня труса	47
Размер	48

ЖИЗНЬ ВСЕРЬЕЗ

Поэты (На свете есть одни поэты)	50
Летнее утро (Когда огромные шары)	52
Ну о чем ты, о чем ты, какие приметы	53
Потоп (И выплыли, выплыли, знаешь)	54

Песенка на прощанье (Здесь жить, конечно, можно)	55
Вот на что похоже счастье?!	56
Уроки космоса	57
О чем теперь? Об этой черной шали?	59
Любимая, молю влюбленный	60
Возьми зеленый лучик	61
В трех правых мирах и в трех левых мирах	62
Назначить свиданье от дома вдали	63
В мелодии «Вишневый сад»	64
В Марьине тоже расцветают вишни	65
Когда сомкнутся хляби надо мной	66
Освободив от лишней боли	67
Я был внутри	68
Есть клятва древняя. Сюжет ее не прост	69
Кропоткинский маршрут	70
В этой комнате свет и тепло	72
Иерусалимские качели	73
Без выбора (Ходил, ходил по замкнутой Москве)	74
Исчисленным грядущий путь	75
Душа (Есть птица, летящая в камне)	76
Заповеди карате	77
То хохочет, то подсказывает глупо	78
Вот и опять предрассветные тени	79
Прогулка (В расколдованной роще подъездов)	80
Памяти Миклоша Радноти	81
Начать попробую слегка	82
Завещание (Приготовляясь складывать слова)	84
Литсотрудник на полставки	85
Ночная песенка	
(Ваш труп зарыт в одном прелестном доме)	86
Я боюсь приближаться к большим	87
Причина (Отчего твой автобус быстрее не бежит) ...	88
Тишина (Во мне был резкий звон)	89
Как к нам жестока наша красота!	90
Блок писать почти не мог	91
Строчки помогают нам не часто	92
Чистопрудный вальс	93
Пророк (Он жил без хлеба и пощады)	94
Как муж один не знает ни о чем	95
Не знаю оружия слабее	96
Ночная птица	97
Афганистан (Спросите вы друзей и женщин)	99

Ах, можно обойтись и без любви	100
Как старая сторожевая	101
Баллада о сволочи	102

ПОВЕСТКА ДНЯ

Юношеское (Вот рвешься ты, единственная нить) .	104
Королевский вальс.....	105
Прощание с газетой	106
В отечестве (Я иду в небольшой тишине)	110
Записки Хефтлинга.....	111
Делянка (Горожанин, выкормыш, калека)	112
Лимита (Где нынче ни проснемся, мы в пути)	113
Вечерняя молитва горожанина	114
Уж чего-чего от них не видел	115
Предпосевная кампания	116
Нежелание быть испанцем	117
Жилищный кризис	118
Я б снял в кино моих друзей.....	119
Памирское воспоминание	120
Произведение искусства	121
Сталин (В его мозгу Сибирь, Кавказ)	122
Хайфа. Лагерь для переселенцев.....	123
Воскресник в детском саду.....	124
О дальнейшем течении лет	125
Акселерация (Эта женщина очень длинна)	126
Святой патруль	127
Коридоры (Лампы, кафель, под березу обшивка)	128
В больнице (— Прохаживался. Шутил)	129
Окно в больнице	130
Как странно выглядит зима	131
Наброски (поэмы)	132
В исключительном количестве различных.....	134
Прощание с находкой	135
Декларация от отказе от профессионализма.....	136
Я королем был довольно славным	138
Куда же потерялся он	139
Стихи с цитатой	140
Весна (Цвета снега, цвета сна)	141
В гостях.....	142
Гетто. 1943 год.....	144
Досматривать кино не очень хочется.....	146

На дачу.....	147
Разговор двух приятелей.....	148
Эта песня ненадолго	149
Все вернулось на место	150
Если вдруг пойти в аптеку	151
Майская песенка.....	152
Стол (У этого стола две ножки на земле)	153
Значит, шляпу, перчатки.....	154
Совсем в другой системе	155
Песенка для журналиста	156
Неотступны и легки.....	157
Если ты вместо «нет», скажешь «да»	158

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Назидание (Годов, столетий остерегайся)	160
Чтение (В вагоне мы к плечу плечом)	161
Если бы книжка сама открывалась	162
Как странно, что из тишины	163
Если б ты на этом свете	164
Река своя у нас есть тоже	165
Глядя в ночь, не глядя на ночь	166
Нам вспарывают животы	168
Застава (Дубы качаться пошли в аллее).....	169
Приехал, и гулять растерянный идешь	170
— Обычный текст, — сказали ангелы.....	171
Возвращаясь в Синеград	172
Марки (А может быть, марки вот так разложить) ...	173
Напутствие (А когда владеет прямая тобой досада)	174
Нагорная проповедь	175
Памяти Юрия Смирнова	176
Как женщина чиста	177
Утром вернулся издалека	178
Так это море, значит?	179
Есть в нашей комнате стена	180
Когда раздвинешь город наш	181
Телеграмма, телеграмма, телеграмма!	182
Ушел потрепанный скрипач.....	183
Колыбельная (У края земли).....	184
Когда распространилось воровство.....	185
Заповедник (Утки дикие вернулись).....	186
Надорвав конверт, постой	187

...Так открыться и так состояться	188
Ценнее кольца золотого	189
Корабль заблудился в последнем просторе	190
Аэрофлот (Аэрофлот, аэробред, авиалинии)	191
Еще сама весна в наброске	192
Напутствие (Скажи ему, что он силен)	193
Гость (Мне нравится ваша планета).....	194
В гостях (Значки на пиджаках, портреты на обоях)	195
Дьявол говорит	196
За что серьезных дам	197
Из письма (Я б не взял тебя, конечно)	198

ПРОШЛЫЕ ДОЖДИ

Мы, не правда ли, не стареем?	200
А все же странно пишутся стихи	201
Большая Грузинская, 21/2	202
Ночная гроза в Паланге.....	203
Робинзон (Как я, свободны были лишь немногие)	204
Там же, во сне	205
Антитолкучка	206
Я перестал являться на дуэли	207
Разрыв (Был город бел)	208
Этот слабый твой крик: «Подожди!».....	209
Прямо в осень идут кусты	210
Воронка (Ну так вернись. Как известно, внутри)	211
Свой третий век переживают ели	212
Где искать (Сойдя на переходе с этой ленты).....	213
А мне бы почта полевая	214
До голубой звезды сгустится синева	215
Еще любить не миновать.....	216
Для того с такою яростью.....	217
Стихи со сносками.....	218
Парковый триптих.....	220
Снег (Я снег, я с неба, я иду!).....	222
Пять строф о последнем имени	223
Перетекает в слова.....	224
Бьют в небо яблоки. Сижу	225
Звон (— Я в прошлой жизни был министром)	226
Заклинание (Не стань бедой)	227
Кто кончался от ран	228
Ветер (И вот уж десять лет)	229

Имеет место дождь	230
Доверяю дождю, он явился потрогать поверхность	231
Баллада о сложности дождя	232
Зачем мне дожди	234
Чем далее, тем холоднее	235
На перекрестке трех времен	236
Девчонке хочется несчастья	237
Непринужденно полуобернусь	238

ОБРАТНЫЙ СЧЕТ

Вступление (Когда бы мне)	240
Выход (Где-то здесь)	242
Скажи, земля	243
Предложение (Нам следует издать его подряд)	244
Врачу (Я раньше очень верил в мозг)	245
Последний день я прожил хорошо	246
Я знал, что я не выживу в жару	247
Странно: пусть не на войне	248
Отстали псы. Я жил без смерти	249
А вам, говорил он, брать бы уж сразу Летний	250
Когда отхлынет гул детей	251
Возвращение (Стоит бесконечное лето)	252
Остановиться, оглянуться	253
Телефон в 42-й	254
Почти нигде меня и не осталось	255
Песенка с дороги	256
Я отпустил тебя давно	257
Все дальше отходим, все дальше отходим назад	258
Тишинка (Конечно, им казалось тоже)	259
На вершине горы не хватает коня	260
Тогда скажи им так	261
«В полиграфическом профтехучилище»	262
Потом оказалось, что звезд как бы и нет	263
Золотой ключик	264
Батальон истребителей танков	265
О сколько жизней невпадал!	266
Дворец и крейсер	267
Вторая попытка	268
А в парке Павловском поднялся в небо дождь	269
Вопросительная песенка	270
Но уж если нельзя	271

Не в стаде ль своем искали отцы	273
Лето 1972 года	274
Когда бы мне с рожденья жизнь вернули.....	275
С головою укроюсь пальто	276

СЮЖЕТЫ

Кьеркегор и Бог.....	278
Сексуальный заказ	280
Тростинка (К утру песок остынет).....	281
Завистник Баннаи	282
Аскет в городе	285
Прыжок Ханумана	287
Что сказать мне о поле вам Куликовым?.....	289
Пор, царь Пенджаба, руку протянул.....	290
Исаакиевская повесть	291
Баллада следствия	295
Баллада о рекорде	297
Веселенькая история	300
Хрестоматия (Побывав у водопада).....	303
Каскадер (Жиль де ла Мар)	304
Опасная баллада	305
Лягушка (Весна прошла).....	307
Первый закон Мальбека	308
Второй закон Мальбека	309
Третий закон Мальбека.....	310
Царевна и змей.....	312
Кто выдумал коня, слона, велосипед.....	315
Эпизод (Стенька Разин победил)	316
Выходной (Зиновий Штейн решил остаться дома) .	317
Город двойников	318
Воспитанные донны	319
Семейная баллада	320
Прощание с весной	322

ГОЛОСА

Познакомьтесь с Александром Ароновым	324
Раздумья Лунина	325
А эта женщина жила.....	326
Преемник (Разве вы знаете сами).....	327
Голоса	329

Молчание (Тут-Анх-Амон)	334
Песенка Менелая	336
Сен-Симон (С утра мороз не крут)	337
Легенда (Когда мы уточним язык)	338
Монолог Яго, не вошедший в пьесу	339
Монолог Николая I (1841 г.)	341
Пророки (Невнятицею всей)	343
Сумароков (Мне нравятся сии пииты)	344
Немая (Танцуют руки у немой)	345
Фольклорная вариация	346
Руссо (Я, наверное, калека)	347
Леший	
(Масштабы технических нововведений растут)	348
Стивенсон	
(По улицам города шел потрясающий снег)	349
Маугли	350
Невняцею всей	351
Родился — шла Столетняя война	352

ЗОДИАК, БЕСТИАРИЙ, ЗВЕРИНЕЦ

Если б мы разбредлись кто куда	354
Кто нам сказал, что настанет зима?	355
Решетка	
(Мы друг другу давно по заслугам не верим)	356
Предсказание (Они владеют колдовством двери) ...	357
Тут в комнате темнота	358
Цветок, олень и птица	359
Волк (И нет свободы. И Волк в степи)	360
Охрана природы	361
Что значат городские ночи?	362
Отличная была квартира	363
Познакомься с тобой на веку	364
Секрет бессмертья	365
Песня о собаке	366
О двух сердцах	367
Перевод (Ночью он вспрыгнет, чтоб лечь)	368
Верблюд (Верблюд неделю не ест)	369
Охота на птиц	371
Червь дождевой дождевым называется	372
Вот стихи о человеке	373

Где-то в зодиакальном гетто	374
Азбука (...Еще не собираем марки)	375
Песня (Равнинная тихая местность)	376
Бабочка (Все, в общем сжатое в одно)	377
Вот и встречаются ежик и танк	378
Стихи с чертежом	379
Секрет добродушия	380
Зачем охотник из ружья	381
Олень вступает в полемику	382
Семнадцать леопардов	383
Бог людей	384

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Ночной поезд.....	386
А часов приблизительно в семь	387
В удивленном городке	388
Поездка на Восток.....	389
Метромост (Из подземного туннеля)	390
...Кроме того, постоянно со мной.....	391
Гимн московскому Метрополитену.....	392
Пятый автобус	394
Окружная (Час пустынный, час ночной)	395
Ездить — придурковатая страсть	396
Когда уже поздно	397
Вечное движение	398
Коммунальная квартира	400
Трамвай бродил по городу	401
Реанимация.....	402
Не дочитываю книг	403
Завещание	404

ТУННЕЛЬ

Туннель (поэма)	406
-----------------------	-----

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ЭТУ КНИГУ

А

А в парке Павловском поднялся в небо дождь	269
А вам, говорил он, братъ бы уж сразу Летний	250
А все же странно пишутся стихи	201
А мне бы почта полевая	214
А часов приблизительно в семь	387
А эта женщина жила	326
Азбука (...Еще не собираем марки)	375
Акселерация (Эта женщина очень длинна)	126
Антитолкучка	206
Аскет в городе	285
Афганистан (Спросите вы друзей и женщин)	99
Ах, можно обойтись и без любви	100
Аэрофлот (Аэрофлот, аэробред, авиалинии)	191

Б

Бабочка (Все, в общем сжатое в одно)	377
Баллада о классной комнате	28
Баллада о рекорде	297
Баллада о сволочи	102
Баллада о сложности дождя	232
Баллада следствия	295
Батальон истребителей танков	265
Без выбора (Ходил, ходил по замкнутой Москве)	74
Блок писать почти не мог	91
Бог людей, Бог людей	384
Большая Грузинская, 21/2	202
Бьют в небо яблоки. Сижу	225

В

В больнице (— Прохаживался. Шутил)	129
В гостях (Значки на пиджаках, портреты на обоях)	195
В гостях (Рассказывала Майка)	142
В давнем учебном году	40
В исключительном количестве различных	134
В Марьине тоже расцветают вишни	65
В мелодии «Вишневый сад»	64
В отечестве (Я иду в небольшой тишине)	110
«В полиграфическом профтехучилище»	262
В трех правых мирах и в трех левых мирах	62
В удивленном городке	388
В этой комнате свет и тепло	72
Верблюд (Верблюд неделю не ест)	369
Веселенькая история	300
Весна (Цвета снега, цвета сна)	141
Ветер (И вот уж десять лет)	229
Вечерняя молитва горожанина	114
Вечное движение	398
Взрослые умерли. Их не осталось	22
Возвращаясь в Синеград	172
Возвращение (Стоит бесконечное лето)	252
Волк (И нет свободы. И Волк в степи)	360
Воронка (Ну так вернись. Как известно, внутри)	211
Возьми зеленый лучик	61
Вопросительная песенка	270
Воспитанные донны	319
Воскресник в детском саду	124
Вот и встречаются ежик и танк	378
Вот на что похоже счастье?!	56
Вот и опять предрассветные тени	79
Вот стихи о человеке	373
Врачу (Я раньше очень верил в мозг)	245
Все вернулось на место	150
Все дальше отходим, все дальше отходим назад	258
Вступление (Когда бы мне)	240
Вторая попытка	268
Второй закон Мальбека	309
Вы приходите в школу	19
Выход (Где-то здесь)	242
Выходной (Зиновий Штейн решил остаться дома) .	317

Г

Где искать (Сойдя на переходе с этой ленты)	213
Где-то в зодиакальном гетто	374
Гетто. 1943 год	144
Гимн московскому Метрополитену	392
Голоса	329
Город двойников	318
Гость (Мне нравится ваша планета)	194
Глядя в ночь, не глядя на ночь	166

Д

Дворец и крейсер	267
Девчонке хочется несчастья	237
Декларация об отказе от профессионализма	136
Делянка (Горожанин, выкормыш, калека)	112
Детское (Скажите, а вы все)	41
Для того с такою яростью	217
Доверяю дождю, он явился потрогать поверхность	231
До голубой звезды сгустится синева	215
Дом отдыха (Мне надо побыть одному)	23
Дон Жуан (Есть красный плащ у командора)	35
Досматривать кино не очень хочется	146
Душа (Есть птица, летящая в камне)	76
Дьявол говорит	196

Е

Ездить — придурковатая страсть	396
Если б ты на этом свете	164
Если б мы разбредились кто куда	354
Если бы книжка сама открывалась	162
Если вдруг пойти в аптеку	151
Если ты вместо «нет», скажешь «да»	158
Есть в нашей комнате стена	180
Есть клятва древняя. Сюжет ее не прост	69
Еще любить не миновать	216
Еще сама весна в наброске	192

Ж

Жилищный кризис	118
-----------------------	-----

З

Завещание (Отсвет имени на строчке).....	404
Завещание (Приготовляясь складывать слова).....	84
Завистник Баннаи	282
Заклинание (Не стань бедой)	227
Занятие (Безобидный идиот)	43
Записки Хефтлинга.....	111
Заповеди карате	77
Заповедник (Утки дикие вернулись)	186
Застава (Дубы качаться пошли в аллее).....	169
Зачем мне дожди.....	234
Зачем охотник из ружья	381
Звон (— Я в прошлой жизни был министром)	226
Зимой, когда у самой школы	36
Значит, шляпу, перчатки	154
Золотой ключик	264
За что серьезных дам	197

И

Иерусалимские качели.....	73
Из письма (Я б не взял тебя, конечно)	198
Имеет место дождь	230
Исаакиевская повесть	291
Исчисленным грядущий путь.....	75

К

Как женщина чиста	177
Как к нам жестока наша красота!	90
Как муж один не знает ни о чем.....	95
Как старая сторожевая	101
Как странно выглядит зима	131
Как странно, что из тишины	163

Каскадер (Жиль де ла Мар)	304
Когда бы мне с рожденья жизнь вернули	275
Когда раздвинешь город наш	181
Когда распространилось воровство	185
Когда отхлынет гул детей	251
Когда сомкнутся хляби надо мной	66
Когда уже поздно	397
Колыбельная (У края земли)	184
Коммунальная квартира	400
Корабль заблудился в последнем просторе	190
Коридоры (Лампы, кафель, под березу обшивка)	128
Королевский вальс	105
...Кроме того, постоянно со мной	391
Кропоткинский маршрут	70
Кто выдумал коня, слона, велосипед	315
Кто кончался от ран	228
Кто нам сказал, что настанет зима?	355
Куда же потерялся он	139
Кьеркегор и Бог	278

Л

Легенда (Когда мы уточним язык)	338
Летнее утро (Когда огромные шары)	52
Лето 1972 года	274
Леший (Масштабы технических нововведений растут)	348
Лимита (Где нынче ни проснемся, мы в пути)	113
Литсотрудник на полставки	85
Любимая, молю влюбленный	60
Лягушка (Весна прошла)	307

М

Майская песенка	152
Маугли (В лесу погибает калека)	350
Марки (А может быть, марки вот так разложить) ...	173
Метромост (Из подземного туннеля)	390
Молчание (Тут-Анх-Амон)	334
Монолог двоичника	33

Монолог Николая I (1841 г.)	341
Монолог Яго, не вошедший в пьесу	339
Мы, не правда ли, не стареем?	200

Н

Наброски (поэмы)	132
Нагорная проповедь	175
На вершине горы не хватает коня.....	260
На дачу.....	147
Надорвав конверт, постой.....	187
Назидание (Годов, столетий остерегайся).....	160
Назначить свиданье от дома вдали	63
Нам вспарывают животы	168
На перекрестке трех времен	236
Напутствие (А когда владеет прямая тобой досада).....	174
Напутствие (Скажи ему, что он силен)	193
Начать попробую слегка	82
Не дочитываю книг	403
Не в стаде ль своем искали отцы	273
Невнятицею всей	343
Не знаю оружия слабее	96
Нежелание быть испанцем	117
Немая (Танцуют руки у немой)	345
Неотступны и легки.....	157
Непринужденно полуобернусь.....	238
Но уж если нельзя	271
Ночная гроза в Паланге.....	203
Ночная песенка (Ваш труп зарыт в одном прелестном доме)	86
Ночная птица	97
Ночной поезд.....	386
Ну о чем ты, о чем ты, какие приметы.....	53

О

— Обычный текст, — сказали ангелы.....	171
О дальнейшем течении лет	125
О двух сердцах.....	367
Окно в больнице	130

Окружная (Час пустынный, час ночной)	395
Олень вступает в полемику	382
Опасная баллада	305
Остановиться, оглянуться	253
Освободив от лишней боли	67
О сколько жизней невпопад!	266
Отличная была квартира	363
Отрочество (Все это здание наше несложно)	34
Отстали псы. Я жил без смерти	249
Охота на птиц	371
Охрана природы	361
О чем теперь? Об этой черной шали?	59

П

Памирское воспоминание	120
Памяти Миклоша Радноти	81
Парковый триптих	220
Памяти Юрия Смирнова	176
Первый закон Мальбека	308
Перевод (Ночью он вспрыгнет, чтоб лечь)	368
Перетекает в слова	224
Песенка для журналиста	156
Песенка труса	47
Песенка Менелая	336
Песенка на прощанье (Здесь жить, конечно, можно)	55
Песенка о поздней любви... ..	37
Песенка с дороги	256
Песенка Шмелькова	30
Песня о собаке	366
Песня (Равнинная тихая местность)	376
Познакомьтесь с Александром Ароновым	324
Познакомься с тобой на веку	364
Поездка на Восток	389
Последний день я прожил хорошо	246
Пор, царь Пенджаба, руку протянул	290
Потоп (И выплыли, выплыли, знаешь)	54
Потом оказалось, что звезд как бы и нет	263
Потому, что есть предел	42
Почти нигде меня и не осталось	255
Поэты (На свете есть одни поэты)	50

Предвыпускная лекция	21
Предложение (Нам следует издать его подряд)	244
Предпосевная кампания	116
Предсказание (Они владеют колдовством двери) ...	357
Преемник (Разве вы знаете сами).....	327
Приехал, и гулять растерянный идешь	170
Причина (Отчего твой автобус быстрее не бежит) ...	88
Прогулка (В расколдованной роще подъездов)	80
Произведение искусства	121
Пророк (Он жил без хлеба и пощады).....	94
Пророки (Невнятицею всей).....	343
Прощание с весной	322
Прощание с газетой	106
Прощание с находкой	135
Прыжок Ханумана	287
Прямо в осень идут кусты	210
Пятый автобус	394
Пять строф о последнем имени	223

Р

Разговор двух приятелей.....	148
Раздумья Лунина	325
Размер (Тряханёт этот знобкий анапест).....	48
Разрыв (Был город бел)	208
Реанимация (На свете счастья нет, но есть покой и жажда)	402
Река своя у нас есть тоже	165
Решетка (Мы друг другу давно по заслугам не верим) .	356
Робинзон (Как я, свободны были лишь немногие)..	204
Родился — шла Столетняя война.....	352
Руссо (Я, наверное, калека)	347

С

Самое первое сентября	39
Свой третий век переживают ели	212
Святой патруль	127
С головою укроюсь пальто	276

Секрет бессмертья	365
Секрет добродушия	380
Семейная баллада.....	320
Семинар (— Первую жизнь играть с огнем)	20
Семнадцать леопардов	383
Сен-Симон (С утра мороз не крут)	337
Совсем в другой системе	155
Соединенье гроз, тепла	24
Скажи, земля.....	243
Снег (Я снег, я с неба, я иду!).....	222
Сталин (В его мозгу Сибирь, Кавказ)	122
Стивенсон	
(По улицам города шел потрясающий снег)	349
Стихи с цитатой	140
Стихи со сносками.....	218
Стихи с чертежом	379
Странно: пусть не на войне	248
Строчки помогают нам не часто	92
Стол (У этого стола две ножки на земле)	153
Сумароков (Мне нравятся сии пииты)	344

Т

Тайна учителя та, что учить невозможно	46
Там же, во сне	205
...Так открыться и так состояться	188
Так это море, значит?	179
Телеграмма, телеграмма, телеграмма!	182
Телефон в 42-й.....	254
Тишина (Во мне был резкий звон).....	89
Тишинка (Конечно, им казалось тоже)	259
Тогда скажи им так	261
То хохочет, то подсказывает глупо.....	78
Трамвай бродил по городу	401
Третий закон Мальбека.....	310
Тростинка (К утру песок остынет).....	281
Тут в комнате темнота.....	358
Туннель (поэма)	406

У

У школы (Есть день: сошла трава)	38
Уж чего-чего от них не видел	115
Уроки космоса	57
Утром вернулся издалека	178
Учитель географии	31
Учитель словесности	32
Ушел потрепанный скрипач	183

Ф

Фольклорная вариация	346
----------------------------	-----

Х

Хайфа. Лагерь для переселенцев	123
Хрестоматия (Побывав у водопада)	303

Ц

Ценнее кольца золотого	189
Царевна и змей	312
Цветок, олень и птица	359

Ч

Чем далее, тем холоднее	235
Червь дождевой дождевым называется	372
Четыре урока ночью	25
Читатель (Маленький, хмурый, лохматый)	45
Чистопрудный вальс	93
Чтение (В вагоне мы к плечу плечом)	161
Что значат городские ночи?	362
Что сказать мне о поле вам Куликовом?	289

Ш

Школа поэтов	26
--------------------	----

Э

Эпизод (Стенька Разин победил)	316
Эта песня ненадолго	149
Этот слабый твой крик: «Подожди!»	209

Ю

Юношеское (Вот рвешься ты, единственная нить) .	104
---	-----

Я

Я б снял в кино моих друзей.....	119
Я боюсь приближаться к большим	87
Я был внутри	68
Я знал, что я не выживу в жару	247
Я королем был довольно славным	138
Я молод был. О, как я молод был!	18
Я отпустил тебя давно	257
Я перестал являться на дуэли	207
1956-й (Среди бела дня мне могилу выроют)	16

Александр Яковлевич Аронов (30 августа 1934 – 19 октября 2001) родился в Москве. Учился в эвакуации в Казахстане, позже в Самарканде, Иркутске и Москве. В 1956 году окончил Московский городской пединститут имени В. П. Потемкина. Работал учителем литературы в сельских школах Шаховского района и в московской 635-й школе.

Участник знаменитого московского литобъединения “Магистраль”.

В декабре 1959 подборка его стихов была опубликована Александром Гинзбургом в самиздатовском поэтическом альманахе “Синтаксис”.

Окончил очную аспирантуру Института художественного воспитания при АПН РСФСР. В начале 60-х работал матлингвистом в Центральном экономико-математическом институте АН СССР.

В 1966-м перешел в редакцию газеты “Московский комсомолец” и тридцать пять лет до последнего дня работал в газете. Возглавлял школьный отдел, был обозревателем и колумнистом.

Написанное им на рубеже 50-х и 60-х стихотворение “Остановиться, оглянуться...” стало классическим, а попавшую в рязановскую “Иронию судьбы” песенку “Если у вас нет собаки...” (в оригинале “Когда у вас нет собаки...”) пела вся страна.

При жизни поэта вышли три сборника его стихов: “Островок безопасности” (“Советский писатель”, 1987. Тираж 7 500) и “Тексты” (“Книжная палата”, 1989. Тираж 50 000). В том же 89-м книжка Аронова “Первая жизнь” опубликована в серии “Библиотека “Огонек”. Ее тираж 150 000 экз.

ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИКЕ:

«Синтаксис», № 1, декабрь 1959 («Грани», № 58, 1965).

«Юность», № 6, 1964.

«Московский комсомолец». «Книга в газете». 10 марта 1968

«Юность», № 11, 1984.

«Огонек», № 32, 1988.

«Знамя», № 3, 1997. «Последние стихи».

КНИГИ:

Островок безопасности. — М.: Советский писатель, 1987. — 128 с.

Тексты. — М.: Книжная палата, 1989. — 176 с.

Предисл. С. Чуприна

Первая жизнь: Стихи. — М.: Правда, 1989. — 32 с. (Б-ка "Огонек" № 46).

Дождь необитаемых планет: Книга в альманахе // Истоки: Альманах. Вып.2 (24). — М.:

РИФ «РОЙ», 1997. С.40-58. Вместо предисл.

А. Володин.

Туннель: Стихи, эссе, отрывки из статей. — М.: «Голос-Пресс», 2003. — 336 с.: ил.

ISBN 978-5-9900974-2-1

Идентификатор 9900974

Подписано в печать 12.09.14

Печать офсетная

Формат издания — 84x108/32

Объем 14 печатных листов

Тираж 1000 экз.

Заказ № 15960

Книга отпечатана в соответствии с предоставленными материалами
в ОАО "Подольская фабрика офсетной печати",
Московская обл., г. Подольск,
Революционный проспект, д.80/42.

ISBN 978-5-9900974-2-1

